ISSN 2308-829X

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Российский государственный университет нефти и газа
им. И. М. Губкина

Научно-общественный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№3’ 2016

Москва ♦ ИСПИ РАН

2016

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук ***С.В. Рогачев.***

Члены редакционного совета:

Академик НА Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, действительный член Российской Академии социальных наук **А.А. Бессмертны**х, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзуцев**, член-корреспондент РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, *(заместитель председателя редакционного совета)*, доктор политических наук **П. Кулашик**, доктор социологических наук **А.Г. Каххаров**, доктор экономических наук, профессор **С.Н. Лебедев**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, политолог **Ли Фэнлинь,** политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор), доктор политических наук, профессор **Л.Н. Алисова**, действительный член Российской Академии социальных наук **В.Г. Бояринов**, доктор политических наук **В.П. Воротников**, доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов**, кандидат социологических наук, доцент **И.В. Леусенко**, доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко** (заместитель главного редактора), доктор экономических наук, профессор **У.Г. Николаева**, доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова**, доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая**, доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан**, член-корреспондент РАН **С.В. Рязанцев**, доктор социологических наук **В.К. Сергеев,** доктор социологических наук, профессор **М.Н. Филатова** (первый заместитель главного редактора), кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (ответственный секретарь), кандидат философских наук **В.В. Суходеев**.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
  — для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
  — для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
  — для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
  поля: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегль 12);
- рисунки, схемы и таблы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5×2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:
— аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
— список ключевых слов;
— пристатейный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Глазьев С.Ю.
Закономерность смены мирохозяйственных укладов в развитии мировой экономической системы и связанных с ними политических изменений 5

Мартыненко В.В.
Мировой экономический кризис как проявление неадекватных преставлений о социальном значении денег и банков в общественном сознании 46

Юревич А.В.
На путях поиска российской национальной идеи: взгляд психолога 78

Левашов В.К., Сарьян В.К.
Гражданское общество в сетях информационно-коммуникативных технологий 92

ИССЛЕДОВАНИЕ

Кублицкая Е.А.
Динамика процесса десекуляризации в мегаполисе 104

Лунева О.В.
Развитие исследований социального интеллекта в историческом контексте 124

Воловикова М.И.
История лаборатория психологии личности Института психологии РАН 138

Джидарьян И.А.
О правомерности использования понятия «психологическое здоровье» 145

Китова Д.А.
Представления молодежи о коррупции и причинах ее распространения 154

Грачев А.А.
Психология и социология в деятельности психологической службы промышленного предприятия конца советского периода (на примере социально-психологической службы ПО «Курганприбор») 167

Дробышева Т.В.
Поколенческая идентичность и представления работающих взрослых о благополучии людей престарелого возраста 182

ЮБИЛЕИ

Обознов А.А.
Психология профессиональной деятельности: комплексный подход (к 85-летию со дня рождения В.А. Бодрова) 195

ИНФОРМАЦИЯ И РЕЦЕНЗИИ

Ксенофонтов В.Н.
Россия в условиях изменяющегося мира: философия осмысления и перспективы будущего 207

Магарил С.А.
Фантомы российского общества (О книге Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества». М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015. 668 с.) 216

Глазьев С.Ю.

ОПИСАНИЕ НАУЧНОЙ ГИПОТЕЗЫ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Глазьев Сергей Юрьевич, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Название гипотезы

Закономерность смены мирохозяйственных укладов в развитии мировой экономической системы и связанных с ними политических изменений[1]

Аннотация: Выдвигаемая гипотеза обосновывает представление развития мировой экономики как периодического процесса смены мирохозяйственного уклада, каждый из которых представляет собой систему взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений. Ведущее значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные институты, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения.

Каждый мирохозяйственный уклад имеет пределы своего роста, определяемые накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Развертывание этих противоречий происходит до момента дестабилизации системы международных экономических и политических отношений, разрешавшихся до сих пор мировыми войнами. В такие периоды происходит резкая дестабилизация системы международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка. Исчерпываются возможности социально-экономического развития на основе сложившейся системы институтов и технологий. Лидировавшие до этого страны сталкиваются с непреодолимыми трудностями в поддержании прежних темпов экономического роста. Перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах ввергает их экономику в депрессию, а сложившаяся система институтов затрудняет формирование новых технологических цепочек. Они вместе с новыми институтами организации производства пробивают себе дорогу в других странах, прорывающихся в лидеры экономического развития.

[1] (Свидетельство №41-Н о регистрации научной гипотезы «Гипотеза о периодической смене мирохозяйственных укладов».)

Прежние лидеры стремятся удержать свое доминирование на мировом рынке посредством усиления контроля над своей геоэкономической периферией, в том числе методами военно-политического принуждения. Как правило, это влечет крупные военные конфликты, в которых стареющий лидер растрачивает ресурсы, не добиваясь должного эффекта. Находящийся к этому времени на волне подъема потенциальный новый лидер старается занять выжидательную позицию, чтобы сохранить свои производительные силы и привлечь спасающиеся от войны умы, капиталы и сокровища воюющих стран. Наращивая свои возможности, новый лидер выходит на мировую арену, когда воюющие противники достаточно ослабеют, чтобы присвоить себе плоды победы.

Предлагаемая гипотеза подтверждается историческим опытом. Закономерность периодической смены мирохозяйственных укладов проявляется в последовательности открытых Арриги вековых циклов накопления капитала. По наименованию стран, лидировавших в ходе соответствующего цикла и задававших образец организации воспроизводства капитала, он выделяет Испано-Генуэзский, Голландский, Английский и Американский циклы. Выдвигаемая гипотеза раскрывает механизм расширенного воспроизводства капитала в каждом вековом цикле его накопления посредством выявления механизма взаимодействия производительных сил и производственных отношений в рамках соответствующего мирохозяйственного уклада. По основному признаку мирохозяйственного устройства они определены соответственно, как торговый, торгово-монополистический, колониальный, имперский и интегральный мирохозяйственные уклады. Исторический анализ подтверждает данную закономерность с ее характерными проявлениями в соответствующих периодах развития мировой экономики, различающихся по производственным отношениям, институтам организации хозяйственной деятельности, составу лидирующих стран, смена которых до сих пор опосредовалась мировым войнами, каждая из которых развязывалась властвующей элитой, теряющей глобальное доминирование страны с целью удержания контроля за своей экономической периферией.

Так, переход от колониальных империй европейских стран к американским глобальным корпорациям в качестве ведущей формы организации мировой экономики происходил посредством развязывания двух горячих и третьей холодной мировых войн, исход которых всякий раз сопровождался кардинальными изменениями мирового политического устройства. В результате Первой мировой войны рухнул монархический строй, сдерживавший экспансию национального капитала. В результате Второй мировой войны развалились колониальные империи, ограничивавшие международное движение капитала. С крахом СССР свободное движение капитала охватило всю планету, и формирование имперского мирохозяйственного уклада было завершено, а соответствующая ему система институтов вступила в фазу зрелости. Характерные для него производственные отношения стали сдерживать дальнейшее развитие производительных сил.

В настоящее время, как это было и в предыдущие периоды смены мирохозяйственных укладов, теряющий влияние лидер прибегает к принудительным способам поддержания своего доминирования.

Сталкиваясь с перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, США пытаются удержать лидерство за счет развязывания мировой войны с целью ослабления, как конкурентов, так и партнеров.

Как следует из предлагаемой гипотезы, эпоха американской гегемонии в мире заканчивается. Система институтов, задававшая ход американскому циклу накопления, не обеспечивает более поступательного развития производительных сил. Начинается фаза роста нового мирохозяйственного уклада с перемещением производственного, финансового и технологического центра развития мировой экономики из США в Китай и другие страны его ядра. При этом формирование нового мирохозяйственного уклада ведется странами БРИКС на равноправной и взаимовыгодной основе. По этим принципам создаются региональные экономические объединения — ЕАЭС, ШОС, МЕРКОСУР, АСЕАН-Китай.

В отличие от институциональной системы США, ориентированной на обслуживание интересов финансовой олигархии, паразитирующей на эмиссии доллара как мировой валюты, институциональные системы Китая, Индии, Японии, Кореи, Вьетнама, Малайзии, Сингапура, Ирана и других стран формирующегося нового центра развития, ориентированы на обеспечение общественных интересов в социально-экономическом развитии. Они нацелены на гармонизацию интересов различных социальных групп, выстраивание партнерских отношений между бизнесом и государством ради достижения общественно значимых целей. Экспансия денежного капитала ограничивается национальными и международными нормами, которые защищают общественные интересы и подчиняют им регулирование процессов воспроизводства капитала. Созданные в период предыдущего мирохозяйственного уклада институты международного права приобретают фундаментальное значение.

Современное развитие производительных сил требует новых производственных отношений и институтов организации глобальной экономики, которые позволили бы обеспечить устойчивое развитие и отражение планетарных угроз. В условиях либеральной глобализации, выстроенной под интересы транснациональных, в основном англо-американских корпораций, эти вызовы существованию человечества остаются без ответа. Объективно возникающая необходимость упорядочивания движения мирового капитала достигается в системе институтов нового мирохозяйственного уклада с подъемом Китая, Индии и Вьетнама вслед за Японией и Кореей все более явственно просматриваются контуры перехода к новому мирохозяйственному укладу с соответствующей интересам устойчивого и гармоничного развития человечества системой институтов.

Примат общественных интересов над частными выражается в характерной для нового мирохозяйственного уклада институциональной структуре регулирования экономики. Прежде всего — в государственном контроле над основными параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство при этом не столько приказывает, сколько выполняет роль модератора,

формируя механизмы социального партнерства и взаимодействия между основными социальными группами. Чиновники не пытаются руководить предпринимателями, а организуют совместную работу делового, научного, инженерного сообществ для формирования общих целей развития и выработки методов их достижения. В свою очередь, предприниматели вписывают мотив максимизации прибыли и обогащения в этические нормы, защищающие интересы общества. Расширяется использование институтов предпринимательской деятельности, ориентированных не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат — некоммерческих организаций, институтов развития, исламского и православного банкинга. При управлении денежными потоками принимаются во внимание этические нормы и вводятся ограничения против финансирования преступной и аморальной деятельности. На это настраиваются и механизмы государственного регулирования экономики.

Государство обеспечивает предоставление долгосрочного и дешевого кредита, а предприятия гарантируют его целевое использование в конкретных инвестиционных проектах для развития производства. Государство обеспечивает доступ к инфраструктуре и услугам естественных монополий по низким ценам, а предприятия отвечают за производство конкурентоспособной продукции. В целях повышения её качества государство организует и финансирует проведение необходимых НИОКР, образование и подготовку кадров, а предприниматели реализуют инновации и осуществляют инвестиции в новые технологии. Частно-государственное партнерство подчиняется общественным интересам развития экономики, повышения народного благосостояния, улучшения качества жизни. Соответственно, меняется и идеология международного сотрудничества — парадигма либеральной глобализации в интересах частного капитала ведущих стран мира сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества. Меняется архитектура международных финансово-экономических отношений. Допускается введение ограничений на трансграничное движение капитала с целью блокирования возможностей его ухода от социальной ответственности, с одной стороны, и выравнивания издержек социальной политики национальных государств, с другой стороны. Новый, интегральный, мирохозяйственный уклад отличается от предыдущего признанием национального суверенитета в области регулирования экономики с одной стороны, и жестким соблюдением международного права, с другой стороны. Составляющие его институты ориентированы на гармонизацию экономических отношений и реализуют идеологию устойчивого развития.

Abstract: The suggested hypothesis proves an idea for the world economy development as a periodic process of change of **the global economic mode**, each of which is a system of interrelated international and national institutions ensuring extended reproduction of the economy and defining the mechanism of global economic relations. Institutions of the leading country are of managing values. They have a dominant influence on the international institutions governing the world market and international commercial and economic and financial relations.

Each **global economic mode** has limits of its growth, defined by the accumulation of internal contradictions within the reproduction

of its institutions. Deployment of these controversies occurs before the moment of destabilizing of the system of international economic and political relations, which have been resolved by way of world wars before. Sudden destabilization of the system of international relations, destruction of the old and formation of a new world order occur in such periods. Possibilities for social-economic development on the basis of the existing system of institutions and technology are exhausted. The countries which have been the leaders before are faced with insuperable difficulties in maintaining previous rate of growth. Over-accumulation of capital in aging industrial-technological complexes throws its economy into depression, and this system of institutions hinders formation of new technological chains. They, along with new institutions of the production organization, make their way in other countries, which are breaking through into the leaders of economic development.

Previous leaders try to keep its dominance in the world market by strengthening control over their geo-economic periphery, including political and military methods of coercion. This usually leads to major military conflicts in which the aging leader squanders resources in the failed effort to proper effect. A potentially new leader located by this time on the upsurge tries to take a waiting position to maintain its productive forces and to attract minds, capital and treasures of the countries at war taking refuge from war. Increasing its capacity, a new leader emerges on the world stage when enemies at war are weakened enough to appropriate the rewards of victory.

The proposed hypothesis is confirmed by historical experience. Regular pattern of periodical alternation of the global economic mode shows itself in the sequence of secular cycles of the capital accumulation opened by Arrighi. As to the names of the countries which were the leaders during the relevant cycle and set the pattern of the capital reproduction sample, he singled out the Spanish-Genoese, Dutch, English and American cycles. The suggested hypothesis reveals the mechanism of extended reproduction of capital each secular cycle of its accumulation by identifying the mechanism of interaction between the productive forces and production relations in the framework of the corresponding global economic mode. Based on the indicator of global economic mode, they are respectively defined as a commercial, trade and monopolistic, colonial, imperial and integrated global economic mode. Historical analysis confirms this pattern with its typical manifestations in the respective periods of the world economy development which vary in industrial relations, institutions of economic activity organization, composition of the leading countries, the change of which was still mediated by world wars, each of which was set off by the ruling establishment losing global domination of the country in order to retain control over its economic periphery.

So, transfer from the colonial empires of the European countries to the American global corporations as a lead form of the world economy organization was realized by unleashing two hot and the third cold world wars outcome of which every time was accompanied by dramatic changes in the world political order. As a result of the First World War, the monarchical system holding back expansion of national capital was collapsed. As a result of the Second World War, the colonial empires that constrained international movement of capital were collapsed. With the collapse of the Soviet Union, free movement of the capital swept across

the entire planet, and formation of the imperial global economic mode was completed and the corresponding system of institutions entered into a phase of maturity. Production relations characteristic of it began to constrain further development of productive forces.

Now, as it was in previous periods of changing global economic mode, the leader losing influence resorts to coercive ways of its dominance maintaining. Faced with a capital overaccumulation in financial pyramids and obsolete factories, as well as losing markets for its products and with the fall in the share of the dollar in international transactions, the USA is trying to keep leadership due to outbreak of the World War to weaken its competitors and partners.

As follows from the proposed hypothesis, the age of American hegemony in the world is coming to an end. The system of institutions which specified the American cycle of accumulation does not provide for sustained development of the productive forces any more. A phase of new global economic mode growth begins with the movement of the production, financial and technological center of the world economy development from the United States to China and other countries of its core. Herewith, formation of the new global economic mode is carried out by the BRICS countries equitably and on mutually beneficial basis. Regional economic communities – EAEU, SCO, MERCOSUR, ASEAN-China are established on these principles.

Unlike the institutional system of the United States of America focused on the service of interests of financial oligarchy parasitizing on the dollar emission as a world currency, institutional systems of China, India, Japan, Korea, Vietnam, Malaysia, Singapore, Iran and other countries of the emerging new center of development, are focused on serving the public interests in the social-economic development. They are aimed at harmonizing the interests of different social groups, building partnership relations between business and the state in order to achieve important social objectives. Expansion of money capital is limited to national and international regulations that protect public interests and bring regulation of the capital reproduction processes under control. Created during the previous global economic mode, institutions of international law assume fundamental significance.

Modern development of the productive forces requires new industrial relations and institutions of the global economy organization, which would ensure sustainable development and return of the planetary threats. Under the conditions of liberal globalization built under the interests of transnational, mostly Anglo-American corporations, these challenges to the existence of humankind remain unanswered. Objectively arising need to regulate movement of global capital is achieved in the system of institutions of the new global economic mode with the rise of China, India and Vietnam. Followed by Japan and Korea, outlines of transition to the new global economic mode with the corresponding interests of sustainable and harmonious development of mankind through the system of institutions are more clearly visible.

Primacy of public interests over private ones is expressed in the institutional structure of economic regulation characteristic for the new global economic mode. First of all – in the state control of basic parameters of the capital reproduction through the mechanisms of planning, lending, subsidizing, pricing and regulation of basic business conditions. Herewith,

the state not so much orders as performs the role of a moderator forming mechanisms of social partnership and interaction between major social groups. Officials do not try to manage entrepreneurs and organize joint work of business, scientific, engineering communities to form common development goals and to develop methods to achieve them. In its turn, the entrepreneurs enter the motive of profit maximization and enrichment in ethical standards protecting interests of the society. Use of entrepreneurial institutions focused not on the profit maximizing but on the socially significant outcome – non-profit organizations, development institutions, orthodox and islamic banking – is expanding. Ethical norms are taken into account when managing cash flows and restrictions against criminal and immoral activities funding are entered. The mechanisms of the economy state regulation are set up on it.
The State provides a long-term and cheap credit, and companies guarantee its proper use in specific investment projects for the production development. The State provides an access to infrastructure and services of natural monopolies at low prices, and enterprises are responsible for the production of competitive products. In order to improve its quality, the State organizes and funds necessary research and development, personnel education and training, and entrepreneurs implement innovation and investing in new technologies. Public-private partnership is accountable to public interests of the economic development, improvement of national welfare and quality of life. Accordingly, ideology of international cooperation is changing – the paradigm of liberal globalization for the benefit of private capital of leading countries of the world gives way to the paradigm of sustainable development for the benefit of all mankind. The architecture of the international financial and economic relations is changing. Imposition of restrictions on cross-border capital movements is allowed to block its withdrawal from social responsibility, on the one part, and to align costs of the social policies of national states, on the other part. A new, integral, global economic way of life differs from the previous one through recognition of national sovereignty in the field of the economy regulation, on the one hand, and strict compliance with international law, on the other hand. Its institutions are focused on the harmonization of economic relations and implement the ideology of sustainable development.

Ключевые слова: длинные циклы, мирохозяйственные уклады, технологические уклады, институциональные изменения, мировая война, воспроизводство экономики.
Key words: Long Cycles, global economic mode, technological mode, institutional change, World War, economic reproduction.

Вводная часть

Гипотеза относится к сфере экономических наук, разделу экономическая теория.

До открытия мирохозяйственных укладов развитие мировой экономической системы представлялось: как процесс непрерывного повышения ее эффективности на основе совершенство-

вания международного разделения труда и движения к состоянию равновесия (Смит[1], Рикардо[2], Милль[3], Вальрас[4], Маршалл[5]); как смена общественных формаций в результате поступательного развития производительных сил в диалектическом противоречии с соответствующими производственными отношениями, разрешаемом в периодически происходящих социальных революциях (Маркс[6], Энгельс, Ленин) вплоть до перехода к социалистическому строю, который в результате планомерного развития производительных сил должен перейти в коммунистическую формацию (Румянцев[7], Цаголов[8]); как постепенное совершенствование хозяйственных практик (Бродель[9]); как последовательная смена вековых циклов накопления (Арриги[10]); как чередование длинных волн конъюнктуры (Кондратьев[11]); как последовательная смена технологических траекторий и технологических парадигм (Доси, Перес); как сочетание различных экономических и цивилизационных циклов (Яковец).

Во времена формирования классического направления экономической мысли еще не были очевидны возможности научно-технического прогресса, так же, как и значение человеческого фактора в его обеспечении. Недооценил его и Маркс, который интерпретировал техническое развитие сквозь призму повышения органического строения капитала, из чего выводил тенденцию к снижению нормы прибыли и конец капитализма. Эта тенденция действительно имеет место в рамках жизненного цикла одного технологического уклада вследствие постепенного исчерпания возможностей совершенствования составляющих его производств. Смена технологических укладов открывает новые возможности для развития производительных сил, а смена мирохозяйственных укладов — для приведения в соответствие с ними производственных отношений. Доктрина научного коммунизма

[1] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962

[2] Рикардо Д. Сочинения: в 5 т. М., 1955, «Начала политической экономии и налогового обложения»

[3] Милль Дж.С. Основы политической экономии: в 3 т. М., 1980

[4] Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М., 2000

[5] Маршалл А. Принципы политической экономии: в 3 т. М., 1983–1984

[6] Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23–25

[7] Румянцев А. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М.: «Мысль», 1966

[8] Цаголов Н.А. Курс политической экономии в 2-х томах. М.: «Экономика», 1973–1974

[9] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV–XVIII вв.), Том 2: Игры обмена. М.: Пресс, 1988.

[10] Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. — М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2006

[11] Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Сост. Ю.В. Яковец. — М.: Экономика, 2002.

(Ленин, Сталин) вслед за Марксом ошибочно приняла завершение жизненного цикла второго, а затем третьего технологического уклада за конец капитализма, который, однако, с появлением нового мирохозяйственного уклада приобрел формы социального государства с сильным влиянием социал-демократической идеологии.

Аналогичную ошибку, только с противоположным знаком, совершают апологеты капиталистического строя, которые руководствуются неоклассическими представлениями о чудесных свойствах рыночной самоорганизации обеспечивать оптимальное использование ресурсов. Они недооценивают принципиальную сложность процесса развития экономики, которое никогда не бывает в состоянии рыночного равновесия. Поэтому они ни разу не смогли предсказать появление экономических кризисов и депрессий, также как катастроф срыва ведущих стран мира в войны. После распада СССР они поспешили заявить о конце истории (Фукуяма) и окончательном торжестве либертарианской идеологии (Аталли). Развертывание в США глобального финансового кризиса и втягивание ведущих стран мира в турбулентно-депрессивное состояние вновь стало для них неожиданностью, также, как и быстрое возвышение Китая, продолжающего строить социализм.

Изучение неравномерности и неравновесности процессов развития экономики велось в исторических исследованиях развития мировой экономики в рамках изменения структур повседневности (Бродель[1]), миросистемного подход (Валлерстайн[2]), вековых циклов накопления (Арриги[3]), предполагающих сложный характер эволюции социально-экономических и политических систем организации мировой экономики. Однако ограниченность историко-социологического методологического аппарата этих исследований не позволяет выявить действие общих закономерностей, хотя полученных в них знания и выводы используются при построении гипотезы о смене мирохозяйственных укладов.

Определенные заделы в объяснении неравномерности экономического развития сделаны в теориях экономических циклов

[1] Бродель Ф. вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева; [пер. с фр. Л.Е. Куббеля]. — [2-е изд.], Весь Мир, 2006

[2] Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территирия будущего», 2006. — 248 с.

[3] Арриги Д. ДОЛГИЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК деньги, власть и истоки нашего времени пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. — Сер. Серия Социология, Территория будущего, М., 2006

(Жюглар[1], Джевонс[2], Туган-Барановский[3], Кассель[4]), среди которых важный вклад в описание процессов долгосрочного экономического развития внесла теория длинных волн (Кондратьев, Менш, Фримен, Меньшиков, Клименко, Доси, Маркетти, Перес). Открытие закономерности смены технологических укладов позволило раскрыть производственно-технологическую основу длинных волн Кондратьева и объяснить их образование. Однако смена более длинных периодов в развитии мировой экономики, опосредуемая мировыми войнами и кардинальными изменениями как в системе мирохозяйственных отношений, так и в мировом политическом устройстве, еще нуждается в научном объяснении.

Ни одна из существующих теорий не может дать удовлетворительного объяснения неравномерности, неравновесности, и нелинейности развития экономики, чередования периодов стационарного роста экономики и кризисов, депрессий, революций и войн, в результате которых происходит обесценение значительной части материального и человеческого капитала, а также появление новых технологий, институтов и направлений экономического развития, форм организации и механизмов воспроизводства мирохозяйственной системы. Теория экономического равновесия, также, как и формационная теория игнорируют главный фактор современного экономического роста — научно-технический прогресс со свойственной ему неопределенностью, неравновесностью и нелинейностью, а также возможностями постоянного развития производительных сил, преодолевающими ограничения экономического роста. В свою очередь, технократические теории циклов не уделяют должного внимания роли институтов организации воспроизводства экономики, вследствие чего не могут объяснить прерывистый характер социально-экономического развития, включая периодически возникающие войны с уничтожением значительной части производительных сил.

В этих целях разработана гипотеза о закономерности периодической смены мирохозяйственных укладов, составляющих институциональный каркас соответствующих периодов в развитии ми-

---

[1] Блауг М. Жугляр, Клемент // 100 великих экономистов до Кейнса = Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. — СПб.: Экономикус, 2008. — С. 107–108. — 352 с.

[2] Вехи экономической мысли. Т. 1. — СПб.: Экономическая школа., 2000, «К вопросу о периодических коммерческих колебаниях»

[3] Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. — М.: Наука, 1997. — 573 с.

[4] Блауг М. Кассель, Карл Густав // 100 великих экономистов до Кейнса = Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. — СПб.: Экономикус, 2008. — С. 117–120.

ровой экономики. Эта гипотеза позволяет установить взаимосвязь технологических и институциональных изменений, а также раскрыть механизм взаимодействия развития производительных сил и производственных отношений, проявляющийся в чередовании длительных периодов устойчивого роста (когда существующая система институтов благоприятствует расширенному воспроизводству мировой экономики) и турбулентных периодов войн и революций (когда мировая экономика погружается в кризис и формируется новая система институтов, адекватная повысившемуся уровню развития производительных сил), входе которых осуществляется переход к новому мирохозяйственному укладу и формируется новый мировой порядок с новым геоэкономическим центром и геополитическим лидером.

Понимая закономерность развития производительных сил как процесс последовательной смены технологических укладов и рассматривая производственные отношения как систему институтов, кардинально меняющуюся при смене мирохозяйственных укладов, гипотеза о периодический смене последних позволяет объяснить как образование длинных (Кондратьевских) волн экономического роста (конъюнктуры), так и открытых Арриги вековых циклов накопления капитала. Если в основе первых лежат фазы подъема жизненного цикла соответствующих технологических укладов (воспроизводящихся целостных систем технологически сопряженных производств), то в основе вторых — соответствующих мирохозяйственных укладов (систем взаимосвязанных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство капитала и определяющих механизм глобальных экономических отношений).

Использование понятия «уклад» призвано отразить воспроизводящуюся целостность взаимосвязанных элементов: соединенных технологической кооперацией производств (технологический уклад) и объединенных институтами хозяйственных образований (мирохозяйственный уклад). Связанность элементов предопределяет синхронизацию их жизненных циклов, по меньшей мере, в фазе зрелости и упадка. А также прерывистый характер экономического развития, в котором периодически происходит одновременная смена большого количества связей между элементами, которая приобретает скачкообразный характер технологических (при смене технологических укладов) и политических (при смене мирохозяйственных укладов) революций.

В данной трактовке технологические революции отражают качественные изменения в составе производительных сил, а полити-

ческие — в содержании производственных отношений. Они не обязательно должны совпадать, хотя их взаимовлияние и принцип соответствия имеют большое значение. Однако инерционность производственных отношений существенно выше, чем технологических, вследствие чего жизненный цикл мирохозяйственного уклада намного длиннее технологического. Вместе с тем происходящее в настоящее время наложение этих двух циклических процессов в фазе кризиса создает опасный резонанс, угрожающий разрушением всей системы мировых экономических и политических отношений.

Подобное явление происходило в 30-е годы прошлого столетия, когда мир не удалось удержать от самой чудовищной войны в истории человечества. Это подчеркивает практическую значимость гипотезы о периодической смене мирохозяйственных укладов в выявлении и предотвращении угроз развитию и самому существованию мировой и национальным социально-экономическим системам.

Завершение жизненного цикла доминировавших до последнего времени технологического и мирохозяйственных укладов и их замещение новыми сопровождается переходом к экономике и обществу знаний, в которых воспроизводство человеческого капитала определяет развитие производительных сил, а гармонизация производственных отношений в целях максимизации общего блага становится ключевой характеристикой социального устройства. О формировании подобного социально-экономического строя в свое время писали П. Сорокин[1], Гэлбрейт[2], О. Богомолов и др. сторонники конвергенции капитализма и социализма, исследования которых были приняты во внимание при разработке предлагаемой гипотезы.

Сведения о приоритете

— Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии. — М.: Экономика и математические методы, 2016, том 52, № 2.

— С. Глазьев. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Доклад. — М.: Инсти-

[1] Sorokin P.A., Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. to the mixed sociocultural type, International Journal of Comparative Sociology 1(2), 1960, pp. 143–176

[2] Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество, Пер. с англ., АСТ, М., 2004. Гэлбрейт Дж., Меньшиков С. «Капитализм, социализм, сосуществование» М.: Прогресс, 1988

тут экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. — 60 с.

— С. Глазьев. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. — М.: Книжный мир, 2016. — 512 с.

Содержание гипотезы

Понятие мирохозяйственного уклада определяется как система взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений. Ведущее значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные институты, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения.

Каждый мирохозяйственный уклад имеет пределы своего роста, определяемые накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Развертывание этих противоречий влечет повышение напряжения системы международных экономических и политических отношений, разрешавшегося до сих пор мировыми войнами. В такие периоды происходит резкая дестабилизация системы международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка. Исчерпываются возможности социально-экономического развития на основе сложившейся системы институтов и технологий. Лидировавшие до этого страны сталкиваются с непреодолимыми трудностями в поддержании прежних темпов экономического роста. Перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах ввергает их экономику в депрессию, а сложившаяся система институтов затрудняет формирование новых технологических цепочек. Они вместе с новыми институтами организации производства пробивают себе дорогу в других странах, прорывающихся в лидеры экономического развития.

Прежние лидеры стремятся удержать свое доминирование на мировом рынке посредством усиления контроля над своей геоэкономической периферией, в том числе методами военно-политического принуждения. Как правило, это влечет крупные военные и политические конфликты, в которых теряющий свои преимущества лидер растрачивает ресурсы, не добиваясь должного эффекта. Находящийся к этому времени на волне подъема потенциальный новый лидер старается занять выжидательную позицию, чтобы сохранить свои производительные силы и привлечь спасаю-

щиеся от войны умы, капиталы и сокровища воюющих стран. Наращивая свои возможности, новый лидер выходит на мировую арену, когда воюющие противники достаточно ослабеют, чтобы присвоить себе плоды победы. Именно таким образом происходила до сих пор смена мирохозяйственных укладов и соответствующих им центров развития мировой экономики и лидирующих стран.

Закономерность периодической смены мирохозяйственных укладов проявляется в последовательности открытых Арриги вековых циклов накопления капитала. Каждый из них Арриги связывал с эпохой доминирования соответствующей страны в мировой экономической системе (Испании, Голландии, Великобритании, США). По типу лежащих в их основе международных торгово-экономических отношений соответствующие мирохозяйственные уклады определены как торговый, торгово-мануфактурный, колониальный и имперский.

Мирохозяйственные уклады отличаются не только по типу организации международной торговли, но и по системе производственных отношений и институтов, которые позволяют лидирующим странам добиваться глобального превосходства и определять тем самым режим международных торгово-экономических отношений. Классификация мирохозяйственных укладов определяется институциональными системами передовых стран, доминирующих в международных экономических отношениях и образующих ядро мировой экономической системы. При этом на ее периферии могут воспроизводиться иные, менее эффективные и даже архаичные институциональные системы организации национальных и региональных экономик. Отношения между ядром и периферией мировой экономической системы характеризуются неэквивалентных внешнеэкономическим обменом в пользу ядра, страны которого получают сверхприбыль за счет технологического, экономического и организационного превосходства в форме, соответственно, интеллектуальной и монопольной ренты, предпринимательского и эмиссионного дохода. Поэтому страны ядра образуют центр мировой экономики, доминирующий в международных экономических отношениях и определяющий глобальное социально-экономическое развитие. Это доминирование, однако, не может продолжаться вечно в силу постепенного исчерпания возможностей расширенного воспроизводства экономики на основе институтов соответствующего мирохозяйственного уклада и появления новых лидеров за счет формирования более эффективных институтов организации их национальной экономики, образующей новый центр мирохозяйственных связей.

Гипотеза о закономерности периодической смены мирохозяйственных укладов объясняет происходящую в такие периоды резкую дестабилизацию системы международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка. Исчерпываются возможности социально-экономического развития на основе сложившейся системы институтов и технологий. Лидировавшие до этого страны сталкиваются с непреодолимыми трудностями в поддержании прежних темпов экономического роста. Перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах ввергает их экономику в депрессию, а сложившаяся система институтов затрудняет формирование новых технологических цепочек. Они вместе с новыми институтами организации производства пробивают себе дорогу в других странах, прорывающихся в лидеры экономического развития.

Впервые процесс смены мирохозяйственных укладов происходил с середины XVI века до середины XVII века. Когда доминировавшая в рамках торгового мирохозяйственного уклада Испания уступила лидерство своей бывшей колонии — Голландии в результате формирования более эффективной системы производственных отношений торгово-мануфактурного мирохозяйственного уклада.

Перестроив свою политическую систему в соответствии с потребностями уже сложившихся институтов воспроизводства капитала, основанных на отношениях частной собственности свободных и организованных в цеха ремесленников, она создала самую высокоэффективную в то время экономику. Создав институт акционерного общества в форме Объединенной Ост-Индской компании, которая вскоре стала крупнейшей в мире торговой монополией, Амстердамский обменный банк и фондовую биржу, Голландия обеспечила своему предпринимательскому сословию возможности для экспансии на основе резкого расширения деловой активности. Голландия стала мировым лидером по использованию передовых для того времени технологий, что позволило ей захватить лидерство в строительстве парусного флота, сооружении водных каналов и производстве товаров массового потребления. Опираясь на свои конкурентные преимущества, Голландия создала глобальную торговую империю, соединив Европу с другими частями мира регулярными торговыми маршрутами.

В самой Европе сложилась Вестфальская политическая система, адекватная интересам национальных властвующих элит, защищаемых институтами государственного суверенитета и международного права. С начала XVIII века эта система обеспечивает стабильные политические условия воспроизводства капитала.

С точки зрения организации международной торговли этот мирохозяйственный уклад можно назвать торгово-монополистическим с целью отражения ведущей роли первой в мире транснациональной корпорации в организации международных торгово-экономических отношений того времени. Голландская Ост-Индская кампания стала образцом для организации международной торговли, а впервые организованная в Голландии фондовая биржа и центральный банк стали прототипом центральных институтов регулирования воспроизводства капитала во всех последующих мирохозяйственных укладах. Но их функции менялись так же, как и режимы международных торгово-экономических отношений.

Освоенные в Голландии технологии получили распространение в других европейских странах. Спасаясь от военно-политических угроз на континенте, голландский капитал перемещался в тесно связанную с Голландией Англию, неся с собой передовые технологии, а также методы организации производства и торговли. Англия быстро развивала свой флот, строила каналы, расширяла мануфактурное производство. Под защитой монархии по образцу Ост-Голландской торговой компании были созданы английские — Ост-Индская, Вирджинская, Плимутская компании, ставшие крупнейшими торгово-промышленными корпорациями того времени.

Скачок в концентрации капитала создал условия для промышленной революции, которая началась в Англии в конце XVIII века с создания ткацких фабрик на водной тяге. Становление фабричной системы стало возможным с широким применением института найма выпавших из общины лишенных земельной и какой-либо другой собственности рабочих и развитием соответствующих производственных отношений между капиталом и трудом. Быстрое расширение машинного производства в сочетании с безграничными возможностями найма дешевой рабочей силы позволило Англии совершить промышленную революцию и освоить механизмы производственно-технологической кооперации на основе машинных мануфактур, создать первый технологический уклад индустриального общества.

Сформировавшаяся в Великобритании система институтов организации деловой, общественной и политической активности создала возможности концентрации капитала любого масштаба и обеспечила переход к колониальному мирохозяйственному укладу. Под протекцией английской короны Ост-Индская компания и голландская Вест-Индская компания превратились в гигантские трансокеанские монополии, успешно осваивавшие колоссальные ресурсы Индии, Китая и Америки. Ориентированная на объектив-

ное разрешение хозяйственных споров судебная система обеспечила быстрое развитие гражданского права и конкуренции исходя из защиты интересов частного предпринимательства. Это создало благоприятные условия для накопления капитала, которое перешло на качественно более высокий уровень с широким распространением акционерных обществ. Развитие институтов частного, акционерного и государственного капитализма открыло дорогу для строительства крупных объектов инфраструктуры и создания промышленных предприятий. Разрушение сельских общин и обезземеливание крестьян обеспечивало эти стройки и заводы дешевой рабочей силой. Тем самым были созданы условия для перехода ко второму технологическому укладу, основу которого составили паровой двигатель, угольная промышленность, черная металлургия, неорганическая химия, железнодорожное строительство.

Господство частного капитала было закреплено в политических институтах партийной демократии с ограниченным избирательным правом, которое гарантировало крупному капиталу благоприятные и стабильные условия расширенного воспроизводства. Технологическое лидерство обеспечивало высокую конкурентоспособность английской экономики, воспроизводящейся в рамках самого большого в мире рынка свободно обращающихся товаров.

Производственные отношения колониального мирохозяйственного уклада отличались от предыдущих превращением рабочей силы в товар. Англичане организовали торговлю людьми в невиданных ранее масштабах. Десятки миллионов людей были лишены собственности, обращены в рабов, перемещены с мест проживания на плантации Нового Света. Да и в самой Англии положение рабочего класса мало чем отличалось от рабского — «освобожденные» от земельной собственности вчерашние крестьяне вынуждены были продавать свой труд за бесценок, подвергаясь беспощадной эксплуатации. Характерные для этого мирохозяйственного уклада производственные отношения стали основанием для определения капиталистической формации в марксистском учении.

Отчуждение рабочего населения от собственности и от продуктов своего труда дало основание К. Марксу для построения теории прибавочной стоимости, интерпретирующей доходы от собственности как результат эксплуатации наемного труда. Это был период зрелости и упадка второго технологического уклада с характерной для него концентрацией производства вокруг циклопических паровых двигателей и связанных с ними машин, обслуживаемых низкоквалифицированной рабочей силой. Исчерпание возможностей

развития производительных сил, ограниченных данным технологическим укладом, было преодолено с переходом к новому технологическому укладу, основанному на электрификации экономики, которая открыла новые возможности повышения эффективности производства и развития производительных сил. В составе последних резко повысилось значение квалификации и образования работников, что требовало появления институтов социального государства и существенного изменения производственных отношений.

Жесткая система институтов колониального мирохозяйственного уклада, ориентированных на защиту привилегий правящего класса, в том числе, права частных собственников на безграничную эксплуатацию рабочей силы, стала сдерживать развитие производительных сил.

Политическим выражением обострившегося в тот период противоречия между развитием производительных сил и производственных отношений стало коммунистическое движение, интерпретировавшее обозначившиеся пределы развития доминировавших в тот период технологического и мирохозяйственного укладов как конец капитализма. Однако по своей идеологии оно было продолжением ранее сформировавшейся тенденции отчуждения людей от собственности. Коммунисты предлагали ее распространить на все общество, осуществив «экспроприацию экспроприаторов» и разрешив указанное выше противоречие путем окончательной ликвидации частной собственности на средства производства и их обобществления. Они объявили классовую войну капиталистам, которая стала зеркальным отражением угнетения пролетариата. Тем самым они оставались в рамках характерного для того мирохозяйственного уклада разделения людей на полноценных и ущербных, которое проявилось до этого в расизме и дискриминации по имущественному положению. Практическая реализация этой идеологии в СССР сопровождалась принудительным прикреплением людей к государственным средствам производства, что дало основание ряду наблюдателей для обозначения этих производственных отношений как государственного капитализма. Однако, в отличие от капитализма, целью производства в СССР стала не максимизация прибыли, а развитие производительных сил ради коммунистического строительства. Категория прибыли вообще потеряла смысл, а деньги стали не более чем одним из инструментов директивного планирования. Советские коммунисты действительно упразднили капитализм, однако не смогли выйти за пределы основанных на принуждении производственных отношений того мирохозяйственного уклада вплоть до Второй мировой войны.

К этому времени освободившиеся от колониального гнета американские колонии европейских государств объединились в Соединенные Штаты, институты которых изначально формировались исходя из интересов крупного частного капитала. Избавленный от необходимости оплаты политической ренты в пользу монархии и аристократии, капитал получил безграничные возможности для расширения. Приток активного населения из европейских стран, задыхавшихся от аграрного перенаселения и военных расходов, обеспечивал американский капитал дешевыми и квалифицированными трудовыми ресурсами.

Принципиальным отличием формирующегося в США нового мирохозяйственного уклада было отрицание всех легальных оснований разделения общества на различающиеся по своим правам сословия, группы или классы. Все граждане юридически считались равными, хотя их положение в обществе определялось величиной личного капитала. Ничем не ограниченный дух предпринимательства и частной инициативы, возможности безграничного расширения производства на основе свободной концентрации капитала давал возможность инженерам и ученым создавать промышленные предприятия любых размеров и самых сложных для того времени технологий. США к концу позапрошлого столетия вышли на передовой уровень промышленного развития и одновременно с Великобританией приступили к формированию третьего технологического уклада на основе электротехнической промышленности.

Переехавшие в США инженеры и ученые обеспечили американский капитал новейшими для того времени технологиями. США становились лидерами глобального технико-экономического развития. Они развернули крупномасштабное строительство энергетической, инженерной и транспортной инфраструктуры, соответствующей требованиям третьего технологического уклада, основанного на химико-металлургической промышленности, электрификации и электротехнике, дальнейшем развитии железнодорожного и судостроения.

Институциональная структура, ориентированная на концентрацию капитала и развитие крупного промышленного производства, обеспечивала американскому капиталу преимущества по отношению к европейским колониальным империям. Переток умов и технологий из них в США продолжался. Это способствовало опережающему развитию американской экономики. Формирующиеся в ней институты расширенного воспроизводства капитала на основе ничем не ограниченной частной собственности закладывали основу нового мирохозяйственного уклада, стержнем которого

стали транснациональные корпорации. С созданием Федеральной резервной системы капитал американской властвующей элиты получил неограниченные возможности кредита для глобальной экспансии. В то же время на основе государственных институтов централизованного планирования и организации производства, позволивших концентрировать ресурсы в невиданных до той поры масштабах, советская система вовсе преодолела ограничения частного накопления капитала, подчинив денежное обращение задачам расширения производства в политически задаваемых целях. Тем самым были сняты институциональные ограничения расширенного воспроизводства экономики, которое могло теперь вестись в глобальных масштабах. В ходе Великой депрессии институты централизованного планирования и организации производства доказали свои возможности по сравнению с задыхающимися от недостатка спроса и перепроизводства товаров корпорациями капиталистического мира.

Советская система централизованного планирования имела общую с американской федеральной системой способность к безграничному финансовому обеспечению глобальной экономической экспансии. Хотя оно осуществлялось на диаметрально противоположных отношениях собственности (в СССР для финансирования выполнения народнохозяйственных планов госпредприятий, а в США для рефинансирования частных корпораций) общей была принципиальная возможность безграничного расширенного воспроизводства в глобальных масштабах. Проявилась она в полной мере после Второй мировой войны, когда система расширенного воспроизводства капитала в США дополнилась обслуживающими ее глобальную экспансию международными экономическим институтами (ВТО, МВФ, Всемирным банком), а созданная СССР мировая социалистическая система была дополнена Советом экономической взаимопомощи с переводным рублем в качестве международной валюты. Поэтому данный мирохозяйственный уклад назван имперским с целью отражения глобального характера составляющих его институтов и механизмов расширенного воспроизводства.

Жизненный цикл имперского мирохозяйственного уклада проходил в борьбе между социалистической и капиталистической мировыми системами. Их взаимодействие обеспечило объединение мира вокруг общечеловеческих ценностей и глобальных институтов. Окончательно канули в лету рабовладение, расизм, фашизм, большевизм, которые исходили из дифференциации человечества на полноценных и ущербных людей и оправдывали угнетение

и даже уничтожение последних в интересах первых. Оформилось международное право, фундаментом которого стал принцип государственного суверенитета, возникли глобальные институты ООН.

Вместе с тем в рамках имперского мирохозяйственного уклада фактическое применение международного права оставалось ограничено интересами глобальных империй. Если в мировой системе социализма управление велось на основе политических решений руководства КПСС, то международная политика в капиталистическом мире определялась интересами американской олигархии. Пренебрежение международным правом стало нормой американской экспансии после распада СССР — созданные США сети глобального влияния функционируют вне правового пространства, не считаясь ни с национальным суверенитетом государств, ни с международными договорами.

В основе сегодняшнего глобального доминирования США лежит сочетание технологического, экономического, финансового, военного, информационного и политического превосходства. Технологическое лидерство позволяет американским корпорациям присваивать интеллектуальную ренту, финансируя за счет нее научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в целях опережения конкурентов по максимально широкому фронту научно-технического прогресса. Удерживая монополию на использование передовых технологий, американские кампании обеспечивают себе преимущество на мировых рынках как по эффективности производства, так и по предложению новых товаров. Экономическое превосходство создает основу для господствующего положения американской валюты, которое защищается военно-политическими методами. В свою очередь, за счет присвоения глобального сеньоража от эмиссии мировой валюты, США финансируют дефицит своего госбюджета, который складывается вследствие раздутых военных расходов.

Однако в настоящее время гегемония США подрывается неразрешимыми в рамках существующей системы институтов воспроизводства капитала внутренними противоречиями. США и их союзники по «семерке» к настоящему времени исчерпали возможности вытягивания ресурсов из постсоциалистических стран, в которых сложились свои корпоративные структуры, приватизировавшие остатки их производственного потенциала. Исчерпала себя и война финансовая, которую Вашингтон ведет с незащищенными национальными финансовыми системами, привязывая их к доллару посредством навязывания монетаристской макроэкономической политики при помощи зависимых от него МВФ, рейтинговых

агентств, агентов влияния и т. д. Искусственно стимулируемого таким образом притока капиталов в американскую экономику уже не хватает для обслуживания лавинообразно нарастающих обязательств федерального правительства, расходы на которые приближаются к трети ВВП США. Воспроизводство финансовой системы США вышло на режим с обострением — экспоненциальный рост их государственного долга и финансовых пирамид деривативов свидетельствует о приближении ее саморазрушения.

В то же время сохранившие экономический суверенитет КНР и Индия не открывают свои финансовые системы, демонстрируя уверенный рост в условиях кризиса. Их примеру следуют крупнейшие страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, сопротивляясь поглощению своих активов иностранным капиталом. Посредством создания двусторонних валютных свопов Китай быстро формирует свою систему международных расчетов. По мере становления нового технологического уклада пространство для маневров ФРС США неумолимо сжимается — американской экономике приходится принимать на себя основной удар обесценения капитала, сконцентрированного в избыточных производствах прежнего технологического уклада, финансовых пирамидах и обязательствах терпящих бедствие стран. Считавшийся главной причиной мирового финансового кризиса разрыв между реальными активами и их виртуальными деривативами с того времени существенно вырос. Все это свидетельствует о достижении пределов расширения и исчерпании возможностей экономического развития в рамках нынешнего мирохозяйственного уклада и о закономерном характере его замещения новым формирующимся в Юго-Восточной Азии. В отличие от институциональной системы США, ориентированной на обслуживание интересов финансовой олигархии, паразитирующей на эмиссии доллара как мировой валюты, институциональные системы Китая, Индии, Японии, Кореи, Вьетнама, Малайзии, Сингапура, Ирана и других стран формирующегося на наших глазах нового центра развития, ориентированы на повышение общественного благосостояния. Они нацелены на гармонизацию интересов различных социальных групп, выстраивание партнерских отношений между бизнесом и государством ради достижения общественно значимых целей. Экспансия денежного капитала ограничивается национальными и международными нормами, которые защищают общественные интересы и подчиняют им регулирование процессов воспроизводства капитала. Созданные в период предыдущего мирохозяйственного уклада инсти-

туты международного права приобретают фундаментальное значение. Исходя из свойств нового мирохозяйственного уклада, он назван интегральным.

Гипотеза о смене мирохозяйственных укладов объясняет неизбежность переходных процессов и раскрывает их связь с мировыми войнами за лидерство в формировании системы мирохозяйственных связей. Переход от колониальных империй европейских стран к американским глобальным корпорациям в качестве ведущей формы организации мировой экономики происходил посредством развязывания двух горячих и третьей холодной мировых войн, исход которых всякий раз сопровождался кардинальными изменениями мирового политического устройства.

Сверхконцентрация капитала и глобального влияния в отсутствие механизмов демократического контроля создает риски злоупотреблений глобальной властью, чреватые уничтожением целых народов и катастрофами планетарного масштаба, уже проявившиеся в американских агрессиях на Ближнем и Среднем Востоке, на Балканах и на Украине. Объективно возникающая необходимость обуздания мировой олигархии и упорядочивания движения мирового капитала достигается в восточно-азиатской модели организации современной экономики. С подъемом Китая, Индии и Вьетнама вслед за Японией и Кореей все более явственно просматриваются контуры перехода к новому, интегральному мирохозяйственному укладу с совершенно иной, соответствующей интересам устойчивого и гармоничного развития человечества системой институтов.

Примат общественных интересов над частными выражается в характерной для нового мирохозяйственного уклада институциональной структуре регулирования экономики. Прежде всего — в государственном контроле над основными параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство при этом не столько приказывает, сколько выполняет роль модератора, формируя механизмы социального партнерства и взаимодействия между основными социальными группами. Чиновники не пытаются руководить предпринимателями, а организуют совместную работу делового, научного, инженерного сообществ для формирования общих целей развития и выработки методов их достижения. В свою очередь, предприниматели вписывают мотив максимизации прибыли и обогащения в этические нормы, защищающие интересы общества. Расширяется исполь-

зование институтов предпринимательской деятельности, ориентированных не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат — некоммерческих организаций, институтов развития, проектного финансирования. При управлении денежными потоками принимаются во внимание этические нормы и вводятся ограничения против финансирования преступной, аморальной и спекулятивной деятельности. На это настраиваются и механизмы государственного регулирования экономики.

Государство обеспечивает предоставление долгосрочного и дешевого кредита, а бизнесмены гарантируют его целевое использование в конкретных инвестиционных проектах для развития производства. Государство обеспечивает доступ к инфраструктуре и услугам естественных монополий по низким ценам, а предприятия отвечают за производство конкурентоспособной продукции. В целях повышения её качества государство организует и финансирует проведение необходимых НИОКР, образование и подготовку кадров, а предприниматели реализуют инновации и осуществляют инвестиции в новые технологии. Частно-государственное партнерство подчинено общественным интересам развития экономики, повышения народного благосостояния, улучшения качества жизни. Соответственно, меняется и идеология международного сотрудничества — парадигма либеральной глобализации в интересах частного капитала ведущих стран мира сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества.

В отличие от стран ядра имперского, завершающего свой жизненный цикл мирохозяйственного уклада, навязавшему миру универсальную систему финансово-экономических отношений как основу либеральной глобализации, формирующееся ядро интегрального мирохозяйственного уклада отличается большим разнообразием. Это отличие проявляется в общих ценностях стран БРИКС: свобода выбора путей развития, отрицание гегемонизма, суверенность исторических и культурных традиций.

Гипотеза о закономерности последовательной смены мирохозяйственных укладов помогает упорядочить понимание исторического процесса. Верификация данной гипотезы на современном эмпирическом материале позволяет достаточно точно выявить угрозы и вызовы ближайшего двадцатилетия.

Доказательство достоверности

Закономерность периодической смены мирохозяйственных укладов подтверждается историческим опытом. Она проявляет-

ся в последовательности описанных Арриги[1] вековых циклов накопления капитала. По наименованию стран, лидировавших в ходе соответствующего цикла и задававших образец организации воспроизводства капитала, он выделяет Испано-Генуэзский, Голландский, Английский и Американский циклы. Выдвигаемая гипотеза раскрывает механизм расширенного воспроизводства капитала в каждом вековом цикле его накопления посредством выявления механизма взаимодействия производительных сил и производственных отношений в рамках соответствующего мирохозяйственного уклада. По основному признаку мирохозяйственного устройства они названы соответственно торговым, торгово-монополистическим, колониальным, имперским и интегральным мирохозяйственными укладами. Исторический анализ подтверждает данную закономерность с ее характерными проявлениями в соответствующих периодах развития мировой экономики, различающихся по производственным отношениям, институтам организации хозяйственной деятельности, составу лидирующих стран, смена которых до сих пор опосредовалась мировым войнами. Каждая из них развязывалась властвующей элитой, теряющей глобальное доминирование страны с целью удержания контроля за своей экономической периферией.

К конфликтам такого рода, опосредовавших смену глобальных лидеров, можно отнести следующие поворотные события мировой истории. Переход от Генуэзско-испанского векового цикла накопления к Голландскому и замещение соответствующего ему торгового мирохозяйственного уклада, основанного на трансокеанской торговле дарами природы, укладом торгово-мануфактурным, основанным на торговле продуктами ремесленного производства, был опосредован перманентными войнами, начиная с Испано-Английского конфликта, закончившимся в 1588 г. гибелью Великой Армады.

Из торгово-мануфактурного мирохозяйственного уклада вырастают колониальные империи европейских государств, национальный капитал которых подчиняет интересам своего воспроизводства целые регионы мира. В столкновениях между ними идет процесс формирования нового мирохозяйственного уклада, который завершается наполеоновскими войнами. Их результатом стало формирование общеевропейского экономического и правового пространства, а также создание устойчивой политической системы, адекватной интересам властвующих элит.

[1] Giovanni Arrighi, The long twentieth century: money, power and the origins of our times. London: Verso, 1994.

Воспользовавшись ослаблением конкурентов в результате наполеоновских войн и опираясь на передовые для того времени технологии и институты организации международной торговли, Великобритания к середине XIX века завершила процесс колониальных завоеваний, обеспечив себе глобальное лидерство в системе мирохозяйственных связей.

Весь мир был разделен между европейскими колониальными империями, в рамках каждой из которых создавалась своя система воспроизводства капитала, защищенная институтами метрополии. На этом основании этот мирохозяйственный уклад назван колониальным. Каждая из европейских империй пыталась создать привилегированные условия воспроизводства для своих капиталистов, конкурируя с другими за территории и коммуникации. Созданные в ходе предыдущего мирохозяйственного уклада институты накопления капитала были умножены на мощь государственного протекционизма глобальных колониальных империй. Сами эти империи были настроены на глобальную экспансию в целях максимизации пространства для расширенного воспроизводства капитала метрополии.

Стремясь сохранить глобальное лидерство в конкуренции с Россией и Германией, английская дипломатия подвела их к самоистребительной войне. Однако, выиграли в ней США. Как и Великобритания в эпоху наполеоновских войн, вступив в войну на завершающем этапе, США присвоили себе основные плоды победы. Они не только поучаствовали в новом разделе мира, но и приняли у себя сбежавшие от ужасов войны и последовавших за ней революций и гражданских войн в России, Германии и Австро-Венгрии умы, капиталы и сокровища.

Доминирование Великобритании окончательно закончилось в результате двух мировых войн прошлого столетия, повлекших распад европейских колониальных империй и переход лидерства в капиталистическом мире к США. После холодной войны между США и СССР, с распадом последнего США захватили глобальное лидерство за счет превосходства в развитии информационно-коммуникативного технологического уклада и установления монополии на эмиссию мировых денег. Связанные с мировым «печатным станком» американские транснациональные корпорации завершили формирование этого мирохозяйственного уклада, идеологией которого стала либеральная глобализация.

Пытаясь распространить свою юрисдикцию на весь мир, США завершают жизненный цикл имперского мирохозяйственного уклада. Устанавливаемое в его рамках единообразие массовой

культуры, образовательных и идеологических стандартов, сведение всех проявлений человеческой деятельности к единому критерию денежного богатства в долларовом выражении подавляет разнообразие человеческой культуры, без которого невозможно развитие. Отражением завершения американского цикла накопления капитала стали антиутопии Фукуямы[1] и Аттали[2], объявивших о конце истории и установления царства мировых денег. Однако культ доллара, создаваемого ФРС США в целях бесконечного обогащения ее собственников, не может стать основой жизни различных народов без уничтожения их культурной идентичности. Завершение жизненного цикла имперского мирохозяйственного уклада ставит предел дальнейшему развитию производительных сил человечества, устранение которого предполагает переход к новому мирохозяйственному укладу.

Именно этот переходный процесс происходит в настоящее время. Развитие нового мирохозяйственного уклада обеспечивается мощными институциональными системами коммунистического Китая и демократической Индии, которые надежно защищают свои национальные экономики от поглощения вчерашними колонизаторами.

Как это было и в предыдущие периоды смены вековых циклов, теряющий влияние лидер прибегает к принудительным способам поддержания своего доминирования. Сталкиваясь с перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, США пытаются удержать лидерство за счет развязывания мировой войны с целью ослабления как конкурентов, так и партнеров. Установление контроля над Россией в сочетании с доминированием в Европе, Средней Азии и на Ближнем Востоке дает США стратегическое преимущество над поднимающимся Китаем в контроле над основными источниками углеводородов и другими критически значимыми природными ресурсами. Контроль над Европой, Россией, Японией и Кореей обеспечивает также доминирование в создании новых знаний и разработке передовых технологий.

При помощи глобальной сети военных баз, информационного мониторинга, электронной разведки, структур НАТО и других институтов глобального контроля американская властвующая элита пытается удерживать доминирование во всем мире, пресекая попытки отдельных стран вырваться из долларовой зависимости.

[1] Francis Fukuyama. The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.

[2] Jacques Attali. Millennium: winners and losers in the coming world order. – New York: Random House, 1991.

Однако делать это им становится всё сложнее — осуществлению необходимых для удержания лидерства структурных изменений мешает инерция связанных в устаревших основных фондах инвестиций, а также гигантские финансовые пирамиды частных и государственных обязательств. Для сбрасывания такого быстро нарастающего бремени и сохранения монопольного положения в мировой валютно-финансовой системе, США объективно заинтересованы в списании своих обязательств, лучшим способом для которого всегда являлась мировая война. Невозможность ее проведения обычным способом из-за рисков применения оружия массового поражения, они пытаются компенсировать развязыванием серии региональных войн, которые в совокупности складываются в гибридную войну США со всем миром.

Создавая «управляемый хаос» организацией вооруженных конфликтов в зоне естественных интересов ведущих стран мира, США сначала провоцируют эти страны на втягивание в конфликт, а затем проводят кампании по сколачиванию против них коалиций государств с целью закрепления своего лидерства и легитимизации результатов конфликта. При этом США получают недобросовестные конкурентные преимущества, отсекая неконтролируемые ими страны от перспективных рынков, создают себе возможность облегчить бремя государственного долга за счет замораживания долларовых активов, проигравших и обосновать многократное увеличение своих государственных расходов на разработку и продвижение новых технологий, необходимых для роста американской экономики.

Согласно гипотезе о смене мирохозяйственных укладов, США не могут выиграть провоцируемую ими мировую войну. Эпоха американской гегемонии в мире заканчивается. Система институтов, задававшая ход американскому циклу накопления, не обеспечивает более поступательного развития производительных сил. Современное развитие производительных сил требует новых производственных отношений и институтов организации глобальной экономики, которые позволили бы обеспечить устойчивое развитие и отражение планетарных угроз, включая экологические и космические.

Доказательством предложенной гипотезы может служить наблюдаемый в настоящее время процесс формирования нового мирохозяйственного уклада на основе возвышения Китая и Индии, которые вместе с Японией, Кореей, Вьетнамом формируют его ядро, что влечет реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Об этом же свидетельствует возрождение отвергнутых Вашингтонским консенсусом институ-

тов планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, промышленной политики, контроля за трансграничными потоками капитала и валютных ограничений. Новый мирохозяйственный уклад основан на принципах недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориентируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъем народного благосостояния. Характерный для стран ядра интегрального мирохозяйственного уклада подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, от военной интервенции, от торговых эмбарго) дает развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами. Он принципиально отвергает применение силы, а также использование санкций во внешней политике.

Достоверность выдвигаемой гипотезы о закономерности смены мирохозяйственных укладов подтверждается формированием новой системы производственных отношений, которая по мере выхода китайской экономики на первое место в мире становится все более самодостаточной и привлекательной. На наших глазах формируется новая, более эффективная по сравнению с предыдущими, система институтов воспроизводства экономики, центр мирового развития перемещается в Юго-Восточную Азию, что и позволяет ряду исследователей говорить о начале нового — Азиатского — векового цикла накопления капитала. Наряду с Китаем в формирование ядра нового мирохозяйственного уклада вовлечены Япония, Сингапур, Индия и Ю. Корея, принципиально отличающиеся от него политическим устройством и доминирующей формой собственности. Общим для них является сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы, а также приоритет общенародных интересов над частными, который выражается в жестких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, четкое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Система управления социально-экономическим развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение благополучия общества. Эти свойства следует рассматривать не как переходные от периферийного состояния к ядру существующей мирохозяйственной системы, а как характерные для ядра нового мирохозяй-

ственного уклада и соответствующего ему нового центра развития мировой экономики.

Подтверждением гипотезы о периодической смене мирохозяйственных укладов являются мировые войны. Данная гипотеза раскрывает объективные причины и логику войн, которые до сих пор в завершающей фазе жизненного цикла соответствующего мирохозяйственного уклада провоцировались теряющим влияние глобальным лидером в целях удержания контроля за своей периферией. И всегда заканчивались появлением нового глобального лидера, превосходство которого обеспечивалось институциональными преимуществами нового мирохозяйственного уклада. Так, две мировых войны прошлого столетия опосредовали переход от мирохозяйственного уклада колониальных империй к имперскому укладу, который в завершающей фазе своего жизненного цикла приобрел форму либеральной глобализации. Движущей силой этого перехода было противоречие между быстрым расширением производства на американской и европейской периферии доминировавшей в системе мирохозяйственных связей Великобритании и возможностями последней по удержанию глобального контроля.

Выдвигаемая гипотеза объясняет причины, по которым спустя всего четверть века после установления глобального доминирования США мировой рынок уже не обеспечивает расширенного воспроизводства институтов американского цикла накопления. На периферии американского цикла накопления возник новый центр быстро расширяющегося воспроизводства, который в сфере производства товаров превзошел США. Попытки последних усилить свои конкурентные преимущества путем организации трансокеанических зон свободной торговли свидетельствует о переходе нынешнего мирохозяйственного уклада к фазе упадка. Эти инициативы США воспринимаются в странах ядра формирующегося нового мирохозяйственного уклада как основание для слома старого. Если США стремятся улучшить свое конкурентное положение за их счет, то у них исчезают основания для дальнейшего поддержания финансовой пирамиды американских обязательств, составляющей основу американского цикла накопления капитала. Решение Китая о прекращении наращивания своих долларовых резервов обозначило предел бесконфликтного разрешения противоречия между расширенным воспроизводством американских долговых обязательств и глобальными инвестиционными возможностями. Этот процесс неизбежно приобретет в скором времени лавинообразный характер, что повлечет разрушение нынешнего мирохозяйственного уклада.

Достоверность предлагаемой гипотезы подтверждается происходящей в настоящее время эскалацией международной напряженности со стороны США и их союзников. Они стремятся максимально оттянуть момент краха своей финансовой системы и перескочить на новую длинную волну роста до его наступления. Для этого они пытаются переложить бремя обслуживания своих обязательств на другие страны или вовсе их списать. Удержать контроль над нефтедолларами помогают войны на Среднем и Ближнем Востоке. Контроль над наркодолларами предполагает контроль над Афганистаном. Госпереворот на Украине и установление в ней антироссийского нацистского режима направлен на стравливание европейских стран НАТО с Россией и ослабление всех сторон конфликта ради усиления над ними контроля со стороны американской властвующей элиты с целью усиления возможностей последней по ослаблению Китая. Гипотеза объясняет причины американской агрессивности в отношении России, контроль над которой американские геополитики рассматривают как ключ к удержанию глобального лидерства.

Область научного и практического значения гипотезы

Выдвигаемая гипотеза опровергает доктрину рыночного фундаментализма, которая служит идеологическим обоснованием и оправданием либеральной глобализации, исповедуя вредность государственного вмешательства в экономику и предписывая демонтаж институтов госрегулирования для свободных движений капитала. Эта доктрина находится в органическом единстве с интересами крупного американского капитала, подчинившего своим интересам институциональную систему существующего мирохозяйственного уклада. Данная гипотеза обосновывает неизбежность его смены новой, более прогрессивной и гуманной системой институтов, что облегчает демонтаж старой, чреватый угрозой мировой войны.

Выдвигаемая гипотеза демонстрирует несостоятельность виртуальных моделей рыночного равновесия и исходит из ведущего значения научно-технического прогресса в обеспечении поступательного развитие производительных сил, последовательного повышения роста производительности труда и эффективности производства. Она показывает, что характерный для ведущих отраслей современной промышленности и сферы услуг непрерывный инновационный процесс не позволяет экономике достичь состояния равновесия, оно приобрело хронически неравновесный харак-

тер. Возникающие в эволюции экономической системы аттракторы, определяемые пределами развития существующих технологий, носят временный характер, так как исчезают и заменяются другими с появлением новых технологий.

Выдвигаемая гипотеза вносит вклад в формирование новой научной парадигмы, изучающей процессы развития экономики во всей их сложности, неравновесности, нелинейности и неопределенности. Одновременно она позволяет определить пределы воспроизводства существующего мирохозяйственного уклада, который идеологически обслуживает доктрина рыночного фундаментализма, а также подводит научный фундамент под формирование нового, интегрального мирохозяйственного уклада, идеологической основой которого является системный подход к достижению гармонии интересов на основе роста общественного благосостояния.

Предложенная гипотеза опровергает претензии рыночных фундаменталистов на «тайное знание» лучших способов управления экономикой, а также доказывает нелепость утверждений о «конце света» в смысле окончательного утверждения американоцентричной модели глобальной либерализации наоборот. Она показывает пределы в развитии нынешнего мирохозяйственного уклада, который вошел в фазу саморазрушения под воздействием внутренних противоречий. Эта гипотеза доказывает необходимость нового идеологического основания для изменения миропорядка, которым может стать концепция социально-консервативного синтеза, объединяющая систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития. Эта концепция может быть использована в качестве позитивной программы для формирования глобальной антивоенной коалиции, которая призвана предложить понятные всем принципы упорядочивания и гармонизации социально-культурных и экономических отношений в мировом масштабе.

Основанная на выдвигаемой гипотезе концепция социально-консервативного синтеза дает идеологическую основу для реформирования международных валютно-финансовых и экономических отношений на основе принципов справедливости, взаимного уважения национальных суверенитетов и взаимовыгодного обмена. Их реализация требует существенного ограничения свободы действия рыночных сил, постоянно порождающих дискриминацию большинства граждан и стран по доступу к благам.

Либеральная глобализация подорвала возможности государств влиять на распределение национального дохода и богатства. В ре-

зультате присвоения растущей части генерируемых в мировой экономике доходов американоцентричной олигархией происходит снижение уровня жизни населения большинства стран с открытой экономикой, усиление дифференциации граждан по доступу к благам. Предлагаемая гипотеза дает научное обоснование необходимых для преодоления этих разрушительных тенденций мер по изменению архитектуры международных финансово-экономических отношений посредством введения ограничений на движение капитала с целью блокирования возможностей его ухода от социальной ответственности, с одной стороны, и выравнивания издержек социальной политики национальных государств, с другой стороны. Ограничение возможностей уклонения капитала от социальной ответственности включает ликвидацию офшорных зон, позволяющих капиталу уходить от налоговых обязательств, и признание права национальных государств регулировать трансграничное перемещение капитала.

Предлагаемая гипотеза обосновывает целесообразность создания международных механизмов выравнивания уровня жизни населения, что предполагает создание соответствующих инструментов их финансирования, включая налог на валютообменные операции с расходованием этих средств под контролем ООН.

Эта гипотеза нового мирохозяйственного уклада позволяет обосновать направления создания его институциональной системы, включая защиту окружающей среды на основе штрафов и платежей загрязнителей, ликвидацию безграмотности и обеспечение доступа всех граждан планеты к информации и получению современного образования посредством развертывания глобальных сетей предоставления дистанционных образовательных услуг, оптимизацию глобальных финансово-экономических отношений исходя из принципов взаимной выгоды и добросовестной конкуренции, исключающей возможность монополизации тех или иных функций регулирования международного экономического обмена в чьих-либо частных или национальных интересах.

Выдвигаемая гипотеза обосновывает необходимость формирования парадигмы обеспечения устойчивого и успешного для человечества в целом социально-экономического развития как составной части становления нового мирохозяйственного уклада, что предполагает устранение монополизации функций международного экономического обмена в чьих-либо частных или национальных интересах. Для достижения устойчивого развития человечества и гармонизации глобальных общественных отношений, устранения дискриминации в международном экономическом об-

мене в рамках формирования интегрального мирохозяйственного уклада должны вводиться его глобальные и национальные ограничения. В частности, для предотвращения глобальной финансовой катастрофы необходимы срочные меры по формированию новой безопасной и эффективной архитектуры мировой валютно-финансовой системы, основанной на взаимовыгодном обмене национальных валют и исключающей присвоение глобального эмиссионного дохода в чьих-то частных или национальных интересах. Коммерческие банки, обслуживающие международный экономический обмен, должны быть обязаны проводить операции во всех национальных валютах. При этом курсы их обмена должны устанавливаться по процедуре, согласованной национальными банками в рамках соответствующего международного договора. При необходимости роль всеобщего эквивалента может играть золото, СДР МВФ или иные международные расчетные единицы.

Предложенная гипотеза обосновывает изменение функции и системы международных финансовых, торговых и экономических институтов. В частности, на МВФ может быть возложена ответственность за мониторинг курсообразования национальных валют, а также роль эмитента мировой валюты, используемой для чрезвычайного кредитования временных дефицитов платежных балансов отдельных государств и их национальных банков в целях предотвращения региональных и мировых валютно-финансовых кризисов и поддержания стабильных условий международного экономического обмена. Совместно с Базельским институтом МВФ мог бы также выполнять функции глобального банковского надзора, устанавливая обязательные нормативы для всех коммерческих банков, обслуживающих международный экономический обмен. Для этого необходимо демократизировать систему управления МВФ, все государства-участники которого должны получить равные права.

На основе предлагаемой гипотезы делается прогноз о формировании институтов нового, интегрального мирохозяйственного уклада, что позволяет выработать соответствующие требования к изменению международного порядка трансфера технологий. В целях выравнивания возможностей социально-экономического развития может быть предоставлен свободный доступ развивающихся стран к новым технологиям при условии их отказа от использования получаемых технологий в военных целях. Для этого должна быть резко активизирована деятельность ЮНИДО (в том числе по созданию соответствующей информационной сети) и Всемирного банка. Последним должны предоставляться кредит-

ные ресурсы, эмитируемые МВФ, с целью долгосрочного финансирования необходимых для развивающихся стран инвестиционных проектов в сфере освоения современных технологий и создания инфраструктуры. Доступ к этим ресурсам на тех же условиях рефинансирования должны получить также международные региональные банки развития.

Гипотеза о замещении существующего мирохозяйственного уклада новым предусматривает обеспечение добросовестной конкуренции не только на национальных, но и на мировом рынке, для чего необходим международный механизм пресечения злоупотреблений ТНК монопольным положением. Соответствующие функции антимонопольной политики могут быть возложены на ВТО на основе специального обязательного для всех государств-членов международного соглашения.

Новый мирохозяйственный уклад несовместим со многими установленными МВФ и другими международными институтами ограничениями на свободу регулирования национальных экономик в целях выравнивания уровней социально-экономического развития. Наряду с принятыми в рамках ВТО механизмами защиты внутреннего рынка от недобросовестной внешней конкуренции, инструментами такого выравнивания должны стать разнообразные механизмы стимулирования научно-технического прогресса и государственной поддержки инновационной и инвестиционной активности; установление государственной монополии на использование природных ресурсов; введение норм валютного контроля в целях ограничения вывоза капитала и нейтрализации спекулятивных атак против национальной валюты; удержание под национальным контролем важнейших секторов национальной экономики; другие формы повышения национальной конкурентоспособности. Интегральный мирохозяйственный уклад представляет собой качественно новую модель сотрудничества, отдающую дань разнообразию в противовес униформизму либеральной глобализации, что одинаково приемлемо для стран, находящихся на разных стадиях экономического и социального развития.

Особое значение при формировании нового мирохозяйственного уклада имеет обеспечение добросовестной конкуренции в информационной сфере, включая средства массовой информации. Доступ в глобальное информационное пространство должен быть гарантирован всем жителям планеты в качестве как потребителей, так и поставщиков информации. Для поддержания открытости этого рынка должны применяться жесткие антимонопольные ограничения, не позволяющие какой-либо стране или группе аффилирован-

ных лиц доминировать в глобальном информационном пространстве. Одновременно должны быть созданы благоприятные условия для свободного доступа на рынок информационных услуг представителям различных культур. Необходимую для этого поддержку может оказывать ЮНЕСКО за счет поступлений предложенного выше налога на валютообменные операции и платежей за доступ к ограниченным информационным ресурсам. Одновременно должны быть приняты международные нормы по пресечению распространения информации, угрожающей социальной стабильности.

Согласно предлагаемой гипотезе переход к новому мирохозяйственному укладу сопровождается борьбой лидера предыдущего мирохозяйственного уклада за сохранение своего доминирующего положения, которая до сих пор приводила к мировой войне. Гипотеза объясняет конфликты в Северной Африке, Ираке, Сирии и на Украине стремлением США и их союзниками, посредством «управляемого хаоса» решить свои экономические и социально-политические проблем. Согласно гипотезе о смене мирохозяйственных укладов самый опасный период для России наступит в начале 2020-х гг., когда начнется перевооружение развитых стран и Китая на основе нового технологического уклада, а США и другие западные страны выйдут из депрессии 2008–2018 гг. на новую длинную волну роста. В период 2021–2025 гг. без перехода к политике опережающего развития производств нового технологического и развертывания институтов нового мирохозяйственного уклада Россия может резко отстать в технологическом и экономическом отношении, что обесценит ее оборонный потенциал и резко усилит внутренние социальные и межэтнические конфликты, как это произошло с СССР в конце 1980-х гг.

Нейтрализовать угрозу новой мировой войны можно только путем своевременного перехода к новому мирохозяйственному укладу с перестройкой основных институтов функционирования глобальной финансовой и информационной систем, а также созданием механизмов ответственности за соблюдение норм международного права. Гипотеза о закономерном характере смены мирохозяйственных укладов позволяет не только раскрыть причины американской агрессивности и дать прогноз ее дальнейшего нарастания, но и обосновать меры ее нейтрализации с целью предотвращения новой мировой войны. Для этого страны ядра формирующегося в настоящее время нового мирохозяйственного уклада должны перейти к проведению самостоятельной политики. Они обладают достаточной военной мощью, чтобы защитить свой суверенитет, необходимыми для расширенного воспроизводства

ресурсами и емкими внутренними рынками. Однако каждая из указанных стран по отдельности остается зависимой от механизмов американского цикла накопления капитала в силу периферийного положения ее экономики в рамках имперского мирохозяйственного уклада. Для выхода за его пределы нужна коалиция этих стран, формирование которой должно стать стержнем стратегии России в международных экономических и политических отношениях.

Согласно вытекающему из данной гипотезы прогнозу состава ядра нового мирохозяйственного уклада антивоенная международная коалиция могла бы включать страны ЕАЭС и ОДКБ, ШОС, БРИКС, Индокитая, а также некоторые сохраняющие суверенитет страны Ближнего и Среднего Востока, латиноамериканские страны Боливарианского альянса, развивающиеся страны «Группы 77» и европейские страны, политические элиты которых способны будут действовать в собственных национальных интересах. Влиятельными союзниками в создании антивоенной коалиции могли бы стать религиозные организации, международные гуманитарные и антифашистские организации, мировое научное и экспертное сообщество, выступающее с позиций устойчивого развития.

Гипотеза подсказывает, что в случае продолжения агрессивных действий США по разжиганию мировой войны членам коалиции следует отказаться от использования доллара во взаимной торговле и от долларовых инструментов для размещения своих золотовалютных активов. Эта же гипотеза позволяет выработать консенсус указанных групп стран по критическим вопросам мирохозяйственного устройства (климат, энергия, финансы, продовольствие, вода, население, переработка отходов), а также по мерам финансовой стабилизации, повышению эффективности регулирования финансового рынка, банковских, финансовых и инвестиционных институтов, стимулированию роста нового технологического уклада и прогрессивных структурных изменений, формированию соответствующих новых институтов. Они должны устранить фундаментальные причины глобального кризиса, в числе которых наибольшее значение имеют следующие:

— бесконтрольность эмиссии мировых резервных валют, приводящая к злоупотреблениям эмитентов монопольным положением в собственных интересах ценой нарастания диспропорций и разрушительных тенденций в глобальной финансово-экономической системе;

— неспособность действующих механизмов регулирования операций банковских и финансовых институтов обеспечить защиту национальных финансовых систем от спекулятивных атак с целью

их дестабилизации, чрезмерных рисков трансграничного перетока спекулятивного капитала и образования финансовых пузырей;

— исчерпание пределов роста доминирующего технологического уклада и недостаточность условий для становления нового, включая нехватку инвестиций для широкого внедрения кластеров составляющих его базисных технологий.

Предлагаемая гипотеза позволяет обосновать позитивную программу мер по выходу из глобального кризиса путем устранения его причин и создания стабильных условий для функционирования мирового финансового рынка и международного валютно-финансового обмена на взаимовыгодной основе, развития международной производственной кооперации, мировой торговли товарами и технологиями. Эти условия должны позволить национальным денежным властям организовать кредитование развития производств нового технологического уклада и модернизации экономики на его основе, стимулирование инновационной и деловой активности в перспективных направлениях экономического роста. Для этого страны-эмитенты мировых резервных валют должны гарантировать их устойчивость путем соблюдения определенных ограничений по величине государственного долга и дефицита платежного и торгового балансов. Кроме того, им следует соблюдать установленные соответствующим образом требования по прозрачности используемых ими механизмов обеспечения эмиссии своих валют, предоставлению возможности их беспрепятственного обмена на все торгуемые на их территории активы.

Одновременно с введением требований к эмитентам мировых резервных валют необходимо ужесточение контроля за движением капитала в целях предотвращения спекулятивных атак, дестабилизирующих мировую и национальные валютно-финансовые системы. Для этого странам коалиции необходимо ввести запрет на транзакции своих резидентов с офшорными зонами, а также не допускать к схемам рефинансирования банки и корпорации, учрежденные с участием резидентов офшоров. Целесообразно также ввести ограничения на использование в международных расчетах валют, эмитенты которых не соблюдают установленных требований.

Из выдвигаемой гипотезы смены мирохозяйственных укладов следует необходимость реформирования международных финансовых институтов с целью обеспечения справедливого представительства стран-участниц по объективному критерию, учитывающему относительный вес каждой из них в мировом производстве, торговле, финансах, природном потенциале и населении. По тому же критерию может быть сформирована корзина валют

под выпуск новой SDR, по отношению к которой могут определяться курсы всех национальных валют, включая мировые резервные. На начальном этапе в эту корзину могут войти валюты тех стран коалиции, которые согласятся взять на себя обязательства по соблюдению установленных требований.

Гипотеза обосновывает необходимость развертывания международной системы глобального стратегического социально-экономического планирования, включающей в себя разработку долгосрочных прогнозов научно-технического прогресса, определение перспектив развития экономики мира, региональных объединений и крупных стран, выявление возможностей преодоления существующих диспропорций, включая разрывы в уровне развития передовых и слаборазвитых стран, а также выбор приоритетных направлений развития и индикативных планов деятельности международных организаций.

Согласно предлагаемой гипотезе смена мирохозяйственных укладов может идти по разным сценариям, а зависимости от политики стран ядра старого и нового мирохозяйственных укладов. В случае отказа первых от конструктивного сотрудничества, коалиция вторых должна обладать достаточной синергией, чтобы создать альтернативные глобальные регуляторы, включая:

— создание универсальной платежной системы для стран БРИКС и выпуск общей платежной карточки БРИКС;

— создание независимой от США и ЕС системы обмена межбанковской информацией, аналогичной SWIFT;

— переход на использование своих рейтинговых агентств.

Предлагаемая гипотеза позволяет выдвинуть мирную альтернативу гонке вооружений в стимулировании развития нового технологического уклада. Эта альтернатива должна строиться на широкой международной кооперации в решении глобальных проблем, которые требуют концентрации ресурсов в проведении прорывных научно-технических разработок. К примеру, проблема защиты Земли от космических угроз не имеет в настоящее время технического решения. Чтобы его получить, нужны научно-технические прорывы на основе интеграции интеллектуальных потенциалов ведущих стран мира и совместного крупномасштабного финансирования соответствующих международных программ научно-технического развития.

Предлагаемая гипотеза доказывает актуальность парадигмы устойчивого развития, которая вместо конфронтации и конкуренции делает ставку на кооперацию и сотрудничество как механизмы концентрации ресурсов в перспективных направлениях НТП.

Как научно-организационная основа механизма управления становлением нового технологического уклада, она превосходит по эффективности гонку вооружений.

На основе данной гипотезы разработан комплекс банковского и валютного контроля по защите национальной финансовой системы от внешних атак. Доказано, что на периферии мирового финансового рынка в условиях полной открытости своего валютно-финансового рынка центральный банк не может контролировать ни обменный курс национальной валюты, ни процентные ставки на рынке. Чтобы управлять состоянием национальной валютно-денежной системы, необходимо контролировать трансграничное движение денег по капитальным операциям. В противном случае наше макроэкономическое состояние, да и само развитие российской экономики подчиняется манипулированию из-за рубежа.

Из предложенной гипотезы следует, что, если не предпринять срочных мер по кардинальному изменению денежно-кредитной политики в направлении создания внутренних источников долгосрочного кредита и обеспечения устойчивости российской валютно-финансовой системы, западные санкции повлекут серьезные нарушения воспроизводственных процессов в основных секторах российской экономики. Манипулируя российским финансовым рынком и политикой денежных властей, Вашингтон добивается разрушения российской экономики, влияя на поведение делового сообщества и критически воздействуя на условия жизнедеятельности общества. Из этого следует, что самостоятельный внешнеполитический курс руководства России должен быть подкреплен восстановлением национального суверенитета и контроля над воспроизводством и развитием собственной экономики.

Из гипотезы о смене мирохозяйственных укладов следует критическая важность мер по обеспечению безопасности валютно-финансового рынка от внешних угроз, прежде всего, атак со стороны иностранных спекулянтов, связанных с ФРС США и эмитентами других мировых валют. Это предполагает введение избирательных ограничений на трансграничное движение спекулятивного капитала. В качестве таковых могут быть использованы меры как прямого (лицензирование, резервирование), так и косвенного (налог на вывоз капитала, ограничение валютной позиции коммерческих банков) регулирования. Следует внести изменения в нормативы, регулирующие деятельность кредитных организаций, которые стимулировали бы операции в рублях и делали бы менее выгодными операции в иностранной валюте, в частности, при создании кредитными организациями резервов, оценке рисков, достаточности

капитала и др. Необходимо срочно заместить валютные активы, размещенные в обязательствах США и других стран, участвующих в санкциях против России, инвестициями в золото и другие драгоценные металлы, в создание запасов высоколиквидных товарных ценностей, в том числе критического импорта, в ценные бумаги дружественных стран, а также в капитал международных организаций с российским участием и в расширение инфраструктуры поддержки российского экспорта. Важно всемерно поддерживать евразийский интеграционный процесс как глобальный проект восстановления общего пространства развития веками живших вместе, сотрудничавших и обогащавших друг друга народов.

Формула гипотезы

Предполагается, что мировое экономическое развитие и связанные с ним политические изменения происходят путем периодической смены мирохозяйственных укладов, каждый из которых представляет собой систему взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений.

Мартыненко В.В.

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕАДЕКВАТНЫХ ПРЕСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ДЕНЕГ И БАНКОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

THE GLOBAL ECONOMIC CRISIS AS A SIGN OF INADEQUATE VIEWS ON SOCIAL VALUE OF MONEY AND BANKS IN THE PUBLIC MIND

Мартыненко В.В. доктор политических наук, профессор
V.V. Martynenko, Professor, Doctor of political sciences

Аннотация: В этой статье автор показывает, что неадекватность сложившихся в общественном сознании представлений о социальном значении денег и банковской деятельности способствует проведению социально ущербной денежно-кредитной политике, которая, в свою очередь, оказывается одной из главных причин кризисных явлений в экономике и в обществе. Автор раскрывает недостаточность предпринимаемых мер по преодолению последствий мирового экономического кризиса, критически анализирует предложения по формированию системы наднационального регулирования финансовых рынков. Обосновывается необходимость изменения концептуальных подходов к организации денежной эмиссии, перенастройки целей и методов денежно-кредитного регулирования и государственного вмешательства.
Abstract: In this article, the author reveals the inadequacy of public consciousness of the social value of money and banking promotes socially flawed monetary policy, which in turn is one of the main causes of the crisis phenomena in the economy and society. The author reveals the insufficiency of measures to combat the effects of the global economic crisis, critically analyzes the proposal to create a system of supranational regulation of financial markets; makes the case for change conceptual approaches to the money supply, reconfigure the objectives and methods of monetary policy and Government intervention.

Ключевые слова: банковская деятельность, денежно-кредитное регулирование, деньги, денежная эмиссия, кредитные отношения, мировой экономический кризис, социальное развитие.
Keywords: banking, credit relationships, global economic crisis, money, monetary regulation, money supply, social development.

На протяжении всей истории цивилизации распространявшиеся в общественном сознании представления о деньгах были скроены из противоречий, которые неизменно проявляли себя в пери-

оды обострения экономических и политических кризисов, но так и не были должным образом уяснены. За изменчивой материальной оболочкой денег не замечается их значение как важнейшей формы социально-правовых связей в обществе. Мировой экономический кризис и использованные средства по его преодолению со всей очевидностью доказывают, что вопрос о социальном значении денег, адекватной форме и структуре банковской системы, а также о методах её регулирования далёк от своего окончательного решения. Сегодня мы являемся свидетелями не только кризиса мировой валютно-финансовой системы, но и кризиса понимания адекватных условий, необходимых для ее эффективного функционирования, включая проблему обеспечения рациональных и социально-необходимых механизмов денежной эмиссии.

Ложное представление о деньгах в общественном сознании

В обыденном смысле для большинства людей деньги означают известные им предметы в виде монет или бумажных купюр, находящиеся в кармане, в сейфе или в банке. Они обращают внимание лишь на их видимую оболочку, признавая за ней вполне осязаемую, но во многом неведомую силу. Хотя мало у кого вызывает возражения тот факт, что деньги всегда предоставляли и предоставляют их держателям вполне определённые права (которые, скорее всего, признавались в человеческом обществе ещё до появления первых государств), о деньгах сохраняется ложное представление как о некоем особом или даже условном товаре, непонятным образом получившим статус «всеобщего эквивалента». Такое ложное представление способствует тому, что, несмотря на груды литературы, посвящённой экономическому значению денег и целям банковской деятельности, нерешёнными остаются вопросы о том, чем должны (и должны ли вообще) обеспечиваться или ограничиваться размеры денежной эмиссии, что лежит в основе инфляции, как с ней бороться и т. д.

До настоящего времени не получило распространение понимание института денег как социально обусловленной формы фиксации прав кредиторов, возникшей в процессе развития кредитных отношений между относительно независимыми членами общества (т. е. между членами общества, которые уже не составляли одну семью, племя или род). Даже среди специалистов «банковского дела» суждения о деньгах до сих пор формируется в значительной степени на основе ряда, мягко говоря, сомнительных положений эконо-

мических парадигм достаточно отдалённого прошлого, редуцирующих социальную сущность денег и не замечающих их кредитную природу. Одновременно не замечается и тот факт, что во всех теориях денег (начиная от определений денег у Аристотеля) их авторы фактически подменяли вопрос о происхождении денег темой необходимости денег для развития товарооборота.

Исключительно трудно даётся понимание того факта, что появление и сущность денег не могут быть поняты и разумно объяснены, если придерживаться точки зрения тех философов и экономистов, которые рассматривают их значение с позиции возникновения социальной потребности в удобном инструменте для товарообмена. Между тем все попытки обосновать появление денег из товарообмена неизменно сталкивались с рядом неразрешимых противоречий. В качестве примера приведём рассуждения Адама Смит (1723–1790), который отмечал невозможность товарообмена в том случае, когда один человек обладает большим количеством определённого продукта, чем сам нуждается в нём, а другой, хотя и испытывает в нём недостаток, но в данный момент не имеет ничего из того, в чём нуждался первый. Согласно логике Смита, условия для развития товарообмена могли появиться только в том случае: если «каждый разумный человек» старался «устроить свои дела, чтобы постоянно наряду с особыми продуктами своего собственного промысла иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла»[1]. Эти товары и стали выполнять, по его мнению, роль денег. Однако если предположить, что каждый разумный человек обменивал свои продукты на товары, которые не были ему нужны, но пользовались повышенным спросом (согласно Смиту, никто не отказывался «взять их в обмен на продукты своего промысла»), то тогда нужно исключить из разряда разумных людей производителей таких товаров. По определению потребности этих производителей должны были полностью удовлетворяться в результате обмена их продукции на другие товары. Продукция остальных производителей должна была пользоваться меньшим спросом и её неразумно было бы накапливать в расчёте на то, что «никто не откажется взять её взамен». Вместе с тем понятно, что именно производители товаров, пользовавшихся наибольшим спросом, испытывали главную потребность в появлении денег. Следовательно, выявленная Смитом проблема оказывалась неразрешённой. Если происхождение денег искать в товарообме-

[1] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 83.

не, то получается, что «каждый разумный человек» сначала должен был лишиться разума, иначе сложно объяснить, почему он вдруг захотел обменивать результаты своего труда на ненужные ему предметы. Только потеряв остатки разума, такой человек мог надеяться, что появятся столь же неразумные люди, которые начнут поступать аналогичным образом, что выбор ненужных предметов у них совпадёт и они станут тогда «всеобщим орудием торговли», приобретя неизвестно как способность быть всеобщим эквивалентом. Абсурдность данного предположения очевидна.

Переосмысление денег как важнейшей формы социально-правовых отношений в обществе

Все теоретические рассуждения приобретают логическую стройность, если осознать, что социальная необходимость денег заключалась не просто в обеспечении товарного обмена, а была вызвана потребностью формирования кредитных отношений между относительно независимыми и свободными субъектами, число которых увеличивается на каждой новой стадии исторического развития человечества. Поддающийся научному описанию естественный закон социального развития заключается в реализации процесса раскрытия эмпирически неопределённой величины разнообразных физических, интеллектуальных и умственных возможностей, заложенных в человеке (как интегральном понятии, включающем способности различных индивидов). Вместе с тем для осознания действия указанного закона недостаточно указать на то, что раскрытие человеческих способностей оказывается возможным только при наличии и посредством взаимодействия людей в обществе, при расширении и углублении разделения труда между ними. За этой эмпирически познаваемой реальностью, которая в ходе человеческой истории все более отчётливо себя проявляет, требуется ещё распознать дополнительную причину и базовое условие социального развития. Эта причина заключается в том, что одни люди, обладая более высокими способностями и реализуя их на практике, по собственной инициативе стали делиться (даже не будучи тесно связанными родственными узами) результатами своей деятельности (включая знания и опыт) с другими, удовлетворяя их потребности. Взамен они могли получать лишь обязательства в виде признания их прав как кредиторов общества. Вполне естественная норма социальной жизни заключается в том, что только за тем человеком может признаваться право требовать удовлетворения своих потребностей за счёт других людей,

кто принимает на себя в ответ соответствующие обязательства или предварительно обеспечивает результатами своей деятельности удовлетворение чужих потребностей. Понятие «кредитор», таким образом, не ограничивается узко экономической интерпретацией данного термина, а наделяется социальным содержанием[1]. В качестве одной из важнейших форм фиксации прав кредиторов и возник институт денег. Можно сказать, что появление денег знаменовало собой начало функционирования социального механизма организации и реализации кредитных отношений, определяющих систему естественных прав и обязанностей членов общества; что деньги оказались нужны прежде всего для того, чтобы раскрыть и расширить социальные горизонты человеческой свободы, понимаемой в контексте необходимости реализации человеческого потенциала, творческого начала и разумного содержания индивидуальности, обеспечивая условия социального развития[2].

В то же время характер последующего функционирования и использования различных форм денег наложили определённый отпечаток на социальное восприятие данного социального института, базовый смысл которого к тому же часто сознательно затуманивался, представлялся в извращённом свете. Возникнув

[1] Конечно, следует учитывать, что права любых кредиторов в своём естественном понимании не безграничны и не могут признаваться на вечные времена. Более того, бывшие кредиторы могут со временем превращаться в должников, стремящихся, сохранить за собой ранее полученные привилегии (права), которые, однако, уже не пользуются больше естественным признанием со стороны других членов общества. Кроме того, кредитные отношения могут принимать форму, которая не столько стимулирует, сколько тормозит социальное развитие. Имеется в виду такая форма кредитных отношений, за которой скрывается сознательное стремление кредитора воспользоваться временной слабостью или затруднительным положением должника, а не желание содействовать более полной реализации его возможностей и способностей (например, в области предпринимательской деятельности). Указанная форма характеризует появление, если можно так сказать, «неполноценных» кредитных отношений, которая близка, но не совпадает по своему значению с получившим широкое распространение понятием «ростовщичество». Под ростовщичеством понимается (и одновременно далеко не всегда обоснованно осуждается) любая форма кредитных отношений, которая предусматривает предоставление в качестве кредита денежных средств под проценты («в рост»). Между тем сам факт наличия в кредитных договорах условия возврата денежных средств с уплатой процентов ещё не означает, что такие кредитные отношения не способствуют социальному развитию или что кредитор сознательно использует в своих эгоистических интересах временные трудности должника. Возникновение «неполноценных» кредитных отношений на самом деле всегда было обусловлено появлением у кредитора искусственно созданных и поддерживаемых монопольных привилегий, которые, как правило, обеспечиваются с помощью государственной власти. Показателем «неполноценности» может считаться предоставление ссуды без учёта реальных возможностей должника обеспечить возврат кредита за счёт производства и/или реализации товаров или услуг; в зависимости исключительно из величины залога, который должник может предоставить кредитору. При таких условиях за предоставлением ссуды может скрываться сознательное стремление кредитора воспользоваться временной слабостью или затруднительным положением должника. В настоящее время появление и распространение в обществе «неполноценных» кредитных отношений стимулируется неадекватными методами государственного вмешательства и регулирования коммерческих банков, процессами монополизации денежно-кредитной сферы и банковской деятельности.

[2] В отличие от любых видов социально организованных животных, которым присуща лишь форма вертикальной интеграции, между людьми возникает и развивается горизонтальная интеграция, раздвигающая семейные, родоплеменные и государственные границы, способствуя всё более полному взаимодействию, разделению труда и раскрытию заложенных в человеке способностей. И только в человеческом обществе присутствует такая форма социально-правовых взаимоотношений, как деньги, обеспечивающая интеграцию человеческого сообщества по горизонтали.

как инструмент фиксации прав определённых кредиторов, деньги в процессе всё более широкого использования в расчётах за товары и услуги (то есть реализации кредиторами своих прав) приобрели анонимный по отношению к каждому конкретному кредитору характер. В результате у различных членов общества появилась возможность, став обладателями денег, приобрести права и привилегии, не прикладывая особых усилий, не становясь кредиторами общества и не исполняя необходимых обязанностей. Однако если подобные злоупотребления приобретают значительный размах, это ведёт к обесценению денег. Иными словами, кредитная природа денег и их значение как формы обеспечения социальных прав кредиторов неизменно напоминает о себе.

Проблема, правда, в том, что все такого рода напоминания не означают, что в общественном сознании само собой может сформироваться понимание того факта, что деньги — не просто средство обмена, которому было придумано абстрактное определение всеобщего эквивалента, а социальный инструмент фиксации и реализации прав кредиторов общества; что обесценение денег отражает наличие крупных диспропорций в системе формирования и распределения прав и обязанностей в государстве и обществе, отсутствие полноценных кредитных отношений, а также необходимых условий для их развития.

Осмысление социальных причин обесценения денег

Сталкиваясь с неадекватным механизмом денежной эмиссии и условиями функционирования денег (инфляция, коррупция, роскошь, нищета и т. д.), достаточно легко впасть в заблуждение относительно действительных истоков этих негативных социальных явлений. Для подавляющего большинства людей одной из основных — лежащих на поверхности — причин, ограничивающих их возможности, всегда являлась величина их доходов в денежной форме. Поэтому многие сегодня, как и столетия назад, обнаруживают склонность видеть и возлагать главную вину за своё бедственное положение на само существование денег или на банки, рассматривая их в качестве источника налагаемых на них ограничений. Стремление устранить указанные ограничения часто представляется в виде желания добиться какой-то высшей справедливости, которую ждут от государства и надеются от него её получить. Они не замечают, что причина в этом случае путается со следствием, чем всегда пользуются политические авантюристы, которые получают возможность с лёгкостью, как это не раз бывало

в истории, навязать обществу опасные идеи решения различных социальных проблем посредством устранения денег, национализации банков или государственного регулирования цен. Не сразу осознается и тот факт, что обесценение денег может проявляться как в явной форме — в росте цен на все товары и услуги, по динамике которых обычно и оценивают инфляцию, так и в скрытой форме — в виде падения производства пользующихся спросом товаров и услуг, в появлении их дефицита. К срытой форме обесценения денег относится также неудовлетворительное использование имеющегося экономического и научно-технического потенциала общества, расширение объёмов натурального производства и обмена и т. п. Скрытая форма как раз и характерна для ситуаций, когда государство под видом борьбы с инфляцией начинает в административном порядке регулировать цены на различные товары и услуги, а также прибегает к мерам по общему ограничению денежной массы и кредита. Как правило, эти меры сопровождаются сохранением размеров денежных выплат тем, кто своей деятельностью не способствует, а препятствует экономическому развитию (включая различного рода монополистические образования и бюрократический аппарат самого государства). В таких случаях одновременно наблюдается экономический спад, сокращение денежной массы и её обесценение. Как известно, лекарствами, которые не лечат, лечат болезнь, которую не хотят вылечить. На самом деле основной причиной инфляции было и остаётся невыполнение или неудовлетворительное выполнение государством возложенных на него функций при том, что оно регулярно с помощью налогов, сборов, займов и принудительной эмиссии, также нелегальных методов коррупционного порядка получает и расходует денежные средства на содержание своего бюрократического и карательного аппаратов. Практически все социальные проблемы порождаются злоупотреблениями правом и властью. Эти злоупотребления обусловлены деятельностью различных монополистических образований и сопутствуют им. Инфляция, как и другие негативные явления в денежной сфере, отражает, образно говоря, кривизну социального пространства, его превращённую картину, искажённую монополистической безответственностью. Ее характерными чертами являются: грубые диспропорции в системе распределения прав и обязанностей, нарушение принципов равноправного обмена между людьми результатами своей деятельности, возможность получения и сохранения доходов социальными группами, деятельность которых не отвечает потребностям развития общества.

Осознание ошибок и злоупотреблений со стороны монетарных властей России

Все вышеотмеченные явления могут быть в красках проиллюстрированы на примере современной России, где задолго до кризиса наблюдалась «гремучую смесь» из теоретических ошибок и злоупотреблений правом, характеризующих деятельность монетарных властей[1]. Последствия указанных ошибок и злоупотреблений с каждым годом все сильнее ощущаются, однако остаются далеко неосознанными в обществе. С одной стороны, представители правительства и Банка России, позиционируются и позиционируют себя в качестве единственного источника денег для развития экономики. С другой стороны, не замечается, что в мышлении представителей российских денежных властей явно сохраняются рудименты золотого фетишизма. Они проявляются в представлениях о том, что эмиссия денег центральным банком должна обеспечиваться какими-то другими «настоящими деньгами», а не сама обеспечивать развитие кредитных отношений в необходимых для экономики объёмах. Сегодня, правда, золотой фетишизм в основном проявляется как валютный, когда денежная эмиссия Банка России фактически полностью формируется за счёт приобретения им иностранной валюты. Такая политика, приведшая к превращению рублей в суррогат иностранной валюты для внутреннего пользования, привносит дополнительные трудности для развития российского общества. Она также формирует ситуацию, при которой о реальной независимости и суверенитете государства можно говорить лишь с натяжкой. Не случайно даже в условиях благоприятной мировой конъюнктуры на рынке сырьевых ресурсов, в различных регионах страны (не ориентированных на экспорт энергоносителей и сырья) перманентно создавалась предреволюционная ситуация. Само государство, балансируя на грани предельно критического состояния, потенциально опасного распадом страны, несмотря на предпринимаемые меры по укреплению властной вертикали, с точки зрения условий и параметров социально-экономического развития фактически продолжало скатываться к статусу колонии. При появлении признаков мирового кризиса социально-политическая обстановка, естественно, обострилась, а риски социально-политического распада существенно возросли. При этом в действиях властей отчётливо проявились общая растерянность,

[1] Подробнее см.: Мартыненко В.В. «Неизвестная политика Банка России». — М.: Изд-во ИСПИ РАН, 2004. Электронная версия данной монографии размещена вИнтернете по адресу: [http://www.martynenko-info.ru]

а также непонимание реальных путей и средств исправления сложившейся ситуации.

В таких ситуациях у представителей власти наблюдаются попытки с помощью демагогических приёмов найти некий громоотвод, чтобы отвлечь общественное внимание от выявления базовых принципиальных недостатков в функционировании государственных структур, сфокусировав указанное внимание на проблемах, якобы имеющих объективный, в смысле независимый, от власти характер. Одной из таких проблем преподносится инфляция, которая в трактовке российских монетарных властей предстаёт не как результат неадекватной политики и деятельности власти, а как некое стихийное бедствие, с которым самоотверженно борется Банк России, ограничивая размеры денежно-кредитной эмиссии. Помимо этого, главная вина за возникновение современного кризиса была возложена на эгоистическую политику США, осуществлявших эмиссию долларов за счёт неоправданного роста государственного долга. Характерно, что уже в первом Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию (5 ноября 2008 года) было недвусмысленно заявлено о важности «максимально быстрого формирования новых правил мировой финансовой архитектуры», о том, что «монополия в этой сфере оказалась не просто неадекватной реалиям современной глобальной экономики; она оказалась опасной для всех». В этой связи особо была отмечена необходимость «создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества».

Бесспорно, любая монополия, а монополия в денежно-кредитной сфере особенно, в долгосрочном плане оказывает пагубное влияние на процесс социального развития и создаёт предпосылки для возникновения глубоких социально-экономических и политических кризисов. Несомненно, и то, что США в течение длительного времени злоупотребляли правом и возможностями, предоставленными признанием доллара в качестве основного средства международных расчётов, особой ролью их национальной валюты в мировой финансовой системе, само здание которой, действительно, нуждается в глубокой реконструкции. Но при этом важно осознавать, что немалая доля ответственности за сложившуюся ситуацию лежит и на монетарных властях тех стран, которые в последние годы оказались главными кредиторами США. В их числе заметная роль принадлежит монетарным властям России. Однако этому факту российские политики и экономисты уделяют далеко недостаточное внимание и он не нашёл адекватного отражения в общественном сознании.

Одна из причин такого отношения кроется в том, что Банк России в нашей стране не только получил монополию на денежную эмиссию, но уже многие годы претендует на безальтернативность предлагаемых им мер, непогрешимость своей позиции и взглядов по вопросам денежной эмиссии и проблемам регулирования банковской деятельности. Вместе с тем, если разобраться, то очевидным становится факт отсутствия у монетарных властей России адекватного понимания социально-обусловленных механизмов денежной эмиссии. Когда российские монетарные власти и поддерживающие их экономисты с пафосом заявляли о росте валютных резервов, рассматривая указанный рост в качестве показателя устойчивости и стабильности российского рубля и российской экономики, они на самом деле пытались и пытаются закамуфлировать крайне неприятное обстоятельство, которое свидетельствует о несостоятельности Банка России как эмиссионного центра.

Конечно, определённый размер валютных резервов, имеющейся у любого центрального банка, можно рассматривать в качестве инструмента противодействия различным спекулятивным давлениям на курс национальной валюты и предотвращения негативных последствий возможной паники среди участников рынка при внезапных изменениях внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры. Вместе с тем центральными банками ведущих стран мира давно выработан куда более рациональный и эффективный механизм противодействия указанным негативным явлениям по сравнению с бездумным наращиванием валютных резервов. Речь идёт о возможности кредитования центральными банками друг друга, которое, как правило, осуществляется в виде покупки-продажи национальной валюты (взамен на иностранную) на определённый срок с обязательством сторон по истечении указанного срока произвести обратную операцию по заранее фиксированному курсу. Наличие механизма взаимного кредитования свидетельствует о степени доверия между монетарными властями соответствующих стран и уровне равноправия в их отношениях. Между тем, многие российские политики и экономисты этот факт просто упускали из вида, когда (ещё до современного кризиса) требовали договориться с ведущими странами мира о признании ими рубля в качестве резервной валюты, ссылаясь в качестве обоснования на «обеспеченность» рубля высоким объёмом валютных резервов Банка России. Прежде чем выдвигать подобные предложения и требования им следовало бы обратить внимание на отсутствие признания монетарными властями ведущих стран мира Банка России в качестве равноправного партнёра, а также на причины такого

положения дел. Руководителей же самого Банка России сложившееся положение, похоже, полностью устраивало. Они не стремятся изменить его и сегодня.

Эмитируя рубли исключительно за счёт покупки иностранной валюты (расширяя свои валютные резервы), Банк России при этом занимается ничем иным, как поддержанием той самой давно устаревшей «мировой финансовой архитектуры» и, в частности, обеспечением благоприятных условий для наращивания государственного долга США. В социальном плане получается, что все держатели рублей (а не только долларов) в той или иной степени вынуждены выступать в роли кредиторов американского правительства. Иными словами, можно говорить о том, что Россия без какого-либо военного вмешательства извне в социально-экономическом плане оказалась на правах колонии, что негативно сказывается и на её внешнеполитической роли, а также является фактором усиления дезинтеграционных процессов в российском обществе, несмотря на все попытки укрепить «вертикаль» государственной власти. Отметим и ещё один аспект. Если сам Банк России получает за осуществление такой «эмиссионной» деятельности доход в виде процентов на размещённые им валютные резервы, то большинство российских предприятий и граждан вынуждены заниматься беспроцентным кредитованием иностранных государств, а точнее — кредитованием под отрицательный процент. Отрицательным этот процент оказывается по причине более высоких ставок, которые российские предприятия вынуждены платить по кредитам, получаемым ими от иностранных банков[1]. Кроме того, эти предприятия переносят свои издержки, связанные с оплатой процентов по указанным кредитам, на российских потребителей своей продукции, что выступает в качестве дополнительного фактора инфляции в стране. Обращаться же к иностранным банкам, которые, как оказывается, помимо своего центрального банка кредитуются ещё и Банком России, российские компании (причём в основном принадлежащие государству) во многом вынуждены по причине неадекватной денежно-кредитной политики Банка России и используемых им методов регулирования банковского сектора.

Материальную основу для фактически беспроцентного кредитования Россией США и других западных стран составляет, конеч-

[1] За несколько лет до кризиса размеры валютных резервов Банка России и фондов правительства превысили отметку в 500 млрд. долларов США. Примерно такую же величину составили иностранные долги российского государства и компаний с государственным участием. Если учитывать, что разница в процентах, которые российской стороной уплачивались по своим долгам и которые правительство и Банк России получали по размещённым валютным резервам, равнялась порядка 10%, то оказывается, что Россия не менее 50 млрд. долл. ежегодно тратила на субсидирование ведущих иностранных государств.

но, экспорт российских энергоносителей. В этой связи российскими экономистами и политиками была выдвинута идея перехода на оплату российского экспорта рублями. Но при этом опять же не учитывается тот факт, что такой переход не может привести к каким-либо положительным переменам, если сохранится нынешний принцип денежной эмиссии Банка России, т. е. если эмиссия рублей по-прежнему будет осуществляться исключительно за счёт покупки Банком России иностранной валюты. В этом случае может произойти лишь смена основных контрагентов Банка России по приобретению им иностранной валюты: место российских экспортёров (при посредничестве коммерческих банков) займут иностранные импортёры. Во всех остальных аспектах ситуация окажется прежней.

При таком механизме денежной эмиссии размеры денежной массы в России, по определению, не могут соответствовать потребностям и возможностям развития производства товаров и услуг внутри страны. Они лишь могут, и то не полностью, удовлетворять те потребности экономического развития России, которые определяются интересами иностранных потребителей и иностранных государств. Но если в этом состоит смысл монопольного права Банка России на денежную эмиссию, то возникает вопрос о целесообразности самой эмиссии рублей и существования Банка России. Увеличение размеров поступающей в страну валютной выручки лишь расширяет возможности Банка России искусственно манипулировать валютным курсом рубля, фактически занимаясь при этом перераспределением в свою пользу доходов от российского экспорта. Повышая курс рубля, Центробанк просто сокращает рублёвые доходы экспортёров и увеличивает размеры иностранной валюты в своём распоряжении, размещая её в ценные бумаги иностранных государств и увеличивая тем самым свои доходы за счёт поступающих процентов[1]. Подчеркнём, что получаемые проценты составляют доход Банка России, а не доход

[1] Не осознавая социально-экономических опасностей, связанных с такой политикой Банка России, целый ряд маститых российских экономистов повторяют «прописные истины» о том, что рост доходов от экспорта и увеличение иностранных инвестиций в страну ведут к укреплению курса национальной валюты, прилагая эти истины к ситуации с курсом российского рубля. Указанных экономистов и политиков так и хочется спросить: «Помилуйте, господа! О каком укреплении реального курса рубля вы говорите, если размеры денежной массы в рублях определяются исключительно объёмами поступления в страну иностранной валюты? Все ваши «умозаключения» имели бы смысл, если бы размеры и динамика денежной массы в рублях определялись бы внутриэкономическими факторами, а не зависели бы исключительно от поступающих в страну долларов или евро. О каком реальном укреплении рубля можно серьёзно говорить, если значительное число граждан по-прежнему живёт в основном натуральным хозяйством? Необходимо обсуждать не мнимое укрепление рубля, а отсутствие в России такого понятия как национально ориентированная денежная эмиссия, наличие которой могло бы свидетельствовать о взаимозависимости различных членов российского общества, о достаточном уровне взаимной поддержке ими друг друга, о реальном существовании единого рынка товаров и услуг, да, и вообще — о единстве государства».

государственного бюджета. И поскольку эти доходы не зависят от каких-либо усилий и умственных способностей руководителей и чиновников Банка России, думать и заботиться о стабильности российской банковской системы, о состоянии российской экономики им оказывается просто «не с руки».

Для того чтобы рубль получил признание в качестве международного (пусть даже регионального) расчётного средства, он должен перестать выступать в роли суррогата доллара и евро; доверие к российской банковской системе должно быть повышено на качественно новый уровень посредством изменения принципов денежной эмиссии и используемых Банком России методов регулирования коммерческих банков.

Социально-политические последствия неправомерного государственного вмешательства в банковскую деятельность

При осознании кредитной природы денег и социальных прав в целом становятся очевидными причина и вся пагубность постоянно предпринимаемых властью попыток установить тотальный контроль над банковским сектором. Как свидетельствуют многочисленные факты, подчинение представителями государственной власти кредитных институтов стимулирует нерациональное использование ресурсов общества, способствует инфляции и дисфункции денег, что негативно отражается на развитии полноценных кредитных отношений в обществе. Устраняя независимость банковской системы, контролируя все кредитные потоки, определяя размеры и структуру денежной эмиссии, государственная власть воздействует на жизнь общества и его отдельных членов, жёстко регламентируя направления социально-экономической деятельности индивидов. Отсутствие своевременной корректировки указанной ситуации с неизбежностью подталкивает общество в пропасть тоталитаризма.

В этой связи особенно важно формирование в общественном сознании понимания того факта, что значение коммерческих банков заключается не просто в перераспределении временно свободных денежных ресурсов (как это принято считать), а в активном участии в их формировании в процессе кредитной деятельности. Такое участие возможно, правда, только в том случае, если коммерческие банки сами получают кредитную поддержку со стороны Центрального банка, которая позволяет им в полном объёме исполнять все свои текущие обязательства перед представителями реального сектора экономики. Поэтому денежная эмиссия Цен-

трального банка должна быть нацелена на адекватную кредитную поддержку банков и обеспечение социального доверия к банковской системе, а не превращаться в производную от объёмов поступающей в страну иностранной валюты. В настоящее время денежная эмиссия, с одной стороны, должна основываться на развитии кредитных отношений, а с другой — обеспечивать условия для такого развития. Это предполагает соответствующие принципы организации банковской системы, корректировку основных ориентиров деятельности и переоценку функций коммерческих банков, механизмов их взаимодействия с Центральным банком, а также обеспечение как можно более полной независимости всего банковского сектора от правительства.

Социальная изнанка идеологии наднационального регулирования финансовых рынков

Необходимость формирования в общественном сознании адекватного понимания рассматриваемых вопросов усиливается в контексте наблюдаемого по итогам мирового экономического кризиса всплеска идеологической активности, направленной на обоснование необходимости переформатирования основ мироустройства и формирования нового миропорядка, изменения сферы ответственности, роли и функций отдельных государств. Отдельное внимание при этом уделяется проблематике, касающейся изменения соотношения между национальными и наднациональными целями, принципами и механизмами регулирования финансовых и денежно-кредитных рынков. Согласно точке зрения ряда политиков и экспертов, нынешний кризис, с одной стороны, отражает необоснованность надежд на способность финансовых рынков к саморегулированию, а с другой — продемонстрировал непригодность регулирования указанных рынков, основанного на принципах «национального суверенитета», что приводит к появлению «финансового протекционизма», угрожающему подорвать и даже разрушить международные финансовые рынки. Отсюда делается вывод о том, что международным рынкам необходимо международное же регулирование. Утверждается, что создание «никогда прежде не существовавшего» международного регулирования соответствует требованиям современного процесса глобализации[1].

При всей видимой логичности указанных утверждений и предложений они поднимают больше вопросов, чем предоставляют

[1] См., например: Сорос Дж. Прогнозы: Будущее в форме буквы W // Ведомости. 15.01.2010, 5 (2523) Статья размещена в Интернете по адресу: [http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/01/15/222996].

ответы на стоящие как перед национальными государствами, так и мировым сообществом вопросы. Начнём с того, что крайне расплывчато определяются цели и средства международного регулирования, не говоря уже о проблеме контроля самих «регуляторов». Давно известно, что бездумное применение определённых направлений и методов регулирования и злоупотребления со стороны регулирующих органов способны вызвать разбалансированность финансовой системы и привести к глубокому кризису. Отметим также, что в настоящее время некорректно говорить о полном отсутствии международного регулирования финансовых рынков. В ведущих странах мира в течение последних 30 лет деятельность участников рынка подвергалась всё более жёсткому регламентированию с учётом предложений международных организаций. Нынешний кризис возник после принятия странами МВФ в качестве законодательных норм рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору. Подразумевалось, что эта мера, приведшая к ужесточению нормативов деятельности банков и финансовых институтов, направленная на повышение транспарентности и унификацию методов их регулирования в различных странах, обеспечит снижение рисков и повышение надёжности функционирования банковских систем и финансовых рынков. Похожие надежды возлагались, в том числе высокопоставленными чиновниками Банка России, на повсеместное внедрение международных стандартов финансовой отчётности. Однако на практике результат получился совсем иным.

Непредвзятый анализ рекомендаций вышеупомянутого Базельского комитета позволяет заключить, что их разработка была отчасти обусловлена интересами ведущих государств и транснациональных банков по установлению контроля над движением денежно-кредитных потоков в мире и направления их в нужное для себя русло. Кроме того, эти рекомендации, которые были трансформированы в нормативы регулирования банковской деятельности, явно стимулируют коммерческие банки вкладывать средства в государственные ценные бумаги, что не способствует повышению ответственности государств, прежде всего ведущих стран мира, за неоправданное увеличение размеров государственного долга.

Как свидетельствует исторический опыт, когда государственная власть, несмотря, а точнее — благодаря возлагаемым на государство необоснованным надеждам, выполняет свои обязанности и функции крайне неэффективно, не заботясь о жёстком соблюдении требований увязки размеров налогообложения с решением проблемы рационального использования властью средств налого-

плательщиков, неразумно рассматривать государство как на надёжного и ответственного заёмщика. По существу, «надёжность» государственных ценных бумаг в основном базируется лишь на наличии у государственной власти возможности насильственного изъятия средств у налогоплательщиков, в число которых входят и кредиторы правительства (держатели государственных ценных бумаг). В результате государственная власть сначала погашает свои обязательства перед одними налогоплательщиками за счёт других, формируя финансовые пирамиды, предназначенные для последующего разрушения, либо увеличивая налоговое бремя. Заканчивается и тот, и другой способ «честного изъятия денег у населения» тем, что, оказывая крайне негативное воздействие на процесс социально-экономического развития, становится одной из главнейших причин возникновения крупномасштабных финансовых и экономических кризисов. Правда, вина за появление этих кризисов всегда перекладывалась представителями власти на своих нерасчётливых кредиторов. Ранее в такой роли выступали многие ростовщики, затем — участники финансовых рынков и банки. Именно на них власти старались канализировать весь гнев народа. Именно они первыми несли ответственность за то, что государственная власть оказывалась необязательным и неплатёжеспособным заёмщиком. При этом со стороны представителей государственной власти каждый раз в качестве средства исправления кризисной ситуации обосновывалась необходимость дальнейшего усиления государственного вмешательства и ужесточения законодательства, регулирующего банковскую деятельность. На практике за подобными «обоснованиями» часто скрывалось и камуфлируется стремление властных структур обеспечить для наиболее близких к ним финансовых компаний и банков монопольные позиции на рынке, что, естественно, влечёт за собой углубление кризиса и/или затруднение и замедление процесса выхода из него. В этой связи важно иметь в виду существование высокой вероятности того, что под видом рассуждений о необходимости формирования новой системы международного регулирования отдельные государства или неформальные властные структуры, функционирующие в тени государственных образований, могут преследовать собственные эгоистические цели.

Указанная вероятность возрастает по причине по причине отсутствия рационального объяснения и неадекватного отражения в общественном сознании вопроса о сущностных характеристиках денег, социальном значении банков и иных финансовых институтов. Не случайно, несмотря на различные заверения представи-

телей правительства, на деле государственная власть в России практически не проявляет реальной заинтересованности в обеспечении гарантии прав кредиторов и реализации принципа равных прав при равной ответственности, без чего невозможно рассчитывать на полноценное социально-экономическое развитие и эффективное функционирование рыночных институтов. Кризис 1998 года, который был инициирован отказом правительства платить по своим долгам (ГКО), являлся одним из наиболее наглядных проявлений такого подхода. И современный мировой финансовый кризис, как и его специфические проявления в России, также не является исключением из правил.

Для обеспечения социально-экономического развития важно понимать, что государство и государственные институты никогда не являлись и не могут рассматриваться в качестве полноценного источника денег для экономики. Более того, одним из важнейших условий социально-экономического развития является максимально возможное разделение политической и денежной властей в обществе, обеспечение как можно большей независимости от правительства не только центральных банков, но и банковского сектора в целом. Это предполагает необходимость реального перехода к организации двухуровневой банковской системы, корректировку основных ориентиров деятельности и переоценку функций коммерческих банков, изменение законодательной и нормативной базы, регулирующей банковскую деятельность.

Переоценка основных целей, необходимых условий и методов организации банковской деятельности в России

Мало кто сегодня, да и вообще когда-либо, серьёзно утверждал, что банковской система, сложившаяся России, отвечает потребностям развития страны. Но в качестве главного недостатка данной системы уже много лет указывается, по сути, лишь на один показатель — на низкий уровень капитализации российских коммерческих банков. В качестве доказательства приводятся сравнения с уровнем капитализации крупнейших банков ведущих стран. Как заклинание, из года в год повторяется лозунг о необходимости существенного и скорейшего повышения капитала российских банков. С более высоким уровнем капитализации банков непосредственно увязывают и проблему снижения риска их неплатёжеспособности, а соответственно, и повышения надёжности и безопасности их функционирования. При этом в качестве средства решения данной проблемы на практике используются методы, на-

правленные на сокращение числа коммерческих банков, усиление централизации и монополизации банковской деятельности. Проводя такие методы, одновременно забывают отметить, что по количеству банков на душу населения наша страна многократно уступает и США, и станам ЕС. Но главное в том, что опыт применения указанных методов, как у нас в стране, так и за рубежом, свидетельствует, что они, во-первых, крайне неэффективны с точки зрения возлагаемых на них надежд. Во-вторых, помимо своей неэффективности, они неизбежно влекут крайне неблагоприятные социально-экономические и социально-политические последствия. Этот факт ярко продемонстрировал и кризис 1998 года, и современный мировой финансовый кризис.

Самое малое, что можно сказать об отрицательных последствиях применяемых методов, так это то, что они негативно сказываются на условиях развития малого и среднего бизнеса, а также приводят к общему удорожанию банковских услуг. В качестве примера можно привести недавно установленный Сбербанком РФ размер комиссии по перечислению коммунальных платежей. Если сопоставить уровень доходности от взимания данной комиссии с уровнем доходности от кредитов, предоставляемых на межбанковском рынке, то получается следующая картина. Для того чтобы Сбербанк мог добиться такого же уровня доходности (как от взимания комиссии) на межбанковском рынке, он должен был бы предоставлять однодневные кредиты по баснословно ростовщической ставке — от 365% до более 900% годовых. При взимании комиссии Сбербанк, по существу, не только получает от населения беспроцентные кредитные ресурсы, по крайней мере, на один день, но и берет со своих кредиторов процент в размере названной ставки. Сам же Сбербанк выплачивает по вкладам проценты, в среднем не превышающие 4% годовых. Ситуацию, при которой какой-либо банк решился бы взимать комиссию в таком размере, просто невозможно было представить, скажем, пятнадцать лет назад, когда существовало хоть какое-то подобие конкуренции на рынке банковских услуг[1].

Что касается зависимости уровня надёжности банка от величины его капитала (т. е. собственных средств), то в качестве примера, доказывающего отсутствие такой зависимости, можно опять же привести ситуацию со Сбербанком РФ. При смене руководства

[1] По оценке Национальной ассоциации участников электронной торговли, в настоящее время общий объем рынка услуг по приёму и оплате счетов предприятий ЖКХ превышает 300 млрд. рублей в год. В различных регионах страны на долю Сбербанка РФ приходится от 36% до 60% указанного рынка. Только в одной Москве ежегодный доход Сбербанка РФ от комиссии за оплату услуг ЖКХ уже сегодня равняется 1,33 млрд. рублей.

Сбербанка РФ, его уже бывшие топ менеджеры, видимо, стараясь придать дополнительный вес собственной значимости, обнародовали весьма важную информацию. Они заявили, что на тот момент, когда они пришли к руководству Сбербанком РФ, последний имел отрицательный капитал. Иными словами, банк, считавшийся самым надёжным и крупным в стране, на самом деле уступал по размеру собственных средств самому маленькому банку. И если бы Банк России, являющийся, кстати, главным акционером Сбербанка РФ, в отношении него использовал бы такие же санкции, какие он в подобной ситуации применяет к подавляющему большинству иных российских коммерческих банков, то у Сбербанка должна была быть отозвана лицензия и начата процедура его банкротства. К счастью, осознание размеров социально-экономических и социально-политических последствий подобных мер привели к тому, что Банк России предпочёл в данном случае забыть о своих нормативных актах, регулирующих банковскую деятельность. Подобная «забывчивость» неоднократно наблюдалась и у руководства центральных банков ведущих стран мира, когда по отношению к крупнейшим банкам, которые в действительности оказывались без наличия собственного капитала, не применялись широко разрекламированные меры по так называемой «санации» банковской деятельности.

Речь в данном случае не о том, что руководство центральных банков должно быть осуждено за факты подобной «забывчивости», а о том, что величина капитала какого-либо банка на практике никак не связана и не может увязываться с показателями его надёжности, а соответственно, и с вопросом обеспечения безопасности кредиторов и вкладчиков. В рамках установленных сегодня обязательных нормативов банковской деятельности величина денежных обязательств и требований у любого коммерческого банка более чем в десять раз превышает величину его собственных средств, или капитала. В такой ситуации, сколь бы высокой ни была величина капитала банка, она не может рассматриваться в качестве гарантии возврата средств его кредиторов и вкладчиков. На самом деле величину собственного капитала каждого отдельного банка следует рассматривать лишь в качестве показателя, который определяет размер материальной ответственности собственников банка за право организации банковской деятельности в соответствующем масштабе. Если говорить более точно, то величина собственного капитала банка должна и может определять размеры участия данного банка в процессе денежно-кредитной эмиссии. Увязывать величину капитала банка с его надёжностью можно было только в том случае, если бы величина предоставляемых

им кредитов не превышала бы размера его собственных средств. Но в этом случае коммерческий банк перестал бы быть полноценным банком. Он был бы не в состоянии выполнять объективно возложенные на банки функции, связанные с обеспечением социально-экономического развития.

Руководство центральных банков, и в первую очередь я имею в виду Банк России, может и должно быть осуждено за то, что, во-первых, продолжает в качестве меры повышения надёжности банковской деятельности указывать на необходимость увеличения капитализации российских банков. Во-вторых, оно должно быть осуждено за явно дискриминационный подход к выбору банков, которым обеспечен доступ к механизмам, повышающим их надёжность. К таким механизмам относится, в частности, доступ к системе рефинансирования, который у нас ограничен небольшим кругом привилегированных банков, имеющим формальные и неформальные связи с правительством или Банком России. В-третьих, крайне негативным момент заключается не только в обеспечении привилегированного положения для отдельных банков, в том числе посредством оказания им финансовой помощи, но и в том, что такая помощь зачастую предоставляется в интересах собственников банка, а не их кредиторов и вкладчиков. В купе с другими используемыми Банком России методами регулирования коммерческих банков эти меры на самом деле приводят лишь к монополизации банковской деятельности, что способствует консервированию нынешней сырьевой структуры российской экономики и идёт вразрез с задачами её модернизации, а также является одним из факторов усиления инфляции.

Понимание путей повышения надёжности и социальной значимости банковской деятельности

В действительности надёжность каждого отдельного банка находится в прямой зависимости от общего уровня надёжности банковской системы в целом, а последний — от адекватных и своевременных действий центральных банков по обеспечению безопасности и надёжности денежно-кредитных отношений. К их числу относятся действия, направленные на локализацию и предотвращение цепной реакции потери денежных средств представителями реального сектора экономики, к чему до сих пор приводит неплатёжеспособность банков и финансовых институтов. Для противодействия этому требуются не разовые кредитные вливания для поддержания приближенных к государственным чиновникам

банковских структур, а обеспечение для всех коммерческих банков реальной возможности получения краткосрочных кредитов в центральном банке в случае недостатка средств на проведение расчётов и платежей своих клиентов. В интересах обеспечения безопасности системы расчётов и платежей все коммерческие банки на деле должны обладать правом на получение в Банке России однодневных кредитов. Причём эти кредиты должные им предоставляться, по сути, в автоматическом режиме. Без необходимости представления в Центральный банк обеспечения в виде государственных ценных бумаг или какой-либо иной заранее установленной ограниченной группы активов. Дело в том, что для обеспечения безопасности системы расчётов от Центрального банка требуется не столько активная, сколько пассивная роль при выполнении возложенной на него функции рефинансирования коммерческих банков. Активную роль Центральный банк должен играть при осуществлении контроля над общим качеством кредитной политики коммерческих банков и их активов. Если общее качество кредитного портфеля банков не вызывает у Центрального банка серьёзных опасений и нареканий, то не существует никаких рациональных доводов в пользу того, чтобы он ограничивал объёмы рефинансирования таким условием как наличие обеспечения в виде какой-либо конкретной группы активов. Кроме того, с точки зрения обеспечения эффективного контроля над качеством активов коммерческих банков, сам факт многократного использования каким-либо коммерческим банком однодневных кредитов Центрального банка будет указать на вероятность ухудшения его кредитного портфеля и проведение чрезмерно рискованной или необоснованной политики. Тем самым Банк России получает реальный индикатор для принятия своевременных мер, направленных на финансовое оздоровление проблемных банков в интересах обеспечения общей стабильности и эффективности банковской системы.

В этих же интересах требуется также внести принципиальные изменения в действующую систему страхования депозитов в коммерческих банках. Страхование должно распространяться не только на вклады физических лиц, но и средства на расчётных счетах юридических лиц. Важно понимать, что для предприятий и организаций средства на счетах в банках фактически являются единственной законной формой существования денег. Причём, если мы допускаем возможность того, что предприятия могут быть в случае банкротства банков лишены законного права собственности на денежные средства, то это означает, что мы проявляем безответственное отношение к условиям, необходимым для социально-

экономического развития страны. При ответственном подходе к указанной проблеме необходимо сделать так, чтобы в случае банкротства банков число лиц, которые при этом могут нести потери, было ограничено собственниками и руководителями банков. Частично, конечно, могут пострадать и те клиенты, которые рассчитывали использовать банк исключительно в качестве дополнительного средства извлечения дохода. Дело в том, что в размеры страхового возмещения нецелесообразно включать проценты, которые банк обязывался выплатить по вкладам. Между тем размеры возмещения, во-первых, должны покрывать все текущие обязательства банков перед представителями реального сектора экономики, т. е. включать все средства, находящиеся на расчётных и текущих счетах (за вычетом процентов). Во-вторых, сроки, в течение которых указанные средства должны быть возвращены их владельцам, сокращены до минимума (нескольких дней). Необходимо осознать, что основанная задача системы страхования коммерческих банков заключается в защите общего механизма денежного обеспечения и системы финансовых расчётов, поддержания социального доверия к банковской системе в целом в целях предотвращения системных рисков и глубины социально-экономических кризисов. С этой точки зрения, важно различать банкротство и ликвидацию банка как юридического лица (созданного учредителями для извлечения прибили) и необходимость сохранения банка как социально значимого института, обеспечивающего условия существования и функционирования современных денег для юридических и физических лиц. Поэтому банкротство и ликвидация банка как юридического лица должны сопровождаться мерами, гарантирующими его клиентам (предприятиям и гражданам) возможность бесперебойного использования принадлежащих им денежных средств, то есть мероприятиями, направленными на сохранение социально-экономической функции, осуществляемой банками[1].

[1] На практике этот подход может быть реализован сегодня следующим образом. Одновременно с отзывом у коммерческого банка-банкрота лицензии, Банк России не только назначает временную администрацию банка, но и выдаёт специальную лицензию для организации транзитного банка. Последний принимает на себя (от лица Банка России) исполнение текущих обязательств банка-банкрота перед предприятиями реального сектора экономики и гражданами (за минусом процентов и задолженности по полученным в банке кредитам). Одновременно Банк России приобретает права требования (в объёме взятых на себя обязательств) к банку-банкроту и в этом своём качестве участвует в процессе ликвидации указанного банка. Обязательства транзитного банка перед физическими лицами в пределах застрахованной суммы покрываются за счет средств Агентства по страхованию вкладов. Все другие обязательства, принятые на себя транзитным банком, обеспечиваются кредитами Банка России (в форме кредитной линии). Транзитный банк должен продолжать свою деятельность до тех пор, пока не будет выполнено одно из следующих условий. 1) На месте транзитного банка за счёт привлечения новых инвесторов (собственников) образуется новый полноценный банк, который возьмёт на себя выполнение обязательств транзитного банка (получив одновременно и права требования к банку-банкроту). При этом сумма задолженности транзитного банка перед Банком России (объем фактически полученных кредитов по кредитной линии) может быть переоформлена в облигации. 2) Обязательства транзитного банка и его права требований примет на себя третий (действующий) банк. 3) Все взятые

Между тем сегодня зачастую можно наблюдать прямо противоположную картину. От ликвидации банков в первую очередь страдают его кредиторы и вкладчики. Предприятия и организации вообще лишаются принадлежащих им денежных средств, а гражданам они не только возвращаются лишь частично, но со значительной временной задержкой (в несколько месяцев). В то же время тем собственникам банков, которые имеют тесные контакты с правительственными чиновниками и Банком России, фактически предоставляется возможность в полной мере сохранить, а в ряде случае и приумножить средства, которые были вложены в капитал банков. Я уже не говорю о банках, в капитале которых наблюдается участие государственных структур и Банка России. Замечу при этом, что все кредиторы и вкладчики банков с государственным участием фактически могут быть отнесены к категории держателей государственных долговых обязательств; а сами указанные банки — к инструментам расширения нерегулируемого никакими нормами законодательства размеров увеличения государственного долга.

Социальный смысл разделения функций коммерческих, инвестиционных и сберегательных банков

Ещё один важный аспект, нуждающийся в осознанном понимании, заключается в необходимости обеспечения чёткого разделения функций и условий деятельности коммерческих банков и инвестиционных банков, в применении различных методов их регулирования. Кроме того, в отельную группу целесообразно выделить и те банки, которые занимаются преимущественно предоставлением потребительских кредитов населению, а также ипотечным кредитованием. Дело в том, что коммерческие банки в виду их особой роли, связанной с формированием денежной массы, должны быть ограничены как в возможности участия как на фондовом рынке, включая предоставление кредитов инвестиционным компаниям и банкам, так и в выдаче потребительских кредитов населению. Более того, коммерческие банки должны быть ориентированы преимущественно на предоставление краткосрочных (до одного года) кредитов представителям реального сектора экономики. Эти кредиты должны быть нацелены в основном на кредитование предпринимательской деятельности, направленной на расширение и изменение структуры предоставляемых товаров и услуг. Однако

на себя транзитным банком обязательства будут погашены. Возможные убытки, связанные с образованием и функционированием транзитного банка, должны возмещаться за счёт прибыли, резервов и фондов Банка России.

для снижения риска инфляционного давления и предотвращения возможных злоупотреблений со стороны коммерческих банков, необходимо сделать так, что указанные кредиты предоставлялись только на таком этапе предпринимательской деятельности, на котором можно с достаточной точностью предсказать заинтересованность потребителей в дополнительном объёме или в новых видах создаваемых товаров или предоставляемых услугах. Только в этом случае дополнительные объёмы формируемой коммерческими банками денежной массы могут быть признаны обоснованными и не иметь негативных инфляционных последствий.

Если мы рассмотрим потребительские кредиты, то, хотя они и могут на короткое время стимулировать объем производства соответствующих товаров и услуг, но социально-экономическая обоснованность такого расширения останется под вопросом. Обоснованными можно назвать только такие кредиты, которые нацелены на то, чтобы обеспечить для получателей указанных кредитов возможность реализовать собственные способности, связанные с произведением тех или иных товаров или услуг, имеющих реального или потенциального покупателя. В отношении потребительских кредитов подобная нацеленность, как правило, далеко не столь очевидна. Я не хочу сказать, что потребительские кредиты не должны существовать как класс. Нет. Речь в данном случае идёт об обоснованности, а точнее — необоснованности расширения денежно-кредитной эмиссии в результате роста потребительских кредитов. И если мы понимаем, что основной социально-значимой функцией коммерческих банков является их участие в формировании полноценной денежной массы, то объёмы предоставляемых ими потребительских кредитов должны быть сведены к минимуму[1]. Потребительские кредиты могут предоставляться теми кредитными учреждениями, которые исключены из процесса формирования денежной массы, т. е. функция которых может состоять в мобилизации и временном перераспределении денежных средств. Для этого они не должны заниматься расчётно-кассовым обслуживанием, и на них не должно распространяться рефинан-

[1] В отношении коммерческих банков совсем не обязательно вводить полный запрет на потребительское кредитование на уровне законодательства. Указанный вид кредитной деятельности коммерческих банков можно свести к минимуму с помощью норматива достаточности капитала. Для этого все потребительские кредиты должны подпадать под категорию активов, для которых показатель рискованности может быть установлен на уровне 300–500 процентов. Это означает, что при предоставлении коммерческим банком потребительских кредитов, скажем, на 100 млн. руб., при расчёте норматива достаточности капитала они будут оцениваться как кредиты, выданные на сумму 300–500 млн. рублей. Иными словами, в случае предоставлении таких кредитов коммерческий банк значительно быстрее достиг бы разрешённого ему (по отношению к величине собственных средств) кредитного потолка и был бы вынужден размещать все дополнительно поступающие к нему кредитные ресурсы исключительно на беспроцентном корреспондентском счёте в Центральном банке.

сирование Центрального банка. Более того, в случае банкротства указанных кредитных учреждений их вкладчики и кредиторы не должны иметь права на возмещение вложенных средств в таком же объёме и порядке, который был нами рассмотрен по отношению коммерческих банков. Вместе с тем именно для этой категории банков (которые можно определить как ссудо-сберегательные) вполне применим механизм страхования вкладов физических лиц, который сегодня применяется у нас в отношении коммерческих банков.

Ещё более жёсткие ограничители должны быть установлены в отношении долгосрочных кредитных вложений, а также операций коммерческих банков на рынке ценных бумаг, включая кредиты инвестиционным компаниям, инвестиционным фондам и банкам, а также любым лицам, занимающимися операциями по купле-продаже ценных бумаг. Возможности использования ресурсов коммерческих банков для стимулирования фондового рынка должны быть сведены практически на нет. Опять же речь идёт о свёртывании участия коммерческих банков на фондовом рынке и в обеспечении инвестиционной деятельности, а не о свёртывании указанной деятельности как таковой.

Рациональное понимание социального значения финансовых рынков

Сегодня в суждениях различных экономистов, особенно под впечатлением мирового экономического кризиса, наблюдаются две попеременно чередующихся версии относительно значения и роли фондовой биржи и финансового рынка в целом. Согласно одной версии, фондовый рынок превозносится как основной инструмент, обеспечивающий процесс экономического развития, а показатели его функционирования, включая данные о стоимости обращающихся финансовых активов и размерах капитализации тех или иных компаний, рассматриваются как наиболее объективные и адекватные характеристики экономического положения и деятельности акционерных компаний и банков. Другая версия, напротив, исключительно критически оценивает финансовый рынок, рассматривая его как виртуальную торговлю «воздушными» финансовыми активами, как финансовое казино, участники которого далеко оторвались от проблем и интересов реальной экономики, потребностей производителей и потребителей товаров и услуг. Между тем, сторонники каждой из этих версий, выдвигая свои аргументы, зачастую просто забывают о причинах возникновения

и базовых условиях, необходимых для функционирования финансового рынка и фондовой биржи. Если разобраться в этих вопросах, то не возникнет оснований ни для чрезмерных (и, как правило, неоправданных) надежд и ожиданий, ни для огульной критики и отрицания необходимости существования финансового рынка и биржевой торговли как таковых.

Для начала необходимо вспомнить базовый социально-экономический смысл и роль фондовой биржи в экономическом развитии. Если говорить в положительном контексте, то эта роль по своей сути определяется тем значением, которое имеют все финансовые рынки с точки зрения поддержания и развития различных форм кредитных отношений. В данном случае речь идёт о таких кредитных отношениях, которые обеспечивают предпринимателей инвестиционными ресурсами. Компании, размещающие свои акции или облигации на фондовой бирже, получают средства, которые они могут использовать для расширения, реструктуризации или перепрофилированию своей производственной или иной предпринимательской деятельности[1]. Этим и определяется главное социально-экономической значения фондовой биржи и финансовых рынков — обеспечить компаниям возможность получения на длительный срок денежных средств на инвестиционную деятельность. С точки зрения перспектив социально-экономического развития само наличие указанной возможности дорогого стоит. Но как и почему данная возможность появилась? Это произошло исключительно благодаря тому, что большинство инвесторов, хотя передают конкретной компании свои средства на длительный срок или в бессрочное пользование, благодаря появлению финансовых рынков получили возможность в любой момент продать свои акции или облигации какому-то другому инвестору. Акционеры, конечно, могут быть заинтересованы перспективами получения дохода от реализации инвестиционных проектов в долгосрочной перспективе. Однако основная масса потенциальных покупателей акций не обладает средствами, которые они готовы предоставить на длительный срок и нуждаются в определённой гарантии возврата денежных средств на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. Иными словами, они нужда-

[1] Получив денежные средства взамен собственных акций или облигаций, предприятия могут не беспокоиться относительно необходимости возврата указанных средств до окончания реализации инвестиционных проектов и получения прибыли. Я не акцентирую сейчас различия между акциями и облигациями с точки зрения тех прав, которые они предоставляют их владельцам по участию в управлении компаний. Для большинства лиц, приобретающих акции и облигации на фондовых рынках (всех таких лиц можно подвести под общую категорию инвесторов), эти ценные бумаги отличаются лишь условиями возврата вложенных средств и получения вознаграждения. Не случайно значительную часть ценных бумаг сегодня можно отнести к категории гибридных, т. е. таких, которые имеют характеристики и акций, и облигаций.

ются в определённом страховом механизме, который, по меньшей мере, позволил бы им относительно быстро и без больших потерь вновь обменять купленные акции на денежные средства. Без наличия такого механизма из общего числа потенциальных покупателей акций или облигаций большинство не стало бы рисковать своими средствами, а акционерные компании лишились бы одного из основных источников привлечения необходимого капитала. Инвесторы приобретают акции или облигации, поскольку знают о наличии механизма трансформации долгосрочных или бессрочных кредитных вложений в краткосрочные, который им предоставляет функционирования фондового и иных финансовых рынков.

Но здесь опять же возникает вопрос о том, благодаря чему и как этот механизм может работать? Для того чтобы этот механизм заработал необходимо наличие так называемых «market-makers», или дилеров, т. е. таких профессиональных участников финансовых рынков, которые готовы в любой момент приобрести у каждого отдельного инвестора за свой счёт принадлежащие ему ценные бумаги, не дожидаясь появления какого-то нового или другого инвестора, который захочет их купить. Аналогичным образом, эти профессиональные участники должны быть готовы продать котируемые на рынке ценные бумаги любому потенциальному покупателю, независимо от наличия в данный момент какого-либо иного инвестора, решившего избавиться от этих ценных бумаг. Понятно, что такие профессиональные участники финансовых рынков с самого начала вынуждены были брать на себя достаточно высокие риски. Ведь заранее предугадать, когда появится спрос со стороны новых желающих попробовать себя в качестве инвесторов и величину указанного спроса, никогда не было просто. Держать же в своём портфеле наготове большой объем ценных бумаг и одновременно — свободных денежных средств — всегда было накладно. Поэтому, вполне естественно, что указанные профессиональные участники рынка ценных бумаг были изначально заинтересованы в поиске механизмов сокращения накладных расходов и уменьшения своих рисков.

Не рассматривая подробно различные разработанные в указанных целях механизмы биржевой торговли, подчеркнём одно важное обстоятельство, которое, почему то, часто выпадает из внимания даже у аналитиков финансовых рынков. Это обстоятельство заключается в том, что главным условием снижения вышеуказанных рисков является привлечение к участию на фондовом рынке в качестве покупателей и продавцом как можно большего числа лиц. А если говорить прямо — привлечение как можно большего

числа непрофессиональных спекулянтов, на которых можно легко переложить часть рисков. Привлечь же их можно только одним способом — продемонстрировав возможности получения высоких прибылей от операций, связанных с перепродажей ценных бумаг. Демонстрация же эта всего производилась одним способом — искусственным манипулированием (особенно на первоначальном этапе) курсами ценных бумаг. Иными словами, такая демонстрация всегда происходила и происходит с помощью всем известного механизма создания финансовых пирамид. В то же время, для того, чтобы этот механизм начал работать, в качестве одного из условий требуется, хотя бы на первом этапе, наличие у данных профессиональных участников рынка ценных бумаг широкого доступа к кредитным ресурсам. И, кроме того, появление организованной группы формально самостоятельных, но фактически — взаимозависимых участников биржевой торговли, перепродающих друг другу одни и те же ценные бумаги по более высокой цене (курсу). Тем самым создаётся видимость лёгкого и быстрого средства обогащения за счёт купли-продажи ценных бумаг, что, естественно, привлекает к себе внимание значительного числа спекулянтов и мелких инвесторов. Прежде всего, конечно, таким образом раскручиваются ценные бумаги ещё недостаточно известных эмитентов. Однако в той или иной степени элементы конструкции финансовых пирамид заложены под все обращающиеся на рынке ценные бумаги. Об этом ярко свидетельствует вся история биржевой и внебиржевой торговли в различных странах мира[1].

Понятно, что любые финансовые пирамиды не могут существовать вечно. Оно изначально предназначены для последующего крушения. Временные рамки от создания до крушения финансовых пирамид определяется в основном тем числом потенциальных участников, которые могут быть дополнительно привлечены к их «строительству». Когда дополнительный приток новых участников, а, следовательно, и денежных средств, которые могут быть направлены на искусственный рост курса ценных бумаг, иссякает, начинается подготовка к крушению финансовых пирамид. При этом сначала появляются профессиональные участники рын-

[1] В историческом разрезе наиболее показательным примером строительства финансовых пирамид для биржевой торговли и манипулирования курсами различных ценных бумаг может служить деятельность транснационального банкирского дома Ротшильдов, благодаря которому, кстати, государственные облигации отдельных стран впервые вышли стали обращаться за пределами своих национальных границ. Успех Ротшильдов во многом был обусловлен покровительством, которое оказывали ему влиятельные политические силы ряда европейских стран, и прежде всего Великобритании, включая негласную поддержку британских спецслужб и практически неограниченный доступ к кредитным ресурсам Банка Англии. Для современной России не менее наглядным примером формирования с помощью государственной власти и связанных с ней банков финансовых пирамид может служить характер и способ раскрутки рынка ГКО.

ка, из числа, как правило, не самых больших, но уже зарекомендовавших себя в роли активных дилеров, или «market-makers», которым перестаёт оказываться со стороны крупных банков и/или квази-государственных финансовых институтов кредитная поддержка, на которую они уже привыкли рассчитывать. Это приводит к тому, что данные профессиональные участники оказываются не в состоянии поддерживать рынок и курс соответствующих ценных бумаг. Цена последних, естественно, начинает резко снижаться, среди их держателей наступает паника, которая заканчивается очередным биржевым крахом (и очередным скандалом, связанным с обвинением того или иного профессионального участника рынка в строительстве финансовой пирамиды и его тюремном заключении). В то же время негативная общественная реакция в отношении строителей финансовых пирамид в основном обусловлена тем обстоятельством, что последние, или «крайние» держатели ценных бумаг своими потерями оплачивают высокие доходы, которые получали их предшествующие владельцы. Этот факт, безусловно, нельзя признать справедливым. Но с ним ещё можно было как-то мириться, если бы потери возникали только у тех участников рынка ценных бумаг, которые сознательно шли на указанный риск в виду спекулятивного расчёта получить высокий доход. Однако проблема в том, что потери несут не только сами биржевые спекулянты. Главные негативные социально-экономические последствия биржевого краха происходят тогда, когда в числе этих «последних» прямо или косвенно (т. е. через кредитование неудачливых участников биржевой торговли) оказываются коммерческие банки. Если потери банков приводят к их неплатёжеспособности, которая по цепочке распространяются на ничего не подозревающих клиентов, вызывает лавинообразный разрыв устоявшихся экономических связей, утрату доверия между различными экономическими субъектами и общее свёртывание кредитных отношений, то уничтожаются базовые условия, необходимые для поддержания и развития экономической деятельности. При этом перестаёт работать и основная социально-экономическая функция биржевой торговли.

Не следует, однако, ограничиваться осуждением строителей и разрушителей финансовых пирамид, а также биржевых спекулянтов. Вопрос на самом деле более серьёзный. Он заключается в том, что, с одной стороны, без наличия биржевых спекулянтов и создателей финансовых пирамид фондовый и внебиржевой рынки не могут выполнять свою социально-значимую функцию, обеспечивающую предпринимателей необходимыми ресурсами

для проведения инвестиционной деятельности. Поэтому если поставить в качестве цели полное устранение условий для появления финансовых пирамид, то её реализация приведёт к невозможности выполнению финансовыми рынками своей социально-экономической функции. С другой стороны, при отсутствии экономических ограничителей, позволяющих сдерживать масштабы строительства финансовых пирамид в определённых пределах, это не только выливается в невозможность исполнения финансовыми рынками своей основной социально-значимой задачи (обеспечение формирования и расширения масштабов инвестиционной деятельности), но и оказывает пагубное воздействие условия социально-экономического развития в целом.

В качестве такого экономического ограничителя, который бы позволил предотвращать разрастание финансовых пирамид и их превращение в раковую опухоль финансовых рынков, и призваны служить меры по как можно большему отдалению от них коммерческих банков[1].

Необходимо также обратить внимание на крайне негативную практику (хотя она получила сегодня широкое распространение и поддержку со стороны государственных институтов) рассматривать показатели рыночной капитализации компаний в качестве важнейшего индикатора, характеризующего уровень эффективности их предпринимательской деятельности. Бесспорно, результаты финансовой деятельности различных компаний оказывают влияние на изменение рыночного курса их акций и долговых обязательств. Однако это лишь один из многочисленных факторов (и, как правило, не самый значительный), определяющих динамику курса ценных бумаг. При одних и тех же результатах предпринимательской деятельности тех или иных компаний биржевой курс их ценных бумаг может существенно отклоняться как в ту, так и иную сторону. Более того, не только ухудшение реальных показателей финансовой деятельности компаний влияет на понижение курса их ценных бумаг, но и отрицательная динамика курса данных ценных бумаг может спровоцировать ухудшение результатов их предпринимательской деятельности. В частности, это обстоятельство может вызвать появление неоправданных ограничений

[1] Как и в случае с потребительскими кредитами, это возможно достигнуть даже без обязательного введения ограничений на законодательном уровне. Может оказаться вполне достаточным внедрение жёстких ограничителей в устанавливаемый для коммерческих банков норматив достаточности капитала. Я имею в виду установление для активов коммерческих банков, вложенных в различные виды акций и облигаций, а также в кредиты профессиональным и иным участникам рынка ценных бумаг, показателя рискованности на уровне, превышающем 500–600 процентов. Однако важно подчеркнуть одно обстоятельство. Указанный показатель рискованности активов не должен зависеть или быть привязан к каким-либо рейтингам ценных бумаг и долговых обязательств, публикуемых тем или иным рейтинговым агентством.

на возможности привлечения ими дополнительных кредитных ресурсов, что, в свою очередь, может серьёзно затормозить успешную реализацию инвестиционных проектов. Вообще, сам факт рассмотрения данных об уровне рыночной капитализации компаний в качестве показателя эффективности их деятельности неизбежно стимулирует руководителей данных компаний участвовать в манипулировании рыночного курса этих ценных бумаг. В результате, средства, которые должны были бы направляться на осуществление инвестиционных проектов, на деле могут переориентироваться на финансирование спекулятивных операций на бирже.

Оценка деятельности рейтинговых агентств, включая агентства, пользующихся всемирным признанием, также является далеко неоднозначной. Рейтинговые агентства, бесспорно, способствуют большей информированности инвесторов относительно результатов и перспектив деятельности тех или иных компаний, а, следовательно, и о рисках, связанных с вложением средств в эмитированные ими ценные бумаги. Вместе с тем, когда такие рейтинги включается центральными банками и органами государственного регулирования финансовых рынков в обязательные нормативы, регламентирующие деятельность банков и различных инвестиционных фондов, то тем самым рейтинговым агентствам фактически придаются права органов государственной власти при отсутствии какой-либо соответствующей данным правам ответственности. В результате, во-первых, у рейтинговых агентств существенно расширяются возможности для злоупотребления полученными правами. Дело в том, что публикуемые ими рейтинги могут не только и даже не столько отражать, сколько влиять на результаты деятельности тех или иных компаний. Этот факт нашёл своё подтверждение во время последнего мирового кризиса. Во-вторых, когда, скажем, центральные банки при определении нормативов достаточности капитала коммерческих банков устанавливают показатель рискованности активов в зависимости от наличия или отсутствия соответствующего рейтинга, то тем самым они оказывают существенное воздействие на направления кредитной деятельности банков. Это обстоятельство приводит к негативным социально-экономическим последствиям. В частности, поскольку рейтинги распространяются лишь на долговые обязательства крупных компаний, то их использование в обязательных нормативах банковской деятельности на деле ограничивает доступ малого и среднего бизнеса к кредитным ресурсам. Ещё более негативное воздействие на условия деятельности коммерческих банков центральные банки оказывают в том случае, когда только активы, об-

ладающие соответствующим рейтингом, предоставляют банкам право на рефинансирование.

В данном случае в качестве примера может служить деятельность Банка России, который уже долгие годы занимается рефинансированием только крайне узкого круга «приближенных» коммерческих банков. При этом условия рефинансирования не стимулируют российские банки осуществлять кредитование тех предприятий, деятельность которых способна изменить экспортно-сырьевую структуру нашей экономики. Национально ориентированной и экономически обоснованной политика Банка России окажется только в том случае, если она действительно будет нацелена на развитие и поддержание внутри страны полноценных кредитных отношений, которые определяют состояние и перспективы социально-экономического развития государства.

В заключении нельзя не отметить, что в среде научного сообщества при рассмотрении вопросов денежной политики, к сожалению, до сих пор ощущается недостаток их глубокой и всесторонней проработки, что не способствует распространению в обществе рационального понимания изъянов и злоупотреблений в деятельности монетарных властей. Прослеживается инерция мышления, поддерживаемая сложившимся административным разделением академической науки, низким уровнем интеграции политологов, социологов, экономистов, юристов и других представителей гуманитарных дисциплин. Несмотря на то, что проблему скорейшего изменения механизма денежной эмиссии и методов регулирования деятельности коммерческих банков с полным основанием можно отнести к основному уроку, который был преподнесён мировым экономическим кризисом, не ощущается должного понимания и осознания необходимости скорейшего критического пересмотра и кардинального изменения всей законодательной и нормативно-правовой базы Банка России.

Юревич А.В.

НА ПУТЯХ ПОИСКА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА

ON THE WAYS OF SEARCH FOR RUSSIAN NATIONAL IDEA: VIEW OF PSYCHOLOGISTS

Юревич Андрей Владиславович — член-корреспондент РАН, заместитель директора ФГБУН Института психологии РАН, доктор психологических наук
Yurevich Andrei Vladislavovich — associated member of RAS, deputy director of the Institute of psychology of the RAS, doctor of psychology

Аннотация: В статье дается анализ текстов — как хорошо известных в истории отечественной социогумунитарной мысли, так и современных, посвященных поиску российской национальной идеи. Рассматриваются функции национальной идеи, в том числе функции психологические, такие как смысложизненная, идентификационная, консолидирующая, программная, конструкционистская, компенсаторная. Подчеркивается, что национальная идея задает коллективный смысл существования нации, проецирующийся и на уровень индивидуальных смыслов. Характеризуется состояние национальной идеи в современной России. Очерчиваются контуры оптимального для нее варианта такой идеи.
Abstract: The article deals with the analysis of texts which are well known in the history of Russian humanitarian thought as well as modern ones, devoted to the search for Russian national idea. The functions of national idea including the psychological ones referring to the sense of life, creation, identification, consolidation, construction, compensation are under analysis. It is underlined that the national idea creates the collective sense of the nation's existence, which makes projection at the level of individual senses. The state of national idea in modern Russia is described.

Ключевые слова: национальная идея, функции, коллективные и индивидуальные смыслы, полиаспектность, прерывистость, Россия, Запад, современные варианты
Key words: national idea, functions, collective and individual senses, multidimensionality, discontinuity, Russia, West, anti-Western trends, modern variants

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 14-18-0327

Функции национальной идеи

В многотомнике «Национальная идея России» эта идея определяется как «устойчивое представление индивида об основопо-

лагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания» [10, с. 13]. Отмечается, что «Национальная идея ..., апеллирующая к стране как к живому организму, сродни инстинкту самосохранения» [Там же, с. 32], «национальная идея страны нужна не только каждому, это своеобразный смысл жизни страны в целом, ответ на вопросы, что она есть, куда и зачем идет (развивается), что для нее ценно и непродаваемо, почему ее должны в мире уважать» [Там же, с. 33].

Такая характеристика российской национальной идеи, как *полиаспектность*, проявляется и в других ее определениях. Например, «Национальная идея, существуя для индивида, одновременно является ценностно-мотивационным представлением в рамках и масштабах всего общественного сознания, которое закрепляется и проявляется в государственных актах и атрибутике, произведениях литературы и искусства, актуальных научных задачах, образовательных стандартах и учебниках, деятельности СМИ, пропаганде и воспитании, уличной рекламе и в иных материальных воплощениях» [10, с. 15]. Т. е. в социальном плане проявления национальной идеи охватывают практически *все стороны общественной жизни*. «Национальная идея — это среда (сродни воздуху) в которой живет, развивается и действует каждый гражданин, общество в целом, элита и чиновники, политические деятели и руководители. Без нее, как без воздуха, возможны только неуспех, угасание и в пределе — гибель страны» [Там же, с. 15].

Отмечается и то, что национальная идея имеет одновременно *общесоциальный, государственный, и индивидуальный смысл*. «Она должна быть в ряду высших ценностей Российского государства, в ряду его высшей государственной атрибутики» [10, с. 20]. Вместе с тем «национальная идея страны это коренная идея сознания каждого человека, во всей его жизни — от младенчества до физической смерти» [Там же, с. 25].

Акцентируется *универсальный характер* национальной идеи для различных государств: «во всех состоявшихся государствах она существует, и по структуре, функциям и назначению они — национальные идеи — схожи. Специфика же связана с идентичностью страны» [10, с. 17], «сотни стран имеют свои «формулы жизни»» [Там же, с. 36). Приводится и обстоятельный перечень «формул национальной идеи» разных стран мира [Там же, с. 36].

Подобные обстоятельства определяют один из контраргументов позиции некоторых наших современных либералов, утверждающих, что национальная идея «не нужна», является специфи-

ческим заблуждением российского ума, уникальным порождением нашей нелегкой жизни и, якобы, отсутствует у «благополучных» народов. Авторы многотомника «Национальная идея России» подчеркивают, что «Вопрос о национальной идее России имеет длительную историю. Он столь же важен для страны, как вопрос о смысле жизни для каждого человека. Без ответа на него цели, ценности, жизненная энергия, успех становятся малоосязаемыми и труднодостижимыми» [10, с. 3].

П.Я. Чаадаев подчеркивал, что «История всякого народа представляет собою не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей» [16, с. 41]. Вл. С. Соловьев понимал русскую национальную идею как «вопрос о *смысле существования России* во всемирной истории» [Там же, с. 186], подчеркивая, что «Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, — вот ее истинная национальная идея» [Там же, с. 187], «Участвовать в жизни Вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих, вот в чем, следовательно, единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа» [Там же, с. 192]. Вл. С. Соловьев отмечал при этом, что «народ может при случае не понять своего призвания» [Там же, с. 189]. По его мнению, «Восстановить на земле ... верный образ божественной троицы — вот в чем русская идея» [Там же, с. 294]. Вяч. Иванов писал: «И кажется, что, как встарь, так и ныне, становясь лицом к лицу, на каждом повороте наших исторических путей, с нашими исконными и как бы принципиально русскими вопросами о личности и обществе, о культуре и стихии, об интеллигенции и народе, мы решаем последовательно единый вопрос — о нашем национальном самоопределении, в муках рождаем окончательную форму нашей всенародной души, русскую идею» [16, с. 228]. Он также называет национальной идеей «строй и синтез отличительных признаков нашего национального самосознания» [Там же, с. 232], отмечая, что «В ней раскрывается глубочайший смысл нашего стремления к всенародности, нашей энергии совлечения, нашей жажды нисхождения и служения» [Там же, с. 237].

Наиболее деструктивные периоды в жизни страны — упадок, смута и т.п. — были сопряжены с утратой национальной идеи, что, к сожалению, остается пока характерным и для современной России, и «поэтому возвращение *идеи* в жизнь страны сверхактуально» [10, с. 12]. Делается и вывод о том, что «если в текущий момент население России вымирает, то это как раз совпадает с сегодняш-

ним российским безвременьем, бездумьем, отсутствием смысла существования как у страны, так и у большинства ее граждан» [Там же, с. 12]. Естественно, связь между коллективными и индивидуальными смыслами жизни отнюдь не линейная, люди могут видеть в своей индивидуальной жизни смысл, создаваемый, например, заботой о своей семье и близких, карьерой, зарабатыванием денег и т. п. Однако коллективные, в первую очередь общенациональные, смыслы служат одним из главных источников индивидуальных смыслов [5; 22], и в отсутствие внятных коллективных смыслов, количество граждан, не видящих смысла и в своей личной жизни, а, значит, и количество производных от его утраты суицидов, неврозов, более серьезных психических расстройств и т. д., резко возрастает [9; 19].

Авторы многотомника «Национальная идея России» пишут, что «Национальная идея обращена вовнутрь страны, она вопрошает и отвечает на вопросы: «Кто мы такие? Зачем мы и почему? В чем наша идентичность и смыслы? Как именно нам жить, чтобы *жить*?» [10, с. 16]. Не возражая против подобного очерчивания национальной идеи, следует в то же время отметить, что в посвященной ей литературе преимущественно анализируются 6 блоков вопросов:

— каковы мы, в чем ключевые особенности нашего национального менталитета;

— как, под влиянием каких факторов эти особенности исторически сформировались;

— чем мы отличаемся от других народов, в первую очередь европейских;

— какими нам надлежит быть и в каком направлении самосовершенствоваться;

— как нам благоустроить нашу общественную жизнь и наше государство, в каком направлении следует развиваться и к каким социальным идеалам стремиться;

— какова роль (миссия) России в мировой истории и современном мире.

Соответственно наша национальная идея не только обращена *внутрь* страны, но и развивается в постоянном соотнесении нас с другими народами, предполагающем внешние ориентиры сравнения. Подчеркнем в данной связи и *разносторонность* нашей национальной идеи, охват ею широкого круга вопросов, поддающихся, впрочем, упорядочиванию и систематизации.

Отметим и то, что из-за этой разносторонности, охвата национальной идеей России очень широкого круга проблем она носит

достаточно *аморфный* характер, фактически невозможно свести ее к какой-либо простой формуле и однозначной формулировке.

Авторы упомянутого многотомника выделяют и основные *функции* (или миссии) национальной идеи России.

В плане «индивидуальных жизней и потребностей» они относят к числу таких функций:

— мотивационную;

— психологически мобилизующую;

— национально консолидирующую, интегрирующую, объединяющую;

— социально-поведенчески ориентирующую;

— ценностно задающую;

— патриотически формирующую.

Вновь не подвергая сомнению подобное группирование, отметим, что среди основных психологических или, по крайней мере, имеющих выраженное психологическое содержание, функций национальной идеи, наряду с обозначенными, отчетливо выступают:

— смысложизненная;

— идентификационная;

— консолидирующая;

— программная;

— конструкционистская (состоящая в формировании образов будущего и др.);

— компенсаторная (заключающаяся в психологическом облегчении тягот повседневной жизни: все — ради светлого будущего и т. п.).

В результате тезис о многокомпонентности российской национальной идеи можно дополнить тезисом о ее *многофункциональности*, выполнении ею целого ряда важнейших, в т. ч. п*сихологических,* функций.

Поиск российской национальной идеи

Авторы многотомника «Национальная идея России» отмечают, что «В русской философии вообще весьма трудно найти какого-либо крупного мыслителя, который не выступал бы с подобным вопросом и проектом, — от Чаадаева до Солженицына» [10, с. 39], «Именно в рамках историософии ставится триединая задача — сущностного определения прошлого, настоящего и будущего России в их связи. А именно это, в соответствии с предлагаемым определением, и составляет содержание понятия «национальная идея» [Там же, с. 39].

Для русского самосознания еще со времен средневековья был характерен религиозный (христианский) мессианизм, истоки которого объясняются «особой сопротивляемостью» Древней Руси азиатской Степи — длительным агрессивным воздействиям на нее со стороны кочевых племен Востока. В результате «Самой своей исторической судьбой, географическим положением — между европейским Западом и азиатским Востоком — Русь была как бы обречена на мессианскую роль защитницы Европы» [10, с. 6].

Принято считать, что философское обоснование нашей национальной идеи восходит к Вл. Соловьеву, который в 1888 г. в Париже прочитал доклад под названием «Русская идея». Ее сущность в представлении Вл. Соловьева совпадает с христианским преображением жизни на основе истины, добра и красоты. Исследователи творчества этого ученого отмечают, что концепция русской идеи была органически связана со всем строем его личности и отражала не только его мысли и «философский темперамент», но и особенности его психологического склада, личные приверженности, вкусы, идеалы [16], а биографы особо отмечают такие привлекательные черты его характера, как великодушие, веселость, терпимость, деликатность [Там же].

Соловьевскую линию истолкования русской идеи продолжили представители русского культурного ренессанса начала XX века — В. Розанов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, Е. Трубецкой, Л. Карсавин, В. Эрн и другие. Как и Вл. Соловьеву, им были свойственны приверженность высокой духовности, состраданию и милосердию [16].

В контексте программ и проектов, которые относимы к развитию русской идеи, отчетливо проступают программы и проекты *воз*рождения России, а это слово часто упоминается в соответствующих работах. Данное обстоятельство выражает тот факт, что, по мнению развивавших русскую идею, *нормальное развитие России систематически прерывалось*, она регулярно оказывалась в состоянии глубокого кризиса, для преодоления которого было необходимым ее возрождение. Соответственно *прерывистость* развития России глубоко запечатлено в развитии нашей национальной идеи. При этом акцент всегда делался на том, что Россию нельзя возродить только «внешними» — экономическими и политическими — средствами, необходимо и ее «внутреннее» — духовно-нравственное — возрождение [сь.: 11; 12; 13; и др.]. Так, составители сборника «Русская идея» в начале 1990-х гг. задавались вопросом: «Дорастет ли общество до понимания того, что материальный прогресс, взятый сам по себе, в отдельности, состояться

не может, ибо он не мыслим без прогресса культурно-национального, без свободного развития человека, являющегося подлинной целью социального развития» [16, с. 17].

Достаточна очевидна *высокая критичность* разработчиков русской идеи к духовному и социальному состоянию России, акцентируемая ими острая необходимость перемен, выражающая направленность этой идеи на *изменение* сложившейся ситуации. Так, Л.П. Карсавин писал: «На первый взгляд кажется странным, но если поразмыслить, то естественным — исконная, органическая пассивность стоит в связи с устремленностью к абсолютному, которое как-то отчетливее воспринимается сквозь дымку дремы, окутывающей конкретную действительность» [16, с. 320]. Подвергал он и критике «закоснелость православной культуры» [Там же, с. 320], а также «пресловутую русскую лень» [Там же, с. 320]. Е.Н. Трубецкой отмечал, что нам ближе всего «христианство Обломова» [16, с. 248]. А В.Г. Белинский считал, что «нападки (даже преувеличенные) на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм» [Там же, с. 80].

Можно выстроить *геополитическую логику* детерминации национальной идеи, ее воплощения в нашем национальном характере, внешней политике России и ее социальной жизни. Долгое время ведущей геополитической идеей России было расширение границ ради «отодвигания» агрессивных соседей, выхода к морям и т. п. [6]. Это привело к покорению огромной территории, запечатлевшейся, интериоризованной в нашем национальном характере. Огромную территорию труднее возделывать, к тому же, при наличии громадных пространств, можно, использовав одни земли, переходить к эксплуатации других, не особо заботясь о состоянии прежних. Невозделанность земель, интериоризуясь, создает «невозделанность» внутреннего мира, которая, в свою очередь, проецируется на социальное устройство и экстериоризуется в нем, определяя склонность к революциям и т. п., являющиеся *ментальными аналогами* перехода на новые земли без должного возделывания земель уже освоенных.

Трудно не уловить *непоследовательность, прерывистость* русской идеи, выразившиеся, например, в переходе от девизов «Москва — третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность» к девизу «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» и далее к лозунгу «Коммунизм — светлое будущее всего человечества», в чем проявилась неустойчивость российского национального характера, зафиксированная и разрабатывавшими эту идею, и современными исследованиями [17; и др.]. Успели побывать нашей националь-

ной идеей и развитый (или развитой) социализм, и коммунизм, и социализм с «человеческим лицом», и космизм (в смысле всеобщей устремленности в космос, выражавшейся, например, в том, что самым популярным литературным жанром в позднесоветские годы была космическая фантастика), и многое другое. А главная задача посткоммунистической России многим видится в *модернизации* нашего общества [2; и др.].

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что и в западных, а также в восточных культурах регулярно менялись «общественные парадигмы» («новый курс» Ф. Рузвельта, культурная революция в Китае и т. п.), «политические парадигмы» и др. Ряд авторов считают, что на пороге очередной смены таких «парадигм» стоит и современное человечество [2]. А в мировом социальном развитии, которое никогда не было прямолинейным и поступательным, выделяются *четыре тенденции*: вера в светлое будущее, попытки возврата к прошлому, уход от реальной действительности, спасение через духовный мир [См.: 3].

Резким изменениям подвергалась и основная линия преобразований, предлагавшаяся стремившимися «сделать Россию лучше». Одним она виделась в том, чтобы *усовершенствовать природу русского человека*, а ее посредством улучшить и ситуацию в нашем обществе. Это соответствует основной логике «улучшения» человека и общества, характерной для психологической науки. «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», — писал А. Маслоу (Цит. по: 21, с. 521]. Аналогичные идеи высказывались З. Фрейдом, Э. Фроммом и другими классиками психологии. Другим, в особенности отечественным марксистам, основная линия преобразований представлялась обратной — *улучшение общественных отношений*, устранение воплощенной в них острой социальной несправедливости, а улучшение человеческой природы — как «сама собой» наступающая в результате установления «правильных» социальных отношений.

В общественном сознании одновременно присутствуют полярно противоположные и несовместимые идеи, между которыми отсутствует единое смысловое поле [4; 18; 19; и др.]. Возникают и такие кентаврообразные образования, как «С Богом и царем к победе коммунизма и демократии» [11]. Ж.Т. Тощенко задается вопросом: «а не является ли нынешняя антиномичность общественного сознания предвестником возможных социальных потрясений?» [20, с. 48].

Констатируется *нерешенность, открытость ключевых вопросов, входящих в область национальной идеи России*, в частно-

сти, вопроса о ее цивилизационной идентичности: «основной вопрос о цивилизационной идентичности России до сих пор не решен. То ли она принадлежит Западу. То ли в ней есть восточные признаки. То ли это некий евразийский синтез. То ли Россия вообще не обладает цивилизационной идентичностью. Главное, что не был предложен и не найден объективный научно самостоятельный способ доказательства утверждаемой позиции» [10, с. 41]. Отмечается и то обстоятельство, что «Российская Федерация представляет собой одно из редких исключений, как государство, не обладающее в современности девизом (формулой) национального существования. Если же говорить о больших, сопоставимых странах современности, то Россия — абсолютная аномалия» [Там же, с. 37]. При этом очевиден контраст и с Российской империей, национальным девизом которой было: «Православие. Самодержавие, Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество», и с девизами СССР: «Пролетарии всех стран соединяйтесь! Вперед, к победе коммунизма!» [Там же]. Отметим, в данной связи, что наличие четких национальных девизов не уберегло оба эти государства от распада, как и то, что на определенных этапах их существования подобные девизы сыграли важную консолидирующую роль. Трудно не согласиться и с тем, что четко очерченная цель в развитии нашего общества и его сфер, социальных институтов, организаций и процессов отсутствует [20], как и с тем, что отсутствие ясной перспективы, уверенности в будущем не может не сказываться на настроениях граждан и деловом климате в нашей стране [1].

Акцентируется также *общемировой характер потребности в новой модели общественного развития*. О. Богомолов пишет: «К сожалению, развитие в мировом сообществе научной и политической мысли, как и общественного сознания, явно не поспевает в осмыслении сути и особенностей происходящих перемен. Господствующая в мире идеология, политическая практика и мораль дискредитируют себя. Тем острее ощущается потребность в нахождении новых моделей государственного и экономического устройства, а также глобального миропорядка, которые были бы адекватны вызовам происходящего «макросдвига» [1, с. 33]. По его мнению, о назревающей революции в умах свидетельствует и доклад ЮНКТАД, в котором констатируется, что «Рыночный фундаментализм laissez-faire последних 20 лет драматически провалил экзамен» [Цит. по: 1, с. 36].

Тревожность в отношении мировой ситуации в целом свойственна и нашим согражданам. В 2014 году 54% россиян считали,

что нынешняя ситуация в мире неспокойная, нестабильная, 18% характеризовали ее как кризисную, а, по мнению каждого десятого, мир вообще находился на пороге катастрофы [14].

Возможно, наступил «конец эпохи деидеологизации» [18]. Б. Славин пишет: «Негативное восприятие реформ населением было во многом связано и с сознательным дистанцированием радикальных реформаторов от какой-либо ясной идеологии их осуществления ... они не смогли предъявить обществу собственную сбалансированную систему взглядов, ценностей и идеалов, ради которых следует проводить реформы. Понадобилось несколько лет неолиберальной политики с очевидно провальными результатами, чтобы ее идеологи вдруг заговорили о необходимости выработки национальной идеи» [Там же, с. 113]. В результате «Проблемы, связанные с самоопределением России в мире, под которым понимается *выбор обществом стратегии* внутреннего и внешнего развития, становятся как никогда актуальны» [14, с. 261].

Интерес к национальной идее России *обострялся во время социальных кризисов, когда рушились устоявшиеся основы ее развития*. Так, составители сборника «Русская идея» в начале 1990-х гг., констатировав глубокий кризис в развитии народного самосознания, писали: «не случайно, вероятно, то, что в наши дни так остро развернулись дискуссии вокруг русской идеи, ставящие проблемы бытия нации, ее духа и судьбы» [16, с. 6].

Поиск национальной идеи в современной России

Б. Славин пишет: «Конкретная ценностная структура, которая могла бы составить костяк новой идеологии, должна, прежде всего, включать такие понятия, как *права человека, справедливость, свобода, солидарность, демократия, патриотизм*. Они коррелируются с социальным идеалом, который можно выразить краткой, но емкой формулой: *свободный человек в справедливом и демократическом обществе*» [18, с. 122]. Он акцентирует и необходимость *преемственности* в поиске национальной идеи России, в частности, то, что проект будущего российского общества должен стать своеобразным продолжением уже осуществлявшихся в нашей стране проектов «социализма» и «капитализма» [Там же]. А социологи, анализирующие результаты опросов населения, считают, что у современных россиян есть некий идеальный образ справедливо организованного общества, которое должно вбирать в себя все лучшее из социализма и капитализма, но при этом быть лишенным их основных пороков [Там же].

Социологические исследования демонстрируют также, что в последние годы у значительной части россиян, наряду с их ухудшающимся отношением к Западным странам, особенно к США, появились сильные сомнения в самом факте цивилизационной принадлежности России к Европе. Доля россиян, считающих, что прошлое и будущее нашей страны связано именно с этим регионом, сократилось с 55% в 2002 г. до 36% в 2014 г. И, напротив, возросло число тех, кто полагает, что наша страна представляет собой особую цивилизацию на стыке Европы и Азии с перспективой «дрейфа» в восточном направлении [14].

Вообще же, по данным социологов, соотношение россиян, связывавших исторические судьбы России с Европой, и считавших, что у нашей страны другой путь, на рубеже столетий составляло 2:1, а в последнее время изменилось на обратное [14]. При этом наблюдается расхождение мнений респондентов в отношении культуры, экономики и национального менталитета: *культурное сходство* России с Европой принимается бо́льшим количеством россиян, чем сходство менталитета и экономики [Там же]. На этом основании исследователи делают вывод о том, что в ментальном пространстве наших сограждан Россия предстает не как европейская, не как азиатская и даже не как евразийская, а как *европейско-евразийская* страна, что соответствует сформулированной некоторыми славянофилами концепции России как «второй Европы», более открытой Востоку, но сохраняющей возникшие на общей христианской основе стержневые *свойства менталитета и культуры* [Там же].

Опросы также свидетельствуют о формирующейся в нашем массовом сознании *неопределенности* относительно тенденций и перспектив развития страны [14]. При этом растет количество убежденных в том, что российская цивилизация — особая, количество сторонников «особого пути» России [Там же]. В то же время данную матрицу нельзя безоговорочно охарактеризовать и как евразийскую. На основе эмпирических исследований, скорее, можно констатировать формирующийся ныне в российском социуме *новый исторический проект* «альтернативной Европы» [Там же].

Растет — с 45% в 2007 г. до 52% в 2014 г. — доля россиян, которые считают вполне реалистичной задачу вхождения России в число самых экономически развитых и политически влиятельных стран мира, а не видящие смысла для нашей страны стремиться к каким-либо глобальных целям составляют лишь 4%, однако лишь небольшое количество рядовых россиян привлекает «мессианская» составляющая величия страны. Так, доля считающих, что России надлежит стать «цивилизационным мостом» между Ев-

ропой и Азией, составляла в 2014 г лишь 8%. [14]. Осуществившие данное исследование социологи констатируют: «Таким образом, россияне, похоже, надолго отказались от стремления чем-то облагодетельствовать человечество» [Там же, с. 272]. Если это действительно так, то налицо расхождение установок рядовых граждан и современных российских идеологов.

В то же время стоит отметить, что и на Западе находятся обществоведы, которые считают, что Россия, подобно Советскому Союзу, служившему источником альтернативной культуры, политических институтов и системы ценностей, может предложить миру свою модель развития, у которой на Западе вполне могут найтись сторонники [8].

Среди лозунгов, выражающих *особый путь* России, на первом месте стоит лозунг социальной справедливости (47% опрошенных), на втором — лозунг возвращения к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем (35%), на третьем — лозунг России как великой державы, империи, объединяющей разные народы (32%). При этом растет количество считающих, что Россия идет правильным путем, и в 2014 г. оно составляло 75% (в 2001 г. — 61%, в 2011 г. — 60%, в 2012 г. — 64%). В то же время опросы показывают, что по поводу *нового места России* в мире население нашей страны не гомогенно. В некоторой его части, прежде всего в высокодоходных слоях жителей мегаполисов, формируется иное представление о желательном векторе развития страны и другой характер национальной идентичности, т. е. для разных слоев общества характерны разные варианты национальной идеи. А численность сторонников крайних взглядов — и западников-либералов, и почвенников-консерваторов — невелика, составляя соответственно 3% и 5%, основная же часть симпатий сосредоточена вокруг моделей сильного, социально-ориентированного государства [14].

Современные *проекты развития России* и, соответственно, нынешние варианты нашей национальной идеи можно разделить на две группы. Один тип проектов основан на достаточно жестком и агрессивном противопоставлении России Западу [7; и др.], другой — на заимствовании там всего лучшего и дополнении его своим, например, сочетание демократии и рыночной экономики со справедливостью, духовностью, отсутствием приоритета материального над духовным и т. п. [1; 15; и др.] При этом и антагонистичные Западу проекты все же предполагают некоторые заимствования у него, например, развитие «правильного», справедливого варианта рыночной экономики в противовес характерной для него «не правильной» и не справедливой экономики [7; и др.].

Неантогонистичные проекты, не основанные на жестких противопоставлениях, представляются более адекватными. Скажем, сочетание духовности и материального благополучия, гармония во всем, культурный синтез, возделывание наших необъятных территорий, улучшение общества и человека, конъюнктивность (кстати, очень характерная для китайской культуры), а не дизъюнктивность (одновременно и духовное, и материальное благополучие, преодоление нашей национальной традиции регулярно впадать из одной крайности в другую, «разрушать до основания, а затем...»). Это предполагает и заимствование всего лучшего из прежних вариантов национальной идеи России, отсутствие отношения к ним с революционной непримиримостью. Но не предполагает, естественно, некритическое заимствование из других культур неприемлемого для нас, перенос оттуда тех *форм социальной организации*, которые грубо противоречат основным *особенностям российского менталитета*. Важно также не испытывать ни чувства превосходства над другими народами, выливающегося в противопоставление себя им, ни чувства национальной неполноценности, например, от нашей неспособности жить по западным образцам.

Национальной идее России вовсе необязательно быть *специфической*, разделяемой только ею, полностью отличной от национальных идей других народов. Так, например, *ценности свободы, справедливости и эффективности* в определенной мере разделяют все основные идеологии [18]. Не следует стремиться к уникальности и неповторимости национальной идеи России, к воплощению принципа «специфичность любой ценой». Как подчеркивал И.А. Ильин, «Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого непохожим; требование «будь как никто» неверно, нелепо и неосуществимо» [16, с. 441]. Вряд ли следует избегать воспроизводства в национальной идее России ключевых элементов национальных идей других стран, а тем более общечеловеческих цивилизационных принципов.

Очевидно и то, что национальная идея России должна носить *многокомпонентный* характер, не сводиться к чему-то одному, не быть направленной только на решение экономических (хорошо известный «экономический детерминизм»), общесоциальных или нравственно-психологических проблем, а охватывать решение всего комплекса подобных проблем в их взаимосвязанности и единстве. *Комплексный, многосторонний* характер национальной идеи, которая нужна России, представляется достаточно очевидным — как и *междисциплинарный* характер изучения предпосылок ее формирования.

Литература

1. Богомолов О. Мир в процессе радикальных перемен: новые модели жизнеустройства // Мир перемен. 2015. № 1. С. 31–44.
2. Вардомский Л. О грозных вызовах современности // Мир перемен. 2014. № 4. С. 174–179.
3. Дергачев В. «Чтобы сойти с ума — надо его иметь», или тенденции постсоветской имитации реформации и просвещения // Мир перемен. 2007.
4. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
5. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
6. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. Y, YI. М.: Московский рабочий, 1993.
7. Кузнецов А. Судьба англосаксонского глобализма // Мир перемен. 2015. № 3. С. 133–148.
8. Лейн Д. Российская трансформация: становление мировой державы? // Мир России. 2010. Т. 19. № 4. С. 3–24.
9. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
10. Национальная идея России. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012.
11. Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
12. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
13. Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
14. Российское общество и вызовы времени // Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2015.
15. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
16. Русская идея. М.: Республика, 1992.
17. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996.
18. Славин Б. В поисках идеологии и модели развития // Мир перемен. 2007. № 3. С. 112–127.
19. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М., ИСПИ РАН, 2014.
20. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального развития и маркетинга, 2015.
21. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
22. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Счастье как научная категория // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 8. С. 715–723.

Левашов В.К.,
Сарьян В.К.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СЕТЯХ ИНФОМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

CIVIL SOCIETY IN THE NETWORKS OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук, Москва, Россия (analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru)
Сарьян Вильям Карпович, доктор технических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Армения, научный консультант ФГУП Научно-исследовательский институт радио, Москва, Россия (sarian@niir.ru)
Levashov Victor K., Doctor of Social Sciences, Head of the Center for Strategic social and socio-political research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru)
Saryan William K., doctor of technical sciences, professor, academician of the National Academy of Sciences of Armenia, scientific consultant of FSUE NIIR, Moscow, Russia (sarian@niir.ru)

Аннотация: Авторы исследуют влияние новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на структуру и характер социальных отношений в гражданском обществе. Обращается внимание на тот факт, что пока внедрение ИКТ не приводит к укреплению социальной солидарности. Ставится вопрос о том, как с помощью ИКТ снизить социальные риски, в первую очередь, минимизировать тенденцию социальной дезинтеграции и продолжающийся рост численности социально незащищенных граждан в условиях динамичного развития и распространения ИКТ. Авторы рассматривают социальные перспективы развития ИКТ, высказывают предположения о причинах негативных тенденций и предлагают подходы и рекомендации для их преодоления.
Abstract: The authors propose to investigate the impact of new information and communication technologies (ICT) on the structure and nature of social relations in civil society. Attention is drawn to the fact that while introducing ICT does not lead to a harmonious improvement of the standard of living of all strata of society. The question about how to use ICT to reduce social risks, primarily, to solve the contradiction in the development of the information society (IS) – the increase in the number

of socially vulnerable citizens with the General increase in the number of ICT users. New models are proposed and prospects of ICT development are investigated. The authors make assumptions about the causes of such negative trends and suggest approaches to change.

Ключевые слова: информационное общество; информационно-коммуникационные технологии; гражданское общество; «цифровое неравенство», социальные риски; социальный парадокс ИКТ; устойчивое развитие общества; стандарты ИКТ.
Key words: Information society; information and communication technologies; civil society; “digital inequality”; social risks; social paradox of ICT; sustainable development of society; ICT standards.

Проблемная ситуация

Информационно-коммуникационные технологии стремительно связывают мир в единый сложный, противоречивый, неоднородный глобальный социум. Сложность и качественное многообразие этого макросоциального организма растут по мере экспоненциального умножения массивов и скоростей передачи информации и диверсификации на этой основе коммуникаций: экономических, политических, социальных, межличностных и т. д. Абсолютизация возможностей ИКТ привела к гипотезе возникновения нетократии — нового социального класса, который якобы контролирует распространение достоверной информации и получает власть над материальным миром[1]. Развивая и внедряя при поддержке государства все новые ИКТ, компании IT-индустрии стремятся показать, что каждый виток их развития автоматически вызывает общественный прогресс. Основное внимание концентрируется на демонстрации сокращения так называемого «цифрового неравенства», которое обычно измеряется показателями количества пользователей, подключенных к широкополосному интернету и мобильной телефонии (См. диаграмму 1).

Число интернет-пользователей увеличилось в десять раз с 1999 по 2013 гг. Около 40% мирового населения имеет подключение к Интернету. В 1995 году их было меньше, чем 1%. Первый миллиард был достигнут в 2005 году, второй — в 2010 году, третий миллиард — в 2014 году.

В современном мире коммуникация и логистика, опосредованная ИКТ, становятся решающим фактором экономического и социального развития личности и общества. Коренным образом меняется политическая коммуникация. Технологически стало возможным включение в демократические процессы управления

[1] Бард А., Зодеквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Стокгольмская школа экономики. СПб.: 2005.

Диаграмма 1. Рост числа пользователей глобальной сети интернет, 1993–2014 гг.

Источник: Internet Live Stats (elaboration of data by International Telecommunication Union (ITU) and United Nations Population Division). http://www.internetlivestats.com/internet-users/#trend.

практически каждого члена общества. ИКТ ускорили и позволили интенсифицировать процессы социализации государства и этатизации общества.

По своему технологическому, социально-экономическому и политическому эффекту воздействие ИКТ на жизнь общества можно сравнить с изобретением колеса и паруса. Внедрение ИКТ вызывает фундаментальные изменения в экономическом базисе и социально-политической надстройке общества. Происходит замена механических, электрических и электромеханических средств производства и коммуникации на электронные. Параллельно с этим динамичным научно-технологическим процессом внутри ИКТ происходят процессы массового распространения, миниатюризации и акселерации компьютерной техники. Фундаментальные знания и НИОКР в сфере ИКТ стали важнейшим конкурентным преимуществом развитых стран, которым они не желают делиться с развивающимися странами. Как правило, в развивающиеся страны передаются ИКТ, которые уже отработали на рынках развитых стран. **В соответствии со стратегией современного либерального конкурентного мира развитые страны не заинтересованы подтягивать аутсайдеров на свой уровень технологического развития.**

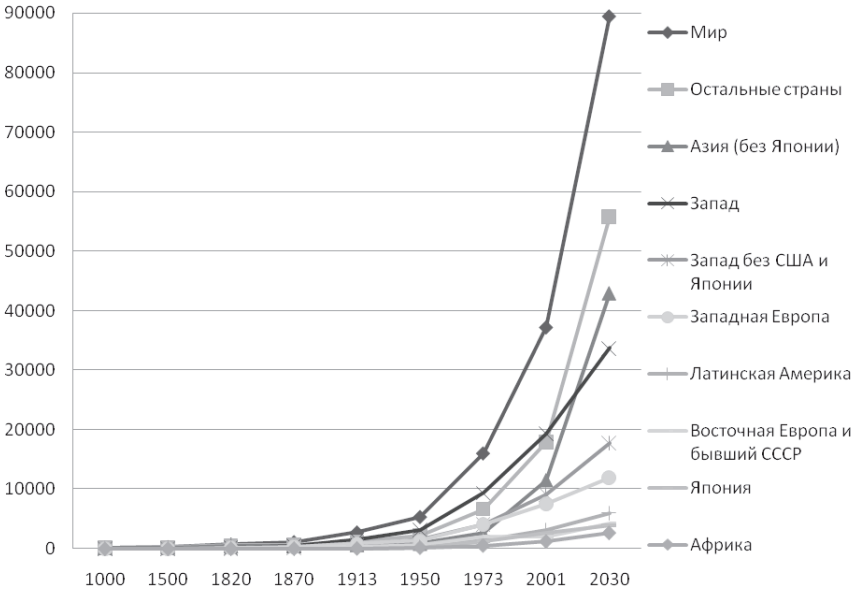
Бизнес-сообщество и «золотой миллиард» населения развитых стран используют достижения ИКТ в мирной гражданской жизни для повышения уровня комфорта и удобств и уже не мыслят свою повседневную жизнь без этих средств человеческой коммуника-

ции. Их уровень и качество жизни, действительно, выглядят привлекательно для остальной части населения земного шара, которая рассматривает подключение к широкополосному интернету, мобильному телефону или другим устройствам ИКТ, как пропуск в будущее социальной гармонии. На самом деле дифференциация населения земного шара по уровню ВВП и денежно-имущественному состоянию к настоящему моменту продолжает усиливаться (см. график 1, диагр. 2).

Как видно из представленного графика, разрыв в объемах ВВП между развитыми странами и остальным миром продолжает увеличиваться. По прогнозам специалистов, несмотря на общий технический прогресс и динамичное развитие ИКТ тенденция абсолютного обнищания к 2030 году только усилится.

К настоящему моменту глобальное социальное неравенство достигло беспрецедентного в человеческой истории уровня. Богатейшие 10% населения на планете контролируют 84% активов в мире. Средние активы этих 10% в 47 раз больше средних активов остальных 90% населения планеты. По оценкам экспертов оффшорные финансовые активы наиболее обеспеченных «граждан

График 1. Уровень ВВП (млн долл. 1990 г.)



Источник: http://www.ggdc.net/Maddison/articles/world_development_and_outlook_1820-1930_evidence_submitted_to_the%20house_of_lords.pdf; http://www.ggdc.net/Maddison/other_books/Growth_and_Interaction_in_the_World_Economy.pdf.

мира» составляют от 21 до 32 триллионов долларов. Это в 1,4–2,1 раза больше ВВП Евросоюза, более чем в 10 раз больше ВВП России. 9 триллионов долларов из этих активов принадлежит 92 тысячам человек [World socialinequality..., 2012].

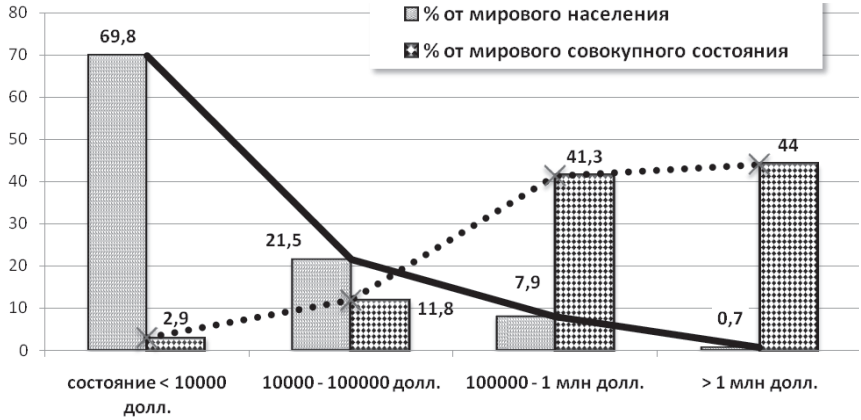
Денежно-имущественное расслоение по четырем группировкам: до 10 тыс. долл., 10–100 тыс. долл., 100 тыс. долл. — 1 млн долл. и более 1 млн долл., к настоящему моменту приняло характер крайне неустойчивого поляризированного состояния и в своей сложившейся за многие века тенденции по сути перечеркивает перспективу социального благополучия на планете (см. диагр. 2).

Менее процента взрослого населения планеты (0,7% — 35 млн чел.) владеют и распоряжаются 44% совокупного мирового состояния (115,9 трлн долл.), далее соответственно: 7,9% (375 млн чел.) взрослого населения — 41,3% (108,6 трлн долл.), 21,5% (1010 млн чел.) взрослого населения — 11,8% (31,1 трлн долл.), а 69,8% (3282 млн чел.) взрослого населения — 2,9% (7,6 трлн долл.).

Столь критическое положение в денежно-имущественной дифференциации сложилось в последние десятилетия, когда ИКТ создали новые условия торговли на фондовых рынках, интернет-рынках финансовых бумаг и активов. Технологии работы в режиме реального времени сразу на всех финансовых площадках и банках создали условия для ускорения и увеличения размеров трансакций.

Глобальный режим неэквивалентного экономического и технологического развития создаёт, поддерживает и умножает очаги социальной напряженности и дезинтеграции. Развитые страны тратят огромные бюджетные ресурсы на пособия для поддержки

Диаграмма 2. Глобальное денежно-имущественное расслоение



Источник: Credit Swiss Global Wealth Databook 2014.

социально незащищенных слоёв граждан. Однако «тушение» социального пожара с помощью денег не может кардинально изменить ситуацию. Количественное увеличение социально незащищенных слоёв граждан связано не только с ухудшением материального достатка, но и заметным снижением их социального капитала, отсутствием перспективы попасть на социальные лифты и получить достойную оплату за свой труд. Последние два обстоятельства особенно важны для молодого поколения социально незащищенной категории граждан.

В этой связи необходимо упомянуть еще один жизненно важный аспект угрожающей глобальной социальной дезинтеграции. При возникновении чрезвычайных и катастрофических ситуаций природного, техногенного и социального характера (акты террора, агрессии, войны, мятежи, революции) социально незащищенные слои населения оказываются в самом уязвимом положении. Глобальные логистически реализованные с помощью ИКТ волны мигрантов в Европу создали в ряде стран ситуации гуманитарной катастрофы. Отметим, что широко известна практика эффективного применения ИКТ в деле предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [Butenko, 2012]. Однако необходимо помнить, что в случаях с организацией «цветных революций» и террористических актов в разных странах мира (Тунис, Египет, Гонконг, Сирия и т. д.) они стали главным техническим средством, с помощью которого сегодня террористам удаётся достигать целей массового устрашения и создания хаоса.

Наконец нельзя забывать, что ИКТ вызвали очередную военно-техническую революцию и вновь, в который раз в истории человечества, создали в головах ряда политиков и военных иллюзию, что новое оружие, на этот раз высокоточное, поможет окончательно решить внутренние и международные проблемы. Иллюзии быстрой победы с помощью нового оружия спровоцировали новую волну социально-политического хаоса на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которая потом в форме массовой миграции пришла в Европу.

Очевидно, что ИКТ, как и технологии ядерной энергии, могут служить как в мирных созидательных, так и в разрушительных целях. Последний аспект сразу попал в поле пристального внимания исследователей и специалистов в технических, военных и социальных науках. Проблемы информационной безопасности становятся актуальными по мере усиления влияния ИКТ на все стороны жизни общества, в том числе и на бизнес. **Многочисленные факты свидетельствуют, что возник социальный парадокс ИКТ:**

широкое внедрение этих технологий может вести не к укреплению и гармонизации глобальных макросоциальных связей и отношений, а к их разобщению, росту материальных и духовных диспаритетов, деградации институтов социального и политического сотрудничества и кооперации. Возникнув как инструмент коммуникации, ИКТ в сложившихся условиях усиливает тенденцию социальной дезинтеграции.

Где и в чём корни и причины этой макросоциальной дисфункции ИКТ? Генезис развития ИКТ показывает, что предпосылки появления этих технологий и их эффектов вызревали сразу в нескольких областях научного познания на протяжении многих лет. **Искать выход из критических режимов и кризисных социальных эффектов развития ИКТ по всей вероятности предстоит на стыке технических, гуманитарных, социальных наук, объединяя знания и усилия ученых и исследователей многих специальностей.**

Социотехнологический генезис ИКТ

Изобретение радио в конце XIX века и трансляция с его помощью подготовили материальную основу возникновения информационного общества. В 1926 году Николай Тесла в интервью журналу «Collier's» предсказал, что в будущем радио трансформируется в «большой мозг». Все вещи станут частью единого целого, а инструменты, благодаря которым это станет возможным, будут легко помещаться в кармане[1]. Первый искусственный спутник Земли, запущенный в СССР, и полёт Ю.А. Гагарина открыли эпоху космических средств связи и подготовил технологическую почву для появления глобального интернета. На протяжении многих десятилетий надёжные советские и российские космические технологии позволяют поддерживать и наращивать космический базис глобальных ИКТ, дают им перспективу для технологического развития. В 1990 году один из создателей протокола TCP/IP (TransmissionControlProtocol/InternetProtocol) Джон Ромки создал первую в мире интернет-вещь, подключив к сети свой тостер. Сам термин «Интернет вещей» (Internet of Things, IoT) был предложен Кевином Эштоном в 1999 году. В этом же году был создан Центр

[1] См. подробнее. http://paleofuture.gizmodo.com/nikola-teslas-incredible-predictions-for-our-connected-1661107313: «*When wireless is perfectly applied the whole earth will be converted into a huge brain, which in fact it is, all things being particles of a real and rhythmic whole. We shall be able to communicate with one another instantly, irrespective of distance. Not only this, but through television and telephony we shall see and hear one another as perfectly as though we were face to face, despite intervening distances of thousands of miles; and the instruments through which we shall be able to do his will be amazingly simple compared with our present telephone. A man will be able to carry one in his vest pocket*».

автоматической идентификации (Auto-ID Center), занимающийся радиочастотной идентификацией (RFID) и сенсорными технологиями, благодаря которому эта концепция и получила широкое распространение. В 2008 году компания LG анонсировала планы по созданию интернет-холодильника. В 2008–2009 произошел качественный переход от «Интернета людей» к «Интернету вещей» — количество подключенных к сети предметов превысило количество людей-пользователей интернета. В 2013 году корпорация Intel анонсирует новое подразделение по монетизации интернета вещей — Internet of Things Solutions Group. Продолжается развитие понятий. Американской транснациональной телекоммуникационной компанией CISCO предложен термин «Интернет Всего», а кампанией «Jawbone», специализирующейся на производстве фитнес-браслетов для занятий спортом — «Интернет Меня» [Умный холодильник..., 2013].

Можно не без оснований предположить, что вещи и люди, а на самом деле мир вещей и идей вне и внутри нас по мере развития ИКТ интегрируются в единой сети отношений — Интернете вещей и услуг для людей. Предметный мир, мир информации и мир программных продуктов — результатов человеческой творческой деятельности начинают взаимодействовать между собой, минуя непосредственное вмешательство человека. Целеполагание и контроль в этой цепочке взаимодействий людей, вещей и технологий должны задаваться человеком. Сейчас в ходе развития этой новой формы интеграции человечества и созданного им предметного мира через внедрение ИКТ возможны, по крайней мере, две парадигмы жизнедеятельности: **первая приводит к усилению процессов социальной дезинтеграции во имя экономической эффективности с целью максимизации прибыли и вторая ведет к интеграции человека социума и природы в целях устойчивого развития и безопасности.** В последнем случае речь идёт о переходе к постиндустриальному информационному этапу цивилизации, который предсказывали Н. Тесла и В.И. Вернадский.

Заслуга В.И. Вернадского в развитии современного научного мировоззрения заключается в том, что он ввёл в анализ отношений системы «человек — природа» новое критериальное измерение «человечество как единое целое» и понятие «живого вещества» вместо понятия «жизнь». Позднее один из основателей советской кибернетики и программирования А.А. Ляпунов, опираясь на взгляды, определял понятие «жизнь» как «высокоустойчивое состояние вещества, использующее для выработки сохра-

няющих реакций информацию, кодируемую состояниями отдельных молекул» [Виртуальный музей А.А. Ляпунова, 2012].

Понятие «ноосферы» в предложенной В.И. Вернадским современной системе научных взглядов играет роль интегративной научной категории, которая позволяет объединить научный поиск ученых всех специальностей на единой системной методологической основе с целью сохранения жизни в многообразии её проявления. С ростом научного знания связан «социально-политический идейный переворот», который «ярко выявился в XX столетии в основной своей части благодаря научной работе, благодаря научному определению и выяснению социальных задач человечества и форм его организации» [Вернадский, 1977: 27]. **Нельзя не заметить, что сущностные интегративные положения учения о ноосфере отвечают на вызовы развития современного информационного общества и ИКТ.**

В последние десятилетия XX века в развитых странах, в том числе и в России, стал заметным откат государства и общества от гуманистических мировоззренческих, научных, идеологических ценностей. Доминирование финансового и торгового капитала над промышленным производством породило универсальную психологию и идеологию массового потребления. Возникла не только материальная, но духовная культура постмодернизма, отражающая начальный, еще во многом противоречивый в своих проявлениях этап перехода к информационному обществу. **ИКТ фундаментальным образом изменили и продолжают изменять характер многих форм жизнедеятельности как в развитых, так и в развивающихся странах. Использование ИКТ в целях социальной интеграции блокирует практики применения ИКТ в стратегиях конкуренции, социальной дезинтеграции, хаоса и терроризма.**

В сфере экономической деятельности на смену стихийной рыночной конкуренции идут практики кооперации и сотрудничества. Произошло формирование ТНК и новое международное разделение труда и производства, финансовые и логистические операции и процессы приняли глобальный характер и стали осуществляться в реальном времени в масштабах всей планеты. Новые рыночные институты функционируют, используя инновации ИКТ. Возникли сетевые производства, рынки и сферы услуг.

В сфере политической жизни общества стал изменяться характер политической коммуникации. ИКТ расширили возможности участия в процессах управления, невзирая на географические пространства и социальные дистанции. Политическая коммуника-

ция в демократиях меньшинства под воздействием вызовов времени и возможностей ИКТ стала трансформироваться в демократию большинства. Электронные каналы политической коммуникации создают возможности услышать в режиме реального времени каждого гражданина на всей планете. ИКТ объективно создают предпосылки для формирования солидарного планетарного гражданского общества и технологий массового политического управления.

В социальной сфере бурно проявился феномен социальных сетей, как формы развития ИКТ. Новая форма межличностного общения преодолевает расстояния с помощью интернет-технологий. LiveJournal, LiveInternet, Facebook, В Контакте, Одноклассники, Живой Журнал, Twitter, Instagram, LinkedIn, Иммигранты, список все время растет. Страны и социальные сообщества становятся открытыми для взаимного социокультурного взаимодействия, взаимообогащения и интеграции.

Интернет вызвал к жизни не только рассредоточенные научные сообщества, но и проекты «умных городов», «умных наций», «умных государств» и т. д. Информационная цивилизация начинает функционировать в целях умножения и сохранения биологических и мирных социальных форм жизни. Системные подходы управления во многих сферах жизнедеятельности начинают выстраиваться на основе технологий информационного мониторинга, в которых государство опирается на технологии ИКТ.

Устойчивое развитие и социотехнологические стандарты ИКТ

К середине XX века человечество начало осознавать реальность глобальных пределов и угроз своему способу жизнесуществования — наступал глобальный кризис окружающей среды, ресурсный кризис и кризис военно-политических методов взаимоотношений между государствами. Последний связан с появлением технологий ракетно-ядерного оружия, которое, с одной стороны, поставило вопрос о пределах вооруженного насилия, а с другой — дало толчок созданию с помощью ИКТ высокоточного оружия. Растущее количество взаимосвязанных глобальных и локальных, природных и социальных, техногенных и экологических, военных и политических, экономических и финансовых катастроф поставило вопрос об их системном научном изучении для выявления структуры стихийных и управляемых факторов и причин, предупреждения людских, материальных и финансовых потерь. По существу, речь идет

о научно сконструированном с помощью ИКТ и управляемом процессе обеспечения безопасности жизни и становления ноосферной формы управления. **Подпоследней понимается научно обусловленная деятельность государства по управлению процессами жизнедеятельности в природе, обществе и техносфере в целях обеспечения устойчивого развития и безопасности.**

В связи со сложившимися условиями становятся актуальными по крайней мере две стратегических задачи в сфере пользования ИКТ. Во-первых, необходимо разработать типовые нормы законодательного обеспечения и реализации глобальных и локальных стандартов пользования ИКТ, позволяющих вести мониторинг и управлять качеством и безопасностью жизни и здоровья, образованием, бытом всех слоев населения, каждой семьи и каждого гражданина. Во-вторых, предстоит провести системную работу по созданию и развитию инфраструктуры ИКТ для самореализации и саморазвития общества и каждого гражданина.

В перспективной комплексной работе, которую проводят общество и государство для развития информационного общества, важно корректно осознать и поставить стратегические цели. В природной среде — это устойчивость, самоподдерживающееся развитие на принципах коэволюции человека, общества, природы и биоразнообразия. В техносфере — развитие инновационных мирных технологий, направленных на устойчивое освоение природной и социальной среды и контроль за вооружениями. В экономической жизни — трудовая мотивация деятельности. В политической жизни — этатизация общества и социализация государства, государственно-демократический контроль. В социальной жизни — социальная справедливость, равенство прав и обязанностей граждан глобализирующегося общества. В духовной жизни — производство научного знания на принципах мультикультурного разнообразия.

Одним из инструментов движения к целям должны стать социотехнологические стандарты для управления безопасной жизнедеятельностью и устойчивым развитием общества с помощью интегративной функции ИКТ. В перспективе использование этих стандартов как операциональных инструментов открывает возможность организации мониторинга жизнедеятельности социума, биосферы и техносферы на новой технологической основе.

Спонтанное развитие ИКТ в совокупности противоречивых социальных эффектов и дисфункций привело к росту социальных диспаритетов и вызвало острую потребность в созда-

нии на научной основе современной системы государственно-гражданского управления, имеющего целью укрепление социальной солидарности и гармонизацию социальных отношений. Решение этой задачи возможно на междисциплинарной научной основе объединением усилий ученых разных специальностей. Правовое государство и гражданское общество приближается к этому режиму взаимодействия по мере того, как происходят качественные изменения в материальной и интеллектуальной сферах жизнедеятельности. Своевременное и адекватное внимание ученых и политиков к феномену социальных эффектов ИКТ может поставить его на службу гражданскому обществу и обеспечить прорыв в будущее.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Книга вторая. М., Наука, 1977.
2. Виртуальный музей А.А. Ляпунова. Лекции. Кибернетические вопросы биологии. 2012. URL: http://lyapunov.vixpo.nsu.ru/?int=VIEW&el=121&templ=VIEW (дата обращения 07.04.2016 г.).
3. Умный холодильник или будущее за Интернетом Вещей. 2013 г. URL: http://rusbase.com/news/internet-of-things/ (дата обращения 07.04.2016 г.)
4. *Butenko V., Nazarenko A.P., Sarian V.K.* Personal safety in emergencies // ITU-News. 2012. № 3. P. 47–49.
5. World social inequality more pronounced than ever. By Ernst Wolff 26 July 2012. Мировой социалистический веб-сайт. WorldSocialistWeb-Site. URL: http://www.wsws.org/en/articles/2012/07/rich-j26.html (дата обращения 07.04.2016 г.)

Кублицкая Е.А.

ДИНАМИКА ПРОЦЕССА ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ В МЕГАПОЛИСЕ

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ РАН, eakubl@yandex.ru

Аннотация: Статья к.ф.н. Кублицкой Е.А. «Динамика процесса десекуляризации в мегаполисе» посвящена изучению уровня и степени религиозности населения, религиозной и конфессиональной самоидентификации населения на постсоветском пространстве. Используя результаты массовых социологических опросов среди населения. Москве, проведенных в период с 1996 по 2014 гг. в ИСПИ РАН, автор излагает методологические и методические положения, которые необходимо учитывать при изучении религиозности населения, всего секуляризационного процесса в условиях трансформации межнациональной, культурологической, социально-политической сфер в российском обществе.

Annotation: The article of Elena Kublitskaya “The dynamics of desecularization process in megapolis” Cand. Sc. (Philosophy), (Institute of sociopolitical researches of the Russian Academy of Sciences) is concerned with the research of religiosity level and degree of population, religious and confessional self-identification in Moscow Megacity. Turning to the results of a large-scale sociological poll among the population held by the Institute of Socio-political Researches RAS from 1996 to 2014, the author presents methodological and methodical conceptions which need to be taken into account when studying religiosity of the population, the whole secular process in conditions of transformation of interethnic, cultural, social and political spheres in the Russian society.

Ключевые слова: религия и атеизм, секуляризация, десекуляризация, атеизация, религиозная идентичность, конфессиональная идентичность, уровень и степень религиозности, воцерковленность, экуменизм, клерикализм, прозелитизм.

Keywords: religion and atheism, secularization, desecularization, religious identity (religious self-identification), confessional identity (confessional self-identification), religiosity level and degree, churchliness, ecumenism, clericalism, proselytism.

Некоторые проблемы методологии и методики

Сложность социологического изучения современного состояния религиозности общества, межконфессиональных и религиозных отношений состоит в том, что Россия находится на переломном этапе исторического развития. Кризисные явления в соци-

ально-экономической, политической и духовно-идеологической сфере неизбежно ведут и провоцируют межрелигиозные, межконфессиональные, межнациональные и религиозно-национальные противоречия и конфликты.

Продолжается процесс сужения «секулярного поля» за счет активизации религиозной жизни: возрастает роль различных религиозных объединений, изменяются соотношения между религиозными движениями, конфессиями и Церквями. Кроме того, на распространение религиозных верований, изменения удельного веса каждого из них на территории Российского государства огромное влияние оказал ***процесс этноконфессионального разъединения народов*** после распада Советского Союза. Произвольное перемещение границ, ограничение территории проживания этнических и конфессиональных групп непосредственно повлияло на формирование религиозной географии России. Так, религиозный ландшафт в Центральной части России и Сибири до сегодняшнего времени формируется под влиянием миграционных процессов и активной миссионерской деятельности.

Однако отметим, что если традиционное православие в Европейском Центре не сдало своих позиций, то в Сибири солидную конкуренцию ему составляют старообрядцы, приходы которых имеются по всей Сибири, крупные католические центры в Красноярске, Иркутске, Хабаровске, а так же различные протестантские течения (лютеранство, баптизм, адвентизм и пятидесятничество).

Несмотря на то, что в настоящее время религиозные верования не в полной мере определяются национальной принадлежностью и очертить географические границы распространения в России той или иной веры затруднительно, тем не менее, с нашей точки зрения, необходимо продолжать изучение религиозных процессов в контексте с этническими[1].

Исторически традиционные связи конфессий с определенной нацией, этносом продолжают оставаться тесными, как констатируют конкретные социологические исследования, проводимые ИСПИ РАН.

Поэтому социологическое изучение религиозности населения в условиях десекуляризации общества рассматривается на фоне политических, национальных, межнациональных и межконфессиональных отношений, противоречий и конфликтов.

[1] Например, православие исповедует помимо русских, большие группы угро-финских и тюркских народов: карелы, коми, удмурты, марийцы, мордва, часть калмыков, часть татар и др., а также славянские народы, проживающие на территории России белорусы, болгары, украинцы. Или: среди российских католиков значительное число русских, особенно в Сибирском регионе (Иркутские католические общины) и т. д.

В тоже время считаем вполне закономерным указать на тенденции клерикализации общества и развитие прозелитизма в межконфессиональных и межрелигиозных отношениях. Не прекращаются этнические разногласия и межнациональные конфликты, социально-бытовое содержание, которых зачастую перерастает в идейный национализм и национальный экстремизм. На этом фоне (в каком-либо регионе) усиливается влияние новых религиозных течений со снижением роли традиционных культурообразующих религий или, наоборот, набирают силу, развиваются «старые» религии. Это приводит религиозное население к некоторой «дезорганизации в мыслях», идет новое осмысление мировоззренческих позиций в отношении религии и общества, религии и нации, религии и атеизма, религиозных идей и отстаивающих эти идеи конфессий и т. д. Все это в целом может приводить или к смене конфессиональной принадлежности, или размыванию религиозных взглядов и представлений, (снижению религиозной убежденности), или к религиозной агрессии сторонников «истинной» веры, то есть религиозному экстремизму.

Серьезное изучение самого процесса десекуляризации общества, тенденций, характеризующих религиозную ситуацию в стране и регионах, определения уровня и степени религиозности и атеистичности населения с начала 80-х годов велось в институте социологии АН СССР, а затем в институте социально-политических исследований (ИСПИ РАН).

Массовые исследования религиозности в России (на основании «самоидентификации») различных социологических институтов и центров с 1983 года фиксировали быстрое увеличение уровня религиозности населения и резкий рост интереса к религии и религиозным течениям.

Начиная с 1993 года, фиксируется прекращение интенсивного темпа роста религиозного населения. «Религиозный ренессанс» меняется в сторону относительной стабилизации, которая останавливаются на отметке уровня религиозности от 40% до 70% (в зависимости от региона РФ).

Социологические данные по результатам исследований в ИСПИ РАН так же отмечают, что уровень религиозности за 11 лет (с 1983 по 1993 год) вырос, но не так значительно, как фиксировался исследователями некоторых социологических центров, которые определяли уровень религиозности населения в основном по одному показателю религиозного сознания — самоидентификации респондента. Необходимо учитывать, что некоторая часть респондентов и в советские времена, и в настоящее время под влиянием

каких-либо социальных или психологических причин искажали самоидентификацию (в отношении религии и атеизма).

Институтом социально-политических исследований (ИСПИ РАН) начиная с 2002 года, проводятся комплексные исследования по проекту: «Методология и методика изучения религиозных, конфессиональных и этноконфессиональных отношений в регионах РФ». Для получения достоверной информации ***о степени религиозности и атеистичности*** населения в условиях десекуляризации российского общества используются следующие методические принципы: применяется *сбалансированная система агрегирующих показателей для построения соответствующих типологических групп.* Оценочные критерии определяются на основе синтеза концептуальных признаков и ранжирования эмпирических, наблюдаемых характеристик религиозности и атеистичности, т. е. результирующих показателей, которые характеризуют религиозное и нерелигиозное сознание и поведение респондентов.

Однако в данном срезе социологического анализа для выявления общей картины секуляризационного процесса, протекающего мегаполисе, достаточно было использовать минимальный набор показателей.

Одним из общеизвестных методологических принципов, характеризующих в целом развитие или стагнацию секуляризации общества, является дихотомическое деление населения на религиозное и нерелигиозное *на основании наличия или отсутствия веры в существование сверхъестественных сил.*

Несмотря на то, что этот критерий является общим и фундаментальным показателем религиозного сознания, показатели представления о боге и других догматах религии в проводимых исследованиях в России не имеют универсального характера.

Тем не менее, для определения ***уровня религиозности*** населения вполне возможно обходиться данным показателем, а также показателями религиозной и конфессиональной самоидентификации, показателем изменения мировоззрения личности (по отношению к религии и атеизму) на протяжении жизни.

При изучении десекуляризационного процесса в настоящее время строго учитывается факт «латентной» атеизации населения. Постоянно уточняются показатели атеистического, нерелигиозного сознания и поведения. Так как, если раньше верующие скрывали свои религиозные убеждения, то сейчас подвергаются остракизму убежденные атеисты.

Проведенный социологический анализ доказывает, что показатель «самооценки» «заработал» у религиозного населения, так

как нет причин скрывать свои убеждения, и в то же время он оказался недостоверным при определении нерелигиозного населения страны. Так, часть нерелигиозных респондентов или идентифицируют себя с «колеблющимися», или просто уходят от ответа (в индикатор: «затрудняюсь ответить»).

Таким образом, если в советский период социологии религии показатель самоидентификации по отношению к религии и атеизму занижал уровень и степень религиозности и завышал процент распространения секуляризации, то в современном российском обществе с точностью наоборот — завышает уровень и степень религиозности с занижением уровня и степени атеистичности населения.

В тоже время отметим, что измерение **степени религиозности остается неизменным в своей сущности,** так как в отличии **от определения уровня религиозности,** здесь необходимо соблюдать принцип сочетания показателей, характеризующих религиозное сознание и поведение индивида.

В этом случае использовались традиционные показатели культового ритуального поведения (молитвы, посты, исповедь и другие религиозные предписания), его мотивация в традиционных религиях.

Показатели «степени воцерковленности» — (частота посещений культовых учреждений: церковь, мечеть, молитвенный дом; участие в праздниках по религиозным мотивам и др.) — являются сопутствующими, но, с точки зрения авторов, необязательными для фиксирования степени религиозности индивида.

Традиционное культовое поведение (как составная часть религиозного) претерпело множество изменений и в последние годы в наших исследованиях не всегда рассматривалось в качестве имманентной характеристики религиозности. Действительно, такой традиционный показатель религиозного поведения, как культовая активность, перестал быть его обязательным компонентом, поскольку участие в церковных праздниках и обрядах имеет в большинстве случаев нерелигиозную мотивацию.

Культовое поведение («воцерковленность» — многие социологи-религиоведы используют этот богословский термин) **во время богослужения не может выступать необходимым показателем измерения религиозного поведения, не только потому что** места отправления культов находятся в отдалении от местожительства или вообще отсутствуют в сельской местности, но и по болезни верующих, или просто из-за загруженности их по работе и пр.

Отметим, что если демократизация государства и церкви, соблюдение принципа свободы совести, с одной стороны, создали благоприятные условия для «воцерковления» значительного числа религиозного населения, то, с другой стороны, либерализация взаимоотношений религиозных институтов и «паствы» позволяет верующим дистанцироваться от церковной институтов, довольствуясь отправлением религиозных обрядов (например, молитвы, посты) вне культовых учреждений.

Социологические данные Аналитического Центра ИСПИ РАН и Центра социологии федеративных и межнациональных отношений ИСПИ РАН еще в 1995 показывали, что доля «воцерковленных верующих» в России составляла (10–15%), тогда как все религиозное население в те годы определялось на уровне 65%[1].

Также отметим, что для корреляционного тематического анализа группы неверующих и атеистов нами зачастую объединяются (в таблицах обозначаются как «нерелигиозное население»), так как наполняемость этих групп среди населения, с учетом небольшой выборочной совокупности (до 1000 ед.), оказываются в своем большинстве чуть выше возможного социологического минимума.

Далее. **При измерении уровня религиозности (с 90-х гг. XX столетия) в наших исследованиях группы «колеблющихся» на основании только самоидентификации не причислялись нами к религиозному населению**.

В результате кардинальной перестройки во всех сферах жизнедеятельности общества и, в частности, в духовной сфере, религиозное мировоззрение постоянно модифицируется, трансформируется и изменяется. **Сегодня типичной чертой мировоззрения «колеблющегося» является «незавершенность» его религиозного выбора**. «Промежуточное состояние» религиозного сознания характеризуется мировоззренческой неопределенностью в оценке религиозной веры и своего к ней отношения. Результаты последних социологических данных по Москве показывают, что 67% респондентов, идентифицирующих себя с «колеблющимися» — «допускают существование Бога или другой сверхъестественной силы, но не убеждены в этом» или «не верят в бога и другие сверхъестественные силы». Поэтому пополнять религиозное население за счет этой группы в полной мере, вряд ли правомерно.

При разработке методики, основанной на единых методологических принципах определения религиозности, всегда учитывается

[1] Новый курс России: предпосылки и ориентиры. Социальная и социально-политическая ситуация. Год 1995-й. Под ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова. М,: Academia, 1996, С. 98.

социально-культурная, национальная, межнациональная и конфессиональная специфика изучаемых регионов РФ. Поэтому, в инструментарии (анкете, стандартизированном интервью и других типах опросов), имеется различный набор эмпирических референтов, отражающих специфику той или иной конфессии.

Тем не менее, существует набор универсальных показателей, по которым строится типология по отношению к религии и атеизму. В последних исследованиях использовался набор пяти показателей религиозного и нерелигиозного сознания, включая мотивацию культовой активности и шесть показателей включенности в культовую практику.

Все типологические группы сформированы на основе определенного сочетания этих показателей с присвоением соответствующего индекса.

Процесс десекуляризации в столице РФ

Все вышеизложенные методолого-методические принципы реализовывались при проведении социологических исследований, прежде всего, в столице Российской федерации (1996, 1998, 2007, 2008, 2010, 2014, 2015,2016 гг., объем выборочной совокупности от 650 до 1000 ед.).

Москва — исторически является культурно-образовательным, научным и политическим центром России и всего мирового сообщества.

За Москвой укрепилась слава верной хранительницы исконно русских традиций. Именно в столице России находятся самые главные особо чтимые народом святыни **«достопамятности»**: Кремль, соборы, церкви, монастыри, архитектурные памятники, иконы, картинные галереи, музеи, старинные усадьбы и т. п. На протяжении многих веков Москва была православной столицей и ее называли «III-м Римом».

Москва многонациональная, как столица, должна оставаться «культурной витриной» Российской Федерации, несущей бремя ответственности за сохранение государственного национально-культурного суверенитета и обеспечения культурных и духовно-нравственных традиций. Последние четверть века социально-политических трансформаций в России — целая эпоха «утрат» и «приобретений» в историческом и культурном облике столицы. Тем не менее, Москва и в новых условиях продолжает восприниматься как политический, экономический и культурный центр государства.

Социологический анализ направленности и уровня десекуляризационного процесса, характера взаимоотношения религии и общества в исследованиях строился на определении:

— уровня религиозности и атеистичности населения;

— динамики уровня секуляризации;

— социальных портретов религиозного и нерелигиозного населения Москвы;

— роли религии и религиозных институтов в общественной жизни россиян.

1. Анализ эмпирического материала показывает, что можно говорить о «стабилизации» и даже некотором снижении религиозности в Москве.

В 1996 году уровень религиозности населения мегаполиса составлял 50%. Постепенно нарастая, к 2014 году он составлял 64%. За 19 лет уровень религиозности увеличился на 14 процентных пунктов. Тем не менее, в последние годы он снижается и к 2016 г. составляет почти 60% (см. табл. 1, график 1).

Отметим, что **удельный вес убежденных верующих («воцерковленных»)** по результатам отбора соответствующих эмпирических референтов также уменьшается:

— **в 2010 году**: 45% от опрошенного религиозного населения;

— **в 2014 году:** 35% из этой типологической группы;

— **в 2015–2016 гг:** 30–31% из общей типологической группы «религиозное население».

Данный вывод делается на основе следующих показателей «полной воцерковленности», полученных в 2014–2015–2016 годах:

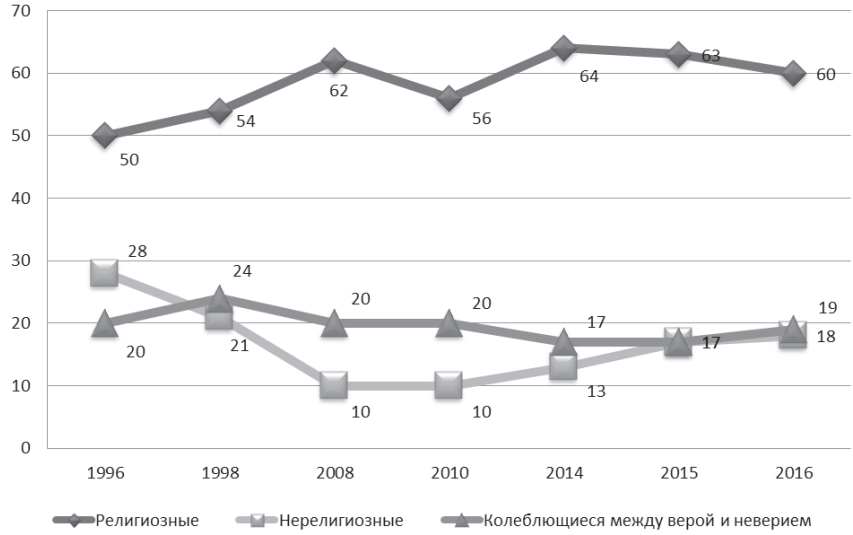
— часто посещают храмы (церковь, мечеть, молитвенный дом)

— 29% –31% –22% верующих (соответственно);

Таблица 1. Динамика уровня религиозности и атеистичности (десекуляризации) населения в Москве в течение 21 года (в % в типологических группах)

Типологические группы		Москва						
		1996	1998	2008	2010	2014	2015	2016
Религиозное население	Верующие	50	54	62	56	64	63	60
	Колеблющиеся между верой и неверием	20	24	20	20	17	17	19
Нерелигиозное население	Неверующие	28	21	4	6	7	8	10
	Атеисты	–	–	6	4	6	9	8
	Неверующие + атеисты	28	21	10	10	13	17	18

График 1. Динамика уровня религиозности и атеистичности (десекуляризации) населения в мегаполисе за 21 год (в % в типологических группах) г. Москва (1996, 1998, 2008, 2010, 2014, 2015, 2016 гг.)



Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и межнациональных отношений ИСПИ РАН

— часто участвуют в религиозных праздниках
— 38% –38%–29% верующих соответственно;
— часто участвуют в религиозных обрядах
— 15% –16%–15% верующих соответственно;
— часто совершают молитвы
— 27%–29%–25% верующих соответственно;
— часто исповедуются, причащаются
— 15%–12%–9%верующих соответственно;
— постоянно соблюдают религиозные посты
— 15%–16%–16% верующих соответственно;
— религиозная мотивация совершения религиозных обрядов и праздников
— 40%–39%–41% верующих соответственно.

Знаменательно, что 23% в 2014 году, 30% в 2015 году, 26% верующих в 2016 году никогда не участвовали в религиозных обрядах.

До 40% верующих никогда не исповедовались и не причащались. От 36% (2014 г.) до 40% (2016 г.) верующих никогда не соблюдали религиозные посты. До 60% религиозного населения мегаполиса не включены в культовую практику по религиозным мотивам.

Количественные показатели группы «**колеблющихся»** между верой и неверием за последнее время несколько увеличились с 17% до 19% за счет снижения группы «верующих».

Нерелигиозное население мегаполиса за последние 8 лет «выросло» на 8% и количественно сравнялось с группой колеблющихся. Почти половина из этой группы — убежденные неверующие (атеисты).

Соотношение религиозного и нерелигиозного населения в большой степени зависит во многом от комплекса социально-экономических, территориальных, социополитических, исторических, конфессиональных и этнических факторов. ***В Москве соотношение религиозного и нерелигиозного населения на 2016 год составляет почти 6:1 и продолжает занимать в десекуляризационном процессе одно из лидирующих мест в субъектах РФ.***

Социально-демографические характеристики религиозного населения на данном этапе развития российского общества становятся все более размытыми. С 1983 года в наших исследованиях не прослеживалась четкая зависимость уровня религиозности от возраста, социального положения, места жительства, образования и уровня дохода населения. Корреляции между социальными характеристиками респондентов и их религиозными взглядами носят далеко не прямолинейный характер. И, тем не менее, с 2010 года в мегаполисе из предложенных социальных характеристик населения, **не только пол, но и возраст** респондентов вновь стали определяющими при выявлении религиозности населения.

Доминирующие **характеристики социального портрета «воцерковленного верующего»** в мегаполисе к 2016 году: — это «некоренной житель» Москвы, женщина, старше 50 лет, со средним специальным образованием, служащая или пенсионерка, из группы «малообеспеченных».

Социальный портрет нерелигиозного москвича имеет более четкие проявления закономерности, так как они прослеживаются во всех исследованных нами субъектах РФ по 5-ти позициям. В группах «неверующих» и «атеистов» чаще всего оказывается русский мужчина из возрастных групп до 24 лет и 40–59 лет, учащийся всех уровней (неоконченное среднее, неоконченное высшее образование, аспирантура), инженерно-технический работник или студент, с самым низким уровнем материального дохода из типологической группы «нищие».

В некоторых социальных группах фиксируется незначительное повышение уровня религиозности в старших возрастных группах

среди пенсионеров и в группах занятого населения: интеллигенции, служащих.

В то же время, после анализа ответов респондентов на вопрос «Изменение отношения к религии на протяжении жизни» выявлена следующая динамика: если в 2014 году в три раза больше опрошенных изменили свою мировоззренческую позицию в пользу религии (14% были неверующими, стали верующими») по сравнению с респондентами, которые склонились к атеистической позиции (5% были верующими, стали неверующими), то в 2016 году соотношение таковых респондентов снизилось и составило 2:1. См. табл. 2

Следовательно, анализ социологических данных последних лет фиксирует незначительное снижение как уровня религиозности населения, так и удельный вес «воцерковленных» верующих мегаполисе. Также наблюдается повышение уровня атеистичности населения с 2010 года.

Таким образом, нельзя говорить о продолжающемся процессе десекуляризации в мегаполисе в настоящее время.

Проблемы соотношения религиозной и конфессиональной идентификации

Одна из проблем измерения религиозности населения существует при определении уровня религиозности некоторыми социологами-религиоведами через конфессиональную идентификацию респондента.

На протяжении двух десятков лет эмпирические данные в наших исследованиях указывают, что идентификация религиозной

Таблица 2. Изменение отношения к религии у респондентов на протяжении жизни (% от опрошенных) Москва 2014–2016 гг.

Изменение отношения к религии на протяжении жизни	Население Москвы	
	2014	2016
Был и остаюсь верующим	62	64
Был неверующим, стал верующим	**14**	**11**
Был и остаюсь неверующим	15	19
Был верующим, стал неверующим	**5**	**5**

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и межнациональных отношений ИСПИ РАН

и конфессиональной приверженности не совпадают**. Фиксируется уровень религиозной самоидентификации (мировоззренческий аспект) на порядок ниже конфессиональной самоидентификации независимо от эмпирического объекта (населения в целом или социальных групп).**[1]

Поясним на примерах социологических исследований в мегаполисе.

Уровень конфессиональной идентичности среди москвичей постоянно повышается. Зачастую, значительная часть нерелигиозного населения идентифицирует себя с «православными» или «мусульманами» (русский, значит православный, татарин — мусульманин (бытовая точка зрения). Эти закономерности учеными неоднократно проанализированы.

Происходит смешение национальных и религиозных признаков. *В настоящее время еще нет устойчивого стереотипа, что православный человек — это обязательно религиозный человек*. Процесс самоидентификации в этом направлении продолжается, так как в изучаемых субъектах РФ определенная часть опрошенных среди группы православных оценивают себя «колеблющимися» или даже «неверующими».

Гипотеза, выдвинутая автором в 1988 году о том, что «рост национального самосознания, актуализирующий взаимосвязь национального и религиозного, повысит уровень конфессиональной самоидентификации среди нерелигиозного населения»[2]*,* нашла свое подтверждение в комплексных исследованиях ИСПИ РАН 2002–2014 гг.

Таким образом, в условиях современного мира фактор этноконфессиональной идентичности приобрел особое значение, а конфессиональная принадлежность становится важнейшим не религиозным, а этническим маркером. В таблице 4 показано, что несоответствие религиозной и конфессиональной самоидентификации среди русского населения в столице возрастает. С 2008 года она выросла в два раза. Несоответствие к 2016 году составило 30% (86%–56%=30%). Тем не менее, именно в национальных республиках, где русская нация не является титульной, несовпадение конфессиональной и религиозной идентичностей еще к 2012 году достигла в Северной Осетии — 36%, в Мордовии — 48%. Таким образом, отметим еще раз немаловажный факт,

[1] По данным мониторинговых исследований в регионах РФ, проведенных отделом социологии национальной безопасности и федерализма ИСПИ РАН в 2002–2014 гг.

[2] Е. А Кублицкая. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения. Социс 1990 г. №5

подтвержденный в мониторинговых исследованиях: ***конфессиональная идентификация в регионе повышается при увеличении конфликтности в межэтническом взаимодействии, что приводит к еще большему дистанцированию от религиозной идентификации.***

Можно утверждать, что *особенность религиозной идентичности состоит, прежде всего, в том, что идентификация субъекта в отношении религии идет как бы в 2-х плоскостях: на уровне мировоззренческом (вероисповедания, то есть «религиозной веры и неверия»), с одной стороны, и на уровне конфессиональном.*

Мониторинговый социологический анализ показывает, что **конфессиональная идентификация субъекта** — сложный, многомерный тип социальной идентичности, так как **включает в себя** с необходимостью не менее четырех маркеров: **религиозный, исторический, культурологический и этнический.** В зависимости от региональных особенностей субъекта федерации, этнической принадлежности, территориального расположения и т. д., на первый план в конфессиональной самоидентификации может выступить любая из указанных составляющих.

То есть, активизация конфессиональной идентичности может быть связана не только с признаками «пробуждающегося» национального самосознания (межэтнической конфликтности) и рели-

Таблица 4. Соотношение религиозно-конфессиональной самоидентификации среди исследуемых национальностей в мегаполисе (в % от числа опрошенных в группах)

Национальность	Москва 2008			Москва 2014			Москва 2015			Москва 2016		
	Я — верующий	Я — православный	Я — мусульманин	Я — верующий	Я — православный	Я — мусульманин	Я — верующий	Я — православный	Я — мусульманин	Я — верующий	Я — православный	Я — мусульманин
Русские	**53**	67	–	**65**	90	–	**60**	87	–	**56**	86	–
	14			**25**			**27**			**30**		
Татары	**73**	–	80	**75**	–	**88**	**71**	26	68	**78**	12	82

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН

гиозности, но и с признаками политической солидарности, стимулированные процессом социально-экономических трансформаций (например, конфессиональная принадлежность — исламские ваххабиты). Кроме того, исторически традиционные конфессии в массовом сознании занимают место культурообразующей составляющей в общей системе ценностей духовной жизни того или иного народа.

Рассматриваемая нами проблема является одной из главных в методологическом плане для изучения религиозности населения и процесса десекуляризации общества в целом.

Подмена мировоззренческой стороны религиозной идентичности на конфессиональную ведет, несомненно, не только к завышению уровня религиозности населения, но и к возможно неверной трактовке направленности, характера и особенностей протекания не только секуляризационного процесса, но и определения степени этноконфессиональной напряженности в регионах РФ.

Для наглядного примера, рассмотрим в сравнительном анализе воздействие мировоззренческого и конфессионального аспектов религиозной идентичности на некоторые религиозные, национальные, социокультурные ориентации и установки.

Данный срез социологического анализа ведется при сравнении **двух** выстроенных **типологий: по отношению к религии и атеизму** (воцерковленный верующий, невоцерковленный верующий, колеблющийся между верой и неверием, неверующий, атеист) и по **конфессиональной принадлежности** (православие, католицизм, протестантизм, ислам, иудаизм и др.) Отношение и позиции этих групп к тезисам клерикального, религиозно-культурологического, экуменического характера представлены в сводных таблицах 5 и 6[1]

Социологические данные представленных сводных таблиц:

1. Роль Церкви как социального института в российском государстве и религии продолжает занимать одно из ведущих мест. Возможности идеологического влияния религиозных институтов достаточно широки, тому есть объективное подтверждение в интенсивности общественно-религиозной жизни в стране, когда большая часть населения если и не стала «воцерковленной», то религиозной — однозначно. Тем не менее, в мониторинговых социологических исследованиях субъектов РФ, в частности, в столице России *в последние годы* возрастающее значение Церкви

[1] В таблице 6 в первой типологии использованы, только крайние мировоззренческие группы «воцерковленные верующие» и «неверующие»+«атеисты»(нерелигиозное население).

как института и религии в системе социальных и духовных ценностей общества ***не фиксируется***:

— до 43% населения Москвы в 2010 г.,40% — в 2014 г., 32% — в 2015 г. и 27% — в 2016 г. считали, что «Церковь и религиозные институты играют положительную роль в жизни человека и общества, если они влияют на государственные решения». Происходит постепенное, медленное снижение положительной роли Церкви и других религиозных институтов в оценке всех опрошенных. В то же время, прослеживается, вполне закономерно, прямо пропорциональная зависимость положительной оценки данного тезиса от степени религиозной убежденности индивида. Положительно ответили на данный тезис 70% воцерковленных верующих, 31% невоцерковленных верующих и только 1% неверующих и атеистов (см. табл. 5).

Также отметим. что 47% населения мегаполиса в 2010 г., 53% — в 2014 г., 55% — в 2015 г. и 47% — в 2016 г. доверяют Церкви как социальному институту.

Причина падения доверия к Церкви, на наш взгляд, кроется, прежде всего, в политической ангажированности некоторых религиозных лидеров. Кроме того, 43% опрошенных москвичей (25% «воцерковленных» верующих, 57% неверующих и атеистов) считает, что РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т. п.). До 46% населения мегаполиса (57% «воцерковленных» верующих, 55% неверующих и атеистов) в 2016 году считает, что «РПЦ находится в привилегированном положении по отношению к остальным конфессиям», 32% респондентов города (20% «воцерковленных» верующих, 53% неверующих и атеистов) отметили позицию: «РПЦ злоупотребляет экономическими привилегиями в предпринимательской деятельности» (см. табл. 6).

Тезис: «Церковь (любая конфессия) должна быть отделена от государства» поддержали 39% москвичей в 2010 году и около половины населения города (47%) в 2014 году, 52% населения в 2015 году и 64% в 2016 году.

Нерелигиозное же население в своем большинстве, выступает за отделение церкви любой конфессии от государства (74% табл. 6). — Четверть москвичей в 2010 году, 40% — в 2014 году, 36% — в 2015 году и 31% — в 2016 году согласны с тезисом: «Православие должно стать государственной религией». Этот тезис поддержали 64% из группы «воцерковленных» верующих и лишь 2% из групп нерелигиозного населения. Учитывая, что удельный вес этой части населения крайне незначителен, можно говорить

Таблица 5. Оценка москвичами влияния Церкви, религиозных институтов на государственные решения (в % от числа опрошенных и в типологических группах), Москва 2014, 2015, 2016 гг.

Оценка респондента:	население			Типологические группы 2016 г.			
				Религиозное население			Нерелигиозное население
	2014	2015	2016	воцерковленные	невоцерковленные	колеблющиеся	Неверующие + атеисты
Церковь и религиозные институты играют положительную роль в жизни человека и общества, если они влияют на государственные решения	40	32	27	**70**	**31**	**3**	**1**
Церковь и религиозные институты играют отрицательную роль в жизни человека и общества, если они вмешиваются в дела государства	29	36	47	**16**	**39**	**61**	**79**
Затрудняюсь ответить	31	32	26	14	30	36	20

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и межнациональных отношений ИСПИ РАН

не столько о возрастающем значении Церкви и религии в обществе, сколько о «клерикализации» религиозного сознания населения столицы и других регионов России [1].

Тем не менее, особенно обращает на себя внимание следующая закономерность: респонденты, идентифицирующие себя с верующими людьми более последовательны в своих религиозных оценках, чем респонденты, идентифицирующие свою принадлежность к исламу или православию. У групп «православных» и групп «мусульман» по сравнению с группой верующих менее выражены клерикальные позиции, они чуть меньше доверяют Церкви как социальному институту, менее согласны с тезисом «Необходи-

[1] По данным мониторинговых исследований в регионах РФ, проведенных центром социальных индикаторов и показателей развития российского общества, сектором социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН в 2002–2016 гг.

Таблица 6. Согласие москвичей с тезисами о роли религии и религиозных институтов в жизни общества и государства (в % от опрошенных в группах) Москва, 2016 г.

ТЕЗИСЫ	Типологические группы			
	Религиозное население (воцерковленные верующие)	Нерелигиозное население (неверующие и атеисты)	Православные	Мусульмане
1. Православие должно стать государственной религией	64	2	46	5
2. Ислам должен стать государственной религией	7	0	2	15
3. Церковь (любой конфессии) должна быть отделена от государства	29	74	59	61
4. Всем религиям надо открыть доступ к любым национальностям	69	36	66	76
5. Необходимо содействовать объединению всех христианских церквей и организаций для сохранения христианских ценностей в современном мире и российском обществе	71	16	72	46
6. Необходимо в армии ввести институт священнослужителей	48	11	34	18
7. В школах должен быть общий предмет «Мировые религии»	21	27	25	33
8. В школах должны быть ОПК и ОИК на факультативной основе	36	9	25	38
9. Доверяю Церкви как социальному институту	89	6	77	59
10. РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т. п.)	25	59	35	38
11. РПЦ находится в привилегированном положении по отношению к остальным конфессиям	57	55	40	44
12. РПЦ злоупотребляет эконом. привилегиями в предпринимательской деятельности	20	53	23	34
13. Религия способствует сохранению национальной культуры и традиций	100	27	81	93
14. Религия воспитывает нравственность, удерживает от аморальных поступков	95	34	79	92
15. Религия приносит успокоение, помогает пережить трудности	95	35	92	93
16. Религия духовно обогащает человека	94	32	93	86
17. Религия разъединяет людей, способствует разжиганию религиозной и национальной розни	15	52	17	8

ТЕЗИСЫ	Типологические группы			
	Религиозное население (воцерковленные верующие)	Нерелигиозное население (неверующие и атеисты)	Православные	Мусульмане
18. Религия мешает формированию у человека научного мировоззрения	11	50	11	7
19. Религия отрицательно влияет на психическое здоровье людей	9	33	9	5
20. Религия ограничивает свободу выбора, мешает участию человека в общественной деятельности	12	36	12	10
21. Религия не играет никакой роли в жизни общества	10	34	9	13

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и межнациональных отношений ИСПИ РАН

* сумма ответов может превышать 100%, так как респондент мог указать несколько вариантов ответов.

мо в армии ввести институт священнослужителей» и т. д. (см. п. п., 9,6 табл. 6). Более трети населения Москвы считает, что свободная и неограниченная проповедь религиозных учений (миссионерская деятельность) помогает сближению всех народов: 49% москвичей и 69% религиозного населения согласны с тезисом: «Всем религиям надо открыть доступ к любым национальностям».

За «экуменическую солидарность» высказалось 55% респондентов города. Анализируя ответы респондентов с православной и исламской идентичностью по показателям «миссионерства», «консерватизма» и «экуменизма» можно отметить:

1. Респонденты исламской ориентации последовательны в своем «демократизме». На 10% больше приверженцев ислама, чем православия считают, что «всем религиям надо открыть доступ к любым национальностям» и «свободная и неограниченная проповедь религиозных учений помогает сближению всех народов» (2014 г.). И, наоборот, в два раза меньше респондентов среди мусульман, считающих, что каждая религия должна проповедоваться только там, где она существует (2010 г.).

2. Закономерно, что более 72% среди православных респондентов согласны с идеей экуменизма, что «необходимо содействовать объединению всех христианских церквей и организаций для сохранения христианских ценностей в современном мире

и российском обществе». Однако любопытно, что этот экуменический тезис поддерживают и 46% мусульман. Следовательно, у почти половины мусульман отмечается религиозная толерантность к православным верующим и их социальным институтам.[1]

Из предложенных респондентам 8-ми тезисов, определяющих ролевые функции религии в жизни человека, четыре номинации, характеризующие положительную роль религии, оказались наиболее значимыми (п. п. 13–16 табл. 6). Главная роль религии, считают москвичи, в сохранении традиций и национальной культуры, а также в воспитании нравственных позиций. Большее значение они придают и компенсаторной функции религии: психологической и духовной. В группах верующих, православных и мусульман положительные функции религии отметило подавляющее большинство (до 95%). Около трети из групп неверующих и атеистов признают, что «Религия способствует сохранению национальной культуры и традиций», и «Религия воспитывает нравственность, удерживает от аморальных поступков».

Несмотря на вышесказанное, нельзя говорить о толерантности большинства нерелигиозного населения по отношению к религии, так как 33% процентов из них указали, что «религия отрицательно влияет на психическое здоровье людей», 52% посчитали религию причиной разжигания религиозной и межнациональной розни и 36% отметили, что «религия ограничивает свободу выбора, мешает участию человека в общественной деятельности» и 50% нерелигиозного населения утверждают, что «религия мешает формированию у человека научного мировоззрения».

По сравнению с другими общественными структурами Церковь занимала лидирующее положение долгие постперестроечные годы. Конкуренцию последние 20 лет ей составляет, только лидер государственного аппарата — Президент Российской Федерации.

К 2016 году Церковь сравнялась по доверию с Академией Наук (общественной организацией), некоторыми государственными структурами (правительство РФ, Совет безопасности, мэр города) и занимает почетное 5 место (46%, 45%, 45%, 44%, 45% соответственно).

[1] Тем не менее, при более детальном анализе и выявления уровня толерантности и конфликтности в этноконфессиональных отношениях среди населения, проживающих на одной территории, вследствие исторически сложившихся традиций и обычаев тех или иных народов, да еще зачастую при несоблюдении норм миграционной политики, выявляются более жесткие конфликтные показатели взаимоотношений различных национальных и конфессиональных групп. Они проявляются как на уровне межличностного общения в кругу знакомых и друзей, так и не уровне коллективных сообществ (трудовых, общественных коллективах). Особые отношения в этой связи занимают отношение населения к межнациональным бракам и бракам людей разного конфессионального вероисповедания. Это тема взаимосвязанная, но с другой постановкой задач исследования.

Завершая социологический обзор роли религии и Церкви в российском обществе, в оценках верующих и населения в целом, зафиксируем еще раз, что ***доверие к Церкви как социальному институту падает.***

Ориентация москвичей на религию, как общенациональную идею, способную объединить россиян, также не находит значительной поддержки. Среди представленных номинаций: «патриотизм», «социальная справедливость и равенство», «национальная гордость», «общественный порядок», «безопасность», «державность», «свобода и права человека», «демократия», «интернационализм», «духовность», «социализм», «самодержавие», «общественное самоуправление» — «религия и религиозные традиции» занимают 9–10 места (10% среди опрошенного населения). В исследуемых типологических группах, только 13% православных респондентов, 18% среди мусульман и 13% религиозного населения (32% «воцерковленных» верующих и 9% «невоцерковленных» верующих) посчитали, что религия способна объединить россиян.

В заключение отметим, что для более объективного изучения социально-политической ситуации в стране и межнациональных противоречий и конфликтов в мегаполисе, считаем целесообразным определять уровень и степень религиозности и в целом десекуляризационный процесс в обществе, прежде всего, используя показатели религиозного сознания, учитывая религиозную самоидентификацию.

Конфессиональная принадлежность становится важнейшим не только религиозным, но и культурно-историческим этническим маркером. Таким образом, в современных условиях социополитической и межнациональной напряженности, конфессиональную идентичность уместнее изучать в контексте всего сложного комплекса ее составляющих социальных идентичностей.

Подводя некоторые итоги, следует заметить, что **десекуляризацию общества** можно фиксировать, прежде всего, при активизации религиозной жизни, доминировании религиозного населения, в условиях тенденций клерикализации общественных и государственных отношений, прозелитической деятельности ряда конфессий и религиозных организаций. Все вышеперечисленное действительно имеет место в современном обществе и, в частности, в столице Российской Федерации.

Лунева О.В.

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

SOCIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF HISTORY OF PSYCHOLOGY

Лунева Ольга Викторовна — профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент
Luneva Olga Viktorovna, Candidate of Science (psychology), professor of the Social and Ethnic Psychology Department at Moscow University for the Humanities

Аннотация: Представлена авторская периодизация истории изучения социального интеллекта, включающая шесть хронологических периодов. Показаны главные события, достижения и проблемы исследования социального интеллекта в каждом периоде. Изложены взгляды ученых на соотношение социального и общего интеллекта, взаимосвязь социального интеллекта и личностных характеристик, критика процедур и результатов исследований социального интеллекта. Подведены итоги исследования социального интеллекта с 1920 по 2011 гг. и определены перспективы его изучения.
Abstract: The article explains author's periodisation of history of social intelligence studying in psychology, which includes six chronological stages. Key developments, achievements and issues of every stage are presented. Explains views of scientists from different groups on interrelation between social and general intelligence, connection of social intelligence to personal characteristics. Critiques the methodology and results of social intelligence studying. Social intelligence studying conclusions for the period 1920–2011 are summarized. Further studying perspectives are determined.

Ключевые слова: история, межличностное взаимодействие, периодизация, регуляция поведения, социальный интеллект, социальное поведение
Keywords: history, interpersonal interaction, periodization, control of behavior, social intelligence, social behavior.

История изучения *социального интеллекта* человека приближается к столетию, если отсчитывать ее с момента появления его первого описания, сделанного Э. Торндайком в 1920 г. Если выбрать только два слова, характеризующие социальный

интеллект как предмет исследования, то ими, по мнению автора, могут быть прилагательные «значимый» и «трудноизучаемый». Значимый — потому, что социальная жизнь является сферой проявления и реализации социального интеллекта личности. Значимость и актуальность его исследования по-прежнему сохраняется на высоком уровне [2; 3]. *Трудноизучаемый* — потому, что предмет настолько сложен, что ряд ученых, не завершив исследования социального интеллекта, прекращали их [6]. Так, Морин О'Салливан, ведущий специалист Дж. Гилфорда по изучению социального интеллекта, отмечала, что одной из главных причин прекращения ее научной работы в этой области стали трудности, вызванные сложностями самой природы социального интеллекта [5].

Чем же были заполнены десятилетия научного поиска? В результате анализа публикаций, посвященных социальному интеллекту в целом и его отдельным сторонам, автором было выделено несколько хронологических периодов (Лунева, 2009). Критериями периодизации стали смена приоритетных научных подходов к пониманию природы социального интеллекта и развитие инструментальных исследовательских процедур. Далее будут кратко представлены достижения каждого периода, их вклад в развитие научного знания о социальном интеллекте с 1920 по 2011 гг.

1. Первые научные представления о социальном интеллекте (1920–1926 гг.)

— Эдвард Торндайк, американский психолог, ввел в психологию понятие «социальный интеллект». При этом он подчеркивал, что его содержание отличается от абстрактного и механического видов интеллекта. Торндайк рассматривал социальный интеллект как *способность понимать других людей, действовать разумно в человеческих отношениях, добиваться успеха в ситуациях межличностного взаимодействия, мудро управлять людьми разного пола и возраста.*

— В конце 19-го и начале 20-го века в печати появились работы известных социологов, посвященные проблемам межличностного взаимодействия и социального поведения. Социологи не использовали сам термин «социальный интеллект», но содержательно обсуждаемые ими феномены были близки к пониманию социального интеллекта Торндайком.

— Работы немецкого ученого Георга Зиммеля поставили в центр научного анализа жизнь человека в обществе, предопре-

делив во многом ход дальнейших социологических исследований. Понятие «взаимодействие как межличностное взаимодействие» является базовым в его социологической теории. Зиммелем были выделены цели и мотивы взаимодействия, а также возникающие в процессе взаимодействия людей взаимные воздействия, порождающие формы социальной жизни. Близкие к этим представления положены в основу современных концепций о предмете социальной психологии [14; 15; 20].

— Немецким социологом Максом Вебером была разработана теория социального действия как инструмента для объяснения поведения различных типов людей, определено понятие «социальный» как характеристика действия, соотносимого с другими людьми и ориентированного на их поведение. Это определение представляется особенно значимым, поскольку чаще всего прилагательное «социальный» трактуется как «общественный» без раскрытия его содержания. Вебер не только связал социальные действия со *смыслом, ценностью*, выделил их типы, но и показал в них роль *нравственных, рациональных и аффективных* компонентов.

— Появилась самостоятельная область социологии (М. Вебер, К. Маннгейм) — социальное познание. Родоначальниками теории социального познания была показана *социальная обусловленность знаний, роль культурных приобретений человека в процессе познания действительности*, приоритет над мышлением переживаний, возникающих в процессе совместной деятельности людей.

Первый период изучения социального интеллекта определил место важнейших маркеров формирования представлений о социальном интеллекте и показал возможные направления его исследования. Учеными, работавшими в этот период, было установлено, что сферой проявления социального интеллекта является *взаимодействие* людей, что это взаимодействие может быть разного типа, что поведение человека в этом взаимодействии связано с пониманием других людей, что оно — социально и детерминированно системой ценностей и смыслов. Регуляция социального поведения осуществляется при этом когнитивными, аффективными и нравственными компонентами. Следует отметить, что все научные представления этого периода не были проверены эмпирически. Правда, Вебер использовал для объяснения своих теоретических положений отдельные случаи и примеры из реальной жизни.

2. Измерение социального интеллекта и выявление его связи с социальным взаимодействием (1927–1938 гг.)

— Главным достижением этого периода были попытки операционализации социального интеллекта. Психологи определили характеристики, которые относятся к сфере социального поведения и ранее не были предметом исследования. В этот круг вошли следующие характеристики: *умение устанавливать и поддерживать отношения с людьми, уверенно вести себя в разных социальных ситуациях; способности понимать состояния других людей; компетентности в решении социальных вопросов и проблем; чувствительность к стимулам, исходящим от других членов социальной группы; умение понять настроения незнакомых людей, их личностные характеристики* (Т. Хант, Ф. Вернон и др.).

— Появление тестов социального интеллекта, которые до сих пор используются в практике психологических исследований (Тест Дж. Вашингтона — GWSIT и др.).

— У части исследователей возникли сомнения в адекватности применения традиционных методов психологических измерений к поликонтекстным и сложным феноменам человеческого взаимодействия, к которым относится и социальный интеллект. Психометрическая недоказательность существования социального интеллекта вступила в противоречие с реально существующими его проявлениями.

— Отечественным психологом Л.С. Выготским была показана значимость процесса социального взаимодействия для развития высших психических функций человека и овладения личностью *высшими формами поведения*. Особенно подчеркивалось, что в процессе социального взаимодействия участвует не просто набор психических функций, а целостная *личность.*

— Американским социологом Дж. Г. Мидом были выделены структуры социального символического акта и раскрыто понимание его как *обмена* установками, смыслами и значениями индивидов, включенных в диалог. Им же осуществлен анализ *символов* как условий и средств социального взаимодействия, через которые можно изучать его характеристики и проявления.

— Группой социологов было сформулировано понимание социальных норм и ценностей, культурных качеств и образцов поведения, вырабатываемых каждой эпохой, как важнейших регуляторов социального взаимодействия (Дж. Мид, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.).

— Дано описание *структуры социального действия*, в которой действующий субъект, учитывая реальную социальную ситуацию, ставит *цель* и выбирает *средства* ее достижения (Т. Парсонс).

3. Исследование отдельных характеристик социального взаимодействия (конец 30-х годов — 1964 г.)

— Впервые в батарею тестов интеллекта, разработанных на основе концепции американского психолога Л. Терстоуна, были включены *социальные способности, связанные с пониманием других людей* (SATB).

— В этот же период дважды (1949, 1955) переиздавался тест социального интеллекта Дж. Вашингтона (GWSIT), подвергшийся активной критике сторонников психометрического подхода. Это отражало потребность исследователей (в том числе практических психологов) в инструментах диагностики социального интеллекта.

— Продолжились исследования, посвященные непосредственно социальному интеллекту (С. Витрол, Д. Джексон, В. Кисс, Л. Кронбах, К. Стрэнг, Л. Сечрест). Появились также новые концепции, рассматривающие *характеристики личности*, проявляющиеся в *социальном взаимодействии (*Е. Долл, Г. Келли, Л. Колберг). Кроме того, была разработана модель личности Р. Кеттела, а затем модель «Большая пятерка», которые впоследствии также использовались для определения влияния личностных свойств на различные стороны поведения человека.

— Опубликован в этот период и первый вариант теории *социального научения* А. Бандуры, ставшей очень популярной в объяснении механизмов возникновения у человека различных моделей поведения.

— Американским социологом Р. Мертоном была поставлена проблема соотношения *образа мира*, сотворенного человеком, и *реального мира*, в котором он живет. Ученый предположил, что модель поведения в конкретной социальной ситуации определяется субъективным образом (картиной) этой ситуации.

— Серьезный вклад в социологию и психологию социального поведения был внесен американским социологом И. Гоффманом. Разработанный им «*драматургический метод*» и «*метод рамочного анализа*» использовался автором для исследования *повседневного взаимодействия* людей. Предметом анализа в этом случае становились различные компоненты поведения: *создание впечатления о себе у других; формирование впечатления друг о друге участников взаимодействия; состояния и переживания*

людей в конкретных условиях взаимодействия; пластичность поведения, возникающая под воздействием обстоятельств и в результате развития процесса взаимодействия индивидов.

4. Социальный интеллект в структуре модели интеллекта Гилфорда (1965–1969 гг.)

— Впервые в США было предпринято масштабное исследование социального интеллекта в рамках проекта «*Модель структуры интеллекта Гилфорда*». Дж. Гилфорд стал организатором и научным руководителем этого проекта на основе теоретически разработанной им концепции интеллекта.

— Исследователям удалось измерить выраженные социальные способности двух типов: *понимания поведения людей и эффективного взаимодействия* с другими людьми. Так, группой О'Салливан были выявлены относительно самостоятельные *социальные способности к познанию поведения*. А группой под руководством М. Хендрикса были выделены группы способностей дивергентного мышления, включенные в *креативный социальный интеллект.*

— Выделенные в исследовании поведенческие факторы не вписывались в модель структуры интеллекта Гилфорда. Следовательно, был поставлен вопрос о поиске новых путей ментальной репрезентации социального взаимодействия и механизмов его регуляции.

— Участники проекта пытались разработать тесты, измеряющие способности человека эффективно взаимодействовать с людьми, а не просто правильно интерпретировать их поведение. *Сложная природа реального социального взаимодействия* вызвала серьезные трудности при разработке тестов.

— Результаты, полученные группой Гилфорда, интерпретировались некоторыми авторами как доказательства того, что *социальный интеллект* представляет собой *самостоятельный вид интеллекта*, который не является общим интеллектом и *проявляется в социальной жизни.*

— Исследования команды Гилфорда способствовали развитию научных знаний о социальном интеллекте, а также росту интереса ученых к его изучению. Результатом исследования социального интеллекта по модели Гилфорда стала *методика измерения социального интеллекта,* разработанная им совместно с О'Салливан. Эта методика активно используется современными психологами.

— Г. Блумером, известным американским представителем символического интеракционизма, была раскрыта роль интерпре-

тации людьми символов и значений. Он полагал, что в процессе совместной взаимной интерпретации людьми символов происходит своеобразное «*конструирование социальной реальности*». Процессы принятия и приписывания значений создают *символическую среду жизни, отношений, взаимодействий, коммуникаций.*

5. Личность в контексте исследования социального интеллекта (1970–1989 гг.)

— Одним из главных достижений этого периода является то, что, несмотря на очевидные трудности изучения социального интеллекта и противоречия в научных представлениях о нем, исследования в этой области продолжались. В результате накапливался эмпирический материал, осознавалась необходимость исследования реального поведения людей. Это происходило на фоне получения противоречивых данных о взаимосвязи оценок поведения, показателей социальных шкал и академического интеллекта (Д. Китинг, М. Тисак, М. Форд, Н. Фредериксон и др.).

— Исследователи социального интеллекта, помимо тестов, разрабатывали и использовали и другие методические инструменты: вопросники, самоотчеты, экспертные оценки. Это происходило при активной критике подобных процедур получения эмпирических данных со стороны представителей психометрического подхода (Р. Антони, Дж. Бедел, Л. Браун, Г. Марлоу и др.).

— Многих американских исследователей не устраивало применение *психометрического подхода* к *социальному интеллекту*. Их недовольство тем, что в рамках этого подхода главным является *ранжирование* участников исследования, стало стимулом к поиску иного понимания природы социального интеллекта. *Главным фокусом анализа становится личность*, которая анализируется с учетом развития ее социального интеллекта. Взгляд на личность через социальный интеллект основан на традиции социально-когнитивного подхода к личности, включающей теорию личностных конструктов Г. Келли, развитие когнитивных теорий социального познания и научения (А. Бандура, Дж. Роттер, И. Толмен).

В рассматриваемый период был разработан социально-когнитивный подход к личности в рамках исследования социального интеллекта. Он объединил работы, учитывающие в структуре социального интеллекта когнитивный потенциал личности, накопленный ею социальный опыт и компетентности, позволяющие человеку *решать жизненные задачи разного уровня* (У. Мишел, Н. Кантор и Дж. Кихлстром, Р. Стернберг, Ю.Н. Емельянов и др.).

— Наиболее продуктивными в этот период оказались, на наш взгляд, исследования *имплицитных теорий*, в которых был выделен фактор социального интеллекта. Он включал значительный ряд характеристик: *принятие людей такими, какие они есть; признание собственных ошибок; предварительное обдумывание своих слов и поступков; чувствительность к потребностям и желаниям других людей; откровенность и честность по отношению к себе и другим людям; проявление интереса к людям из ближайшего окружения* и др. Подобного рода исследованиями обыденных представлений занимался значительный ряд ученых (И. Роч, У. Мишел, Н. Кантор, И. Смит, Р. Френч, Дж. Мезич, У. Нейссер, Р. Стернберг и др.).

— Были опубликованы работы *отечественных ученых*, отражающие взгляд на социальный интеллект как способность, которая проявляется в сфере социальных взаимодействий и связана с *социальной чувствительностью, пониманием себя и других, а также взаимоотношений людей* (М.И. Бобнева, Ю.Н. Емельянов).

— Американский психолог Г. Гарднер представил разработанную им теорию множественных интеллектов, главной теоретической основой которой стало отрицание приоритетета единственной когнитивной способности — абстрактного интеллекта и признание *наличия разных видов интеллекта.* Среди них Гарднером были выделены внутриличностный и межличностный интеллекты, наиболее близкие к социальному интеллекту.

— В конце 80-х годов XX века произошло значимое событие — американский психолог Р. Стернберг опубликовал свою *триархическую теорию интеллекта*. Одним из 3-х основных компонентов интеллекта выделен *практический интеллект*. Автор включил в его структуру, наряду с другими составляющими, *социальный интеллект и социальные способности*. Стернберг считал, что реализация практического интеллекта осуществляется в решении профессиональных и жизненных задач.

Таким образом, пятый период истории изучения социального интеллекта оказался плодотворным для создателей теорий, учитывающих, помимо когнитивного, иные компоненты, включенные в реальное поведение, социальное взаимодействие. Эти компоненты обеспечивают развитие разных сторон личности, решение ею разнообразных жизненных и профессиональных задач. Однако в исследованиях социального интеллекта на протяжении всей истории недостаточно внимания уделялось его аффективным компонентам. Предложенные в этот период научные идеи и подходы к пониманию социального интеллекта были связаны с личностью

в целом, ее отдельными характеристиками, а также были ориентированы на изучение реального поведения человека в различных обстоятельствах. На наш взгляд, именно в этот период состоялось важное осмысление — соединение в сознании исследователей предмета исследования, *социального интеллекта*, с его носителем — *личностью*.

6. Развитие научных представлений о социальном интеллекте (1990–2011 гг.)

— В этот период продолжились исследования по направлениям, заложенным в предыдущие годы. Значительное внимание уделялось измерению компонентов социального интеллекта и их взаимосвязи. Так, группой американских исследователей был выявлен высокий уровень взаимосвязи *социальной перцепции и социальной проницательности.* Также было установлено, что все измеряемые в исследовании *социальные способности* не имеет тесной связи с *академическими способностями* (С. Вонг, Дж. Дэй, С. Максвелл, Н. Мире и др.).

— Активно изучались *имплицитные теории* социального интеллекта в различных культурах, странах и возрастных группах. Так, выяснилось, что в некоторых племенах Африки взрослые ценят *социальную ответственность, сотрудничество, повиновение, участие в семейной и социальной жизни*. Высокий интеллект они приписывают людям, которые не стремятся получать образование, а работают на благо своей семьи. Исследователи выявили, что акцент на *социальных сторонах* интеллекта — неотъемлемая часть африканской и азиатской культур. Причем в этих культурах социальность отражена в представлениях в большей степени, чем это свойственно представлениям людей на Западе (Р. Стернберг и др.).

— В Институте психологии РАН был выполнен ряд исследований имплицитных представлений: *об умном человеке, интеллектуальной личности, о нравственном человеке, об эмоционально зрелой личности* (см. также: [7; 19; и др.]). В них было выявлено, что в имплицитных представлениях об интеллекте присутствуют, как *когнитивный*, так и *социальный* компоненты, а также *личностные* характеристики [4; 9; 10; 12; и др.].

— В исследовании *имплицитных представлений* в разных возрастных группах было установлено, что с возрастом соотношение *инструментальных (внимательность, коммуникабельность, приятная внешность)* и *терминально-личностных (любящий людей,*

мудрый, дипломатичный, порядочный, честный) характеристик имеет выраженную тенденцию *уменьшения инструментальных* характеристик и *увеличения терминально-личностных*. Установлено также влияние социального опыта на представления о социальном интеллекте и наличие в них нравственных и других социально-значимых характеристик личности (О. Лунева).

— Был выполнен ряд работ по оценке характеристик, составляющих имплицитное понимание людьми социального интеллекта, а также измерению социальной компетентности. В результате учеными был выделен наиболее *отчетливый фактор — социальный интеллект*, и они пришли к заключению, что наконец-то настало время прямо отказаться от понимания социального интеллекта как просто проявления общего интеллекта в социальных условиях (Ф. Аккерман, О. Джон, Р. Канфер, К. Космитзки, Р. Шнейдер и др.).

— Важным результатом рассматриваемого периода стало появление новых концепций социального интеллекта и широкое признание многими исследователями существования самостоятельного конструкта «социальный интеллект». Так, В.Н. Куницына представила свою концепцию, в которой *социальный интеллект* рассматривался как *глобальная способность, возникающая на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих свойств*. Для его диагностики Куницыной был разработан и применен в исследовании специальный методический инструментарий.

Д.В. Ушаков, заведующий лабораторией Института психологии РАН, разрабатывал проблемы социального интеллекта в рамках авторской структурно-динамической теории интеллекта. В его работах, а также исследованиях, выполненных под его научным руководством, социальный интеллект рассматривается как *способность понимать других людей, их взаимоотношения и социальные ситуации* [8; 11; 13; 16; и др.].

Другой отечественный исследователь, профессор Московского педагогического государственного университета А.И. Савенков в своей концепции выделяет три группы критериев, описывающих социальный интеллект: *когнитивные, эмоциональные и поведенческие.*

— В этот же период начало формироваться новое, *прикладное направление*, целью которого стало развитие социального интеллекта в интерактивных формах обучения и развития персонала организаций. В рамках этого направления стали складываться авторские концепции и методические подходы, широко представ-

ленные в популярной литературе для менеджеров и бизнес-тренеров (К. Альбрехт, А. Либина и др.).

— Значимым событием данного периода стало появление в исследовательском поле феномена и понятия «*эмоциональный интеллект*», представление авторских концепций этого конструкта, отразившего важность *аффективных компонентов* во взаимодействии человека с социальной средой (Р. Бар-Он, Д. Големан, Д. Карузо, Д. Майер, П. Сэловей и др.). Существенным стимулом для возникновения этого события, на наш взгляд, стали трудности в изучении самого социального интеллекта, значимость аффективного компонента в реальном взаимодействии людей, а также запросы бизнеса. Кадровым службам и структурам обучения и развития персонала срочно нужны были надежные методики диагностики и обучения персонала, а исследования в области социального интеллекта затягивались, не принося быстрого практического результата. Информация об эмоциональном интеллекте широко распространилась среди практических работников в сфере управления и обучения персонала, а также среди обычных людей.

— Таким образом, в шестом периоде изучения социального интеллекта у значительной части исследователей сложилось консолидированное признание факта существования социального интеллекта как самостоятельного вида интеллекта, проявляющегося в социальном взаимодействии. Со времени появления в психологии самого термина «социальный интеллект» прошло более 70-ти лет...

В предметном поле психологии в этот период появился и начал активно изучаться эмоциональный интеллект. Сам термин и понимание его соотношения с социальным интеллектом вызвали в научном сообществе бурные дискуссии.

Ключевым фактором рассматриваемого периода стало активное участие в исследованиях социального интеллекта отечественных ученых и разработка ими собственных концепций.

Завершением данного периода была выбрана дата публикации в 2011 году новой главы «Социальный интеллект» в «Кембриджском учебном пособии по интеллекту», написанной, пожалуй, одними из самых значимых и давних исследователей социального интеллекта Н. Кантор и Дж. Кихлстромом (Kihlstrom, Cantor, 2011).

Заключение

Главными характеристиками кратко представленной истории изучения социального интеллекта можно считать следующие.

1. Социальный интеллект стал предметом научного исследования и обрел статус самостоятельной психологической категории. Социальному интеллекту посвящено значительное количество публикаций, включающих научные монографии и статьи, а также главы в учебных пособиях.

2. В научном сообществе исследователей социального интеллекта сложилась широкая картина представлений о природе социального интеллекта. Одной из точек зрения, набирающей все б**о**льшую популярность, стало понимание социального интеллекта как способности личности, проявляющейся в социальном взаимодействии.

3. Большинство работ в области изучения социального интеллекта выполнено исследователями из США. В отечественной психологии проблемы социального интеллекта изучались наиболее полно в последние два десятилетия. Интерес ученых к изучению социального интеллекта не был устойчивым: научная активность колебалась в разные периоды, проходя характерные спады и подъемы.

4. Социальный интеллект является междисциплинарным (внутренним и внешним) предметом исследования. Разные научные направления психологии внесли свой вклад в развитие научных знаний о социальном интеллекте. Из смежных дисциплин наибольший вклад внесен социологией и наукой управления (менеджментом).

5. Разработано значительное число концепций, моделей и подходов, отражающих авторское понимание социального интеллекта. Существенно более скромным оказался арсенал диагностических методик и процедур.

6. Важным результатом многолетнего изучения социального интеллекта личности стало накопление проблем и вопросов, которые ждут своего решения и определяют перспективы исследований в этой области.

Текущий исследовательский период изучения социального интеллекта — седьмой по счету, начавшийся в 2012 году, отличается, судя по публикациям, ярко выраженной *практической направленностью*. В рамках практической психологии существуют методические наработки, авторские концепции и подходы, которые активно используются в сфере подбора, обучения и развития персонала. Нередко продукты, создаваемые практиками, компенсируют отсутствие доказательных научных теорий. Тем не менее, это направление очень востребовано тренерами, менеджерами организаций, педагогами, социальными работниками и др. Пробле-

ма, обусловленная расхождением фундаментальной науки и практики, является одной из самых значимых [1; 17; 18] и относится не только к социальному интеллекту. Но история науки дает основания верить в успешное решение возникающих научных и практических проблем.

Литература

1. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Институт психологии РАН, 2015.
2. *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
3. *Журавлев А.Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
4. Интеллект, творчество и формирование личности в современном обществе: сборник трудов Всероссийской школы молодых ученых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
5. *Лунева О.В.* Социальный интеллект: история изучения и основные модели: Научная монография. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2009.
6. *Лунева О.В.* Социальный интеллект: основные проблемы и перспективы исследования // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 41–52.
7. Принцип развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
8. Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
9. Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
10. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
11. Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
12. Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
13. Современные исследования интеллекта и творчества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
14. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
15. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
16. Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

17. *Ушаков Д.В., Журавлев А.Л.* Исследование психологической практики как путь ее сближения с фундаментальной психологией // Экономическая психология: Актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы 12-й международной научно-практической конференции. Иркутск, 2011. С. 32–38.
18. *Ушаков Д.В., Журавлев А.Л.* Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012. Т. 33 № 2. С. 127–132.
19. Феномен и категория зрелости в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
20. *Хащенко В.А., Журавлев А.Л., Рощин С.К., Шорохова Е.В.* История и методы социальной психологии // Психология XXI века: Учебник для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2003. С. 613–634.
21. Kihlstrom J.F., Cantor N. Social Intelligence // Cambridge handbook of intelligence / Ed. R. Sternberg, S.B. Kaufman. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 564–580.
22. Landy F. History, her history… APS Observer. 2005. www.psychologicalscience.org/observer.

Воловикова М.И.

ИСТОРИЯ ЛАБОРАТОРИИ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

THE HISTORY OF PERSONALITY PSYCHOLOGY LABORATORY OF IP RAS

Воловикова Маргарита Иосифовна — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН
Volovikova Margarita Iosifovna — Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Psychology of RAS

Аннотация: Прослеживается история возникновения в Академии наук СССР научного подразделения, целью которого стало исследование личности. Эта история связана с именами С.Л. Рубинштейна, Л.И. Анцыферовой, К.А. Абульхановой и др. Делается вывод о научном вкладе коллектива Лаборатории в утверждение психологии личности как научного направления и отрасли психологической науки советского и последующих периодов.
Abstract: The article traces the history of scientific division in the Academy of Sciences of the USSR whose purpose was the study of personality. This history is connected with such scientists as S.L. Rubinstein, L.I. Antzyferova, K.A. Abulkhanova and others. The article considers the current situation of research work in the Institute of Psychology RAS, primarily in the laboratory of personality, as well as prospect researches.

Ключевые слова: психология личности, история психологии, Академия наук, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова
Keywords: psychology of personality, the history of psychology, Academy of Sciences, S.L. Rubinstein, L.I. Antzyferova, K.A. Abulkhanova

Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2016-0002

Лаборатория психологии личности была создана в Институте психологи АН СССР (ныне — РАН) в 1984 г. Первым заведующим стала известный отечественный персонолог Л.И. Анцыферова, считавшая себя ученицей С.Л. Рубинштейна.

Отметим, что С.Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» предостерегал от попыток включения такого объекта как личность в психологию. Он писал: «Как ни велико значение проблемы личности в психологии, личность в целом никак не может быть включена в эту науку. Такая психологизация личности неправомерна» [20, с. 679]. И.А. Джидарьян вспоминает, что еще в начале 1960-х годов не было принято заниматься психологией личности. Отчасти термин «субъект» призван был заменить не определенный в отече-

ственной гуманитарной традиции термин «личность». Даже в дореволюционной России личность понималась неоднозначно.

Как отмечает историк Ф. Гайда, до 1830-х годов слово личность употреблялось лишь в негативном смысле: назвать кого-то «личностью» можно было лишь от желания обидеть человека. Впервые в позитивном значении это понятие было использовано в заметках Сперанского в 1838 году: «Собственность лица есть власть человека над собственными его силами, как душевными, так и телесными. Власть сия основана на *первообразной власти духа над душой и души над телом*. Сие называется *личностью*, самостоятельностью…» (приводится по: [6]). Ф. Гайда отмечает, что в России XIX века сформировалось два понимания человеческой личности: 1) происходившее от гегелевской философии, связанное с переживанием собственного «Я», 2) основанное на святоотеческой традиции, предполагающее самореализацию человека в духе, любви и стремлении уподобиться Личности Христа. Сперанский говорил об отечественном понимании. С ним солидарны были славянофилы.

С.Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» писал: «Личность не тождественна ни с сознанием, ни с самосознанием» [20, с. 679]. Однако именно с Рубинштейна как организатора в АН СССР в 1945 г. Сектора философских проблем психологии следует начать историю Лаборатории психологии личности. В начале 1972 г. Сектор почти в полном своем составе перешел в образованный Институт психологии АН СССР, а в декабре 1973 г. из Сектора выделилась лаборатория социальной психологии, самим же Сектором стала руководить Людмила Ивановна Анцыферова. В Секторе работали такие видные ученые как Т.И. Артемьева, В.Г. Асеев, А.В. Брушлинский, И.А. Джидарьян, Д.Н. Завалишина, Я.А. Пономарев, Г.С. Тарасов, И.И. Чеснокова и молодые сотрудники, аспиранты, среди которых были И.В. Вавилов, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина, В.А. Елисеев, Н.В. Золотарева, Т.Б. Карцева, Н.Е. Харламенкова и другие.

В этот и последующие периоды в Секторе философских проблем психологии активно разрабатывается личностная проблематика. В издательстве «Наука» выходят в свет работы, в которых рассматриваются методологические проблемы самосознания личности [24], проблема способностей личности [3], вопросы, связанные с мотивацией [4] и потребностями личности: духовной [22] и эстетической [7]. Выходит в свет крупная монография Анцыферовой «Материалистические идеи зарубежной психологии» [1]. Важно также отметить, что исследования проблем личности про-

должались и в лаборатории социальной психологии, причем они относились как к общим вопросам [1; 25; и др.], Ж так и вполне конкретным [10; и др.].

Под редакцией Анцыферовой в эти годы готовятся коллективные монографии «Принцип развития в психологии» (1978), «Психология формирования и развития личности» [18]. Формулируется оригинальная концепция, понимающая личность как развивающуюся системную целостность, для которой развитие — основной способ существования, способ ее бытия. Анцыферова определяет личность через способ бытия человека в обществе, как индивидуальную форму существования и развития социальных связей и отношений. Знакомство с публикациями периода, предшествующего созданию ею Лаборатории (да и последующих периодов), позволяет заметить, что тема самосовершенствования, самоактуализации, других видов позитивной саморегуляции личности занимает в них центральное место. Во многом Анцыферова опиралась на прекрасное знание зарубежных теорий личности, будучи в то время одним из немногих специалистов в этой области. Анцыферова стала первым заведующим образованной в 1984 г. Лаборатории психологии личности и оставалась им до 1991 года.

Первыми сотрудниками Лаборатории психологии личности были В.Г. Асеев, Т.А. Артемьева, Н.И. Бетчук, А.В. Брушлинский (продолжавший считать себя членом коллектива Лаборатории и позднее, когда он стал директором Института), И.А. Джидарьян, Е.С. Калмыкова, Т.Б. Карцева, А.А. Кроник, Г.С. Тарасов, Н.Е. Харламенкова, И.И. Чеснокова и другие. Разработки, начатые в этот период, в том числе в виде кандидатских, аспирантских исследований Т.Г. Гаевой, А.А. Файзулаева, Е.С. Калмыковой, Т.Б. Карцевой, Е.А. Спиркиной, Т.Д. Шевеленковой, Н.Е. Харламенковой, представляют интерес и в настоящее время. В этот период был заложен мощный фундамент будущего развития Лаборатории и в целом — психологии личности как важнейшей отрасли психологической науки.

В 1991 году в стране начались социальные, экономические, идеологические изменения, в анализ которых включился коллектив Лаборатории. С 1991 по 2009 заведование Лабораторией было возложено на Ксению Александровну Абульханову, идеи которой оказались очень созвучны времени. Рассматривая личность как субъект инициативы и ответственности, Абульханова разработала типологический подход к исследованию сознания личности. В период резких социальных изменений 1990-х годов данный подход выполнил роль одного из мощных объяснительных принципов тех процессов, которые в это время происходили на уровне лич-

ности. В конце 1980-х — на рубеже 1990-х под редакцией Абульхановой вышли два тома «Психология личности в социалистическом обществе» [16; 17], в которые вошли и работы сотрудников Лаборатории. На закате «социалистического общества» удалось опубликовать и тем самым сохранить многие научные разработки (в том числе совместные с учеными других стран бывшего «социалистического лагеря»), которые остаются актуальными и в наше время. Здесь содержались продуманные и взвешенные предупреждения о проблемах личности, связанных с крушением идеологии, выводы о последующем расслоении общества и о печальных последствиях этого расслоения для человека.

Сложное время, в которое вступила и страна, и отечественная наука в 1990е годы, тем не менее, оказалось достаточно продуктивным для Лаборатории. Выходили сборники научных трудов, читая которые можно заметить, что психология личности здесь не закрывалась от проблем, а оказывалась в самой гуще событий, предлагая не только грамотные объяснения, но и возможные их решения. Эти исследования были очень созвучны тому, чем занимались социальные психологи ИАП РАН в этот же период [9; 21; и др.]. Наибольшую известность получила коллективная монография «Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики» [19]. В центре внимания оказалось *сознание личности в условиях социальных изменений*, исторически сложившиеся особенности российского менталитета и его современное состояние. Исследованиями сотрудников, докторантов и аспирантов Лаборатории был охвачен самый широкий спектр вопросов, касавшихся отечественной специфики представлений об умном человеке (Н.Л. Смирнова), представлений о счастье в российском менталитете (И.А. Джидарьян); психологии понимания, представлений о правде, истине и справедливости (В.В. Знаков); представлений о нравственном («порядочном») человеке (Л.Л. Гренкова-Дикевич и М.И. Воловикова).

В двухтысячные годы исследования были продолжены в работах по психологии мудрости [2], психологии самоутверждения личности [23], нравственной психологии, психологии совести [5; 14], аксиопсихологии личности [11; 12], психологии счастья и оптимизма [8], психологии праздника (А.М. Борисова, М.И. Воловикова, С.В. Тихомирова) и др.

В период с 2009 по 2015 годы, время заведования М.И. Воловиковой, с одной стороны, отмечалось сохранение и развитие традиций Лаборатории. С другой стороны, это начало нового времени жизни и Лаборатории, и Института, связанного с реформой РАН.

Лаборатория заметно выросла. Успешно работают молодые исследователи (Н.В. Борисова, А.М. Борисова, Н.А. Журавлева, Л.Ш. Мустафина). Включились в разработку лабораторной проблематики известные специалисты в области психологической науки (Т.В. Галкина, А.Н. Лебедев и др.), заведование коллективом взял на себя член-корреспондент РАН А.В. Юревич. Есть и «хранитель» традиций Лаборатории — сотрудник, который никогда не расставался с нею, — Инна Аршавировна Джидарьян. За большой вклад в развитие гуманистической направленности отечественной психологии личности И.А. Джидарьян в 2014 году была присуждена Премия РАН им. С.Л. Рубинштейна.

Одно из недавних исследований Джидарьян связано с рассмотрением веры, надежды и любви как оптимистической триады чувств, как основы жизнелюбия личности [8]. Образующие оптимистическую триаду единичные сущности, включающие веру, надежду, любовь, относятся к тому классу высших, хотя четко и не очерченных, структурно трудно дифференцируемых чувств, которые выражают сферу духовного в человеке, отношения с трансцендентальным, мета-эмпирическим измерением реальности. Они интегральны по отношению к личности и всей ее жизни. Показано, что уникальность триады состоит в максимально присущей ей позитивности и выраженности того, что Рубинштейн называл «человеческое в человеке» и что делает людей способными смягчать, превозмогать, преодолевать объективный трагизм жизни. Показано, что по своему объективному смыслу и направленности она является антиподом «трагической триады» В. Франкла в его логотерапевтической концепции (страдание, вина, смерть). В результате проведенного теоретического исследования Джидарьян пришла к выводу, что вера, надежда и любовь как высшие чувства и важнейшие составляющие внутреннего мира личности, образуют своеобразную духовную ось, генерирующую необходимые для полноценного человеческого бытия благотворные, созидательные силы. Триединая сущность этих чувств выражается в том, что каждое из них имеет свои основания в двух других, усиливая жизненный потенциал и способствуя более полной реализации позитивных возможностей друг друга [8].

Интерес к психологической норме, к позитивным качествам личности, ее стремлению к самоактуализации, условиям поддержания психологического здоровья личности характеризовал направленность исследований в Лаборатории с самого начала ее образования, а также все научное творчество Анцыферовой в разные периоды, но особенно в последние десятилетия. Показано, что тема психологического здоровья неразрывно связана с нрав-

ственной темой по самым глубинным основаниям. Разрушение нравственности с неизбежностью ведет к разрушению психологического здоровья. И наоборот, восстановление нравственного состояния человека и общества — это путь к укреплению здоровья граждан. Намечены пути помощи личности в восстановлении психологического здоровья [15].

Личность, не являясь в полной мере объектом психологии, открывается некоторым психологическим методам исследования, когда речь идет о представлениях, о защите психологического здоровья, о созидающей силе нравственного закона в триединстве веры, надежды и любви.

Огромный вклад в развитие психологии личности внесли Анцыферова (зав. Лабораторией с 1984 по 1991 г.) и Абульханова (зав. Лабораторией с 1991 по 2010 г.). Прежде всего, этот вклад связан с тем, что эти крупные ученые являются создателями своих оригинальных теорий личности. Теорию личности Анцыферовой можно назвать формулировкой названия одной из ее статей — «личность как открытая система». Теория личности Абульхановой, скорее всего, будет названа — «личность как субъект своего жизненного пути». Перспективы исследований связаны с развитием и того, и другого направления.

Перспективы Лаборатории связаны и с исследованиями молодых сотрудников: Н.В. Борисовой (духовность личности), А.М. Борисовой (психология праздника), Н.А. Журавлевой (ценностные ориентации личности), Л.Ш. Мустафиной (психология совести).

Нужно также помнить о той позитивной роли, которую в становлении российской психологии личности сыграли исследования В.Г. Асеева, А.В. Брушлинского, Г.С. Тарасова, И.И. Чесноковой. Трудами этих, а также ныне работающих сотрудников в российской науке утвердилась психология личности как направление, впитавшее в себя отечественные гуманитарные традиции, наряду с использованием лучших достижений мировой психологии.

Литература

1. *Анцыферова Л.И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М.: Наука, 1974.
2. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 1-е изд., 2004; 2-е изд., 2006.
3. *Артемьева Т.И.* Методологический аспект проблемы способностей. М.: Наука, 1977.

4. *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.
5. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 1-е изд., 2004; 2-е изд., 2005.
6. *Гайда Ф.* К пониманию человеческой личности в русской традиции // Интернет-журнал Православие. Ру 12 мая 2011 г. http://www.pravoslavie.ru/jurnal/46437.htm
7. *Джидарьян И.А.* Эстетическая потребность. М.: Наука, 1976.
8. *Джидарьян И.А.* Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
9. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
10. *Журавлев А.Л.* Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 57–67.
11. *Журавлева Н.А.* Динамика ценностных ориентаций личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
12. *Журавлева Н.А.* Психология социальных изменений. Ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
13. Платонов К.К. Ленинская теория отражения и учение о личности // Проблемы психологии личности: советско-финский симпозиум. М.: Наука. 1982. С. 229–236.
14. Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / отв. ред. М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
15. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
16. Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской, Б.Ф. Ломова. М.: Наука, 1989.
17. Психология личности в социалистическом обществе: Личность и ее жизненный путь / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской, Б.Ф. Ломова. М.: Наука, 1990.
18. Психология формирования и развития личности /Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1981.
19. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинкого, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
20. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
21. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
22. *Тарасов Г.С.* Проблема духовной потребности (на материале музыкального восприятия). М.: Наука, 1979.
23. *Харламенкова Н.Е.* Самоутверждение подростка. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004; 2-е изд., 2007.
24. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания. М.: Наука, 1977.
25. *Шорохова Е.В.* Тенденции исследований личности в советской психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 1. С. 45–57.

Джидарьян И.А.

О ПРАВОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ»

ON THE USEFULNESS OF THE CONCEPT OF “PSYCHOLOGICAL HEALTH”

Джидарьян Инна Аршавировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник (ученое звание), старший научный сотрудник Института психологии РАН
Dzhidaryan Inna Arshavirovna — Ph. D, senior researcher (academic rank), Senior Researcher, Institute of Psychology of RAS

Аннотация: Показано, что «психологическое здоровье» является парной категорией (здоровье/нездоровье), с его помощью реализуется принцип целостности (системности) человеческой психики. Психологическое здоровье/нездоровье личности — это одновременно и ее нравственное здоровье/нездоровье, важнейшим индикатором которого является совесть.
Abstract: It is shown that the term “psychological health” is a forms of paired category with ill/health (healthy/unhealthy) and manifests the principle of integrity of human psyche. Psychological healthy/unhealthy state of a person is at the same time his moral healthy/unhealthy state and its main indicator is conscience.

Ключевые слова: психологическое здоровье, психическое здоровье, гуманистическая психология, позитивная психология, личность, субъективное благополучие
Key words: psychological health, psychical health, humanistic psychology, positive psychology, integrity, personality, subjective well-being.

Государственное задание ФАНО РФ №0159-2016-0002

Термин «психологическое здоровье» (psychological health) впервые был озвучен в докладе А. Маслоу [20], но в западной психологии он не был принят. В последние годы тема психологического здоровья привлекает к себе внимание отечественных исследователей [4; 8; 9; 13; 16; 18; и др]. Однако практически нет работ, посвященных категориальному анализу самого понятия и правомерности использования термина «психологическое здоровье», наряду с привычным и принятым ВОЗ (Всемирной Организацией Здравоохранения) термина «психическое здоровье». Не происходит ли здесь удвоение понятия? Ответу на этот вопрос и посвящена настоящая статья.

Известно, что прогресс в истории науки, необходимым образом связан с расширением и обогащением ее понятийного аппарата. Этот процесс свидетельствует не только о более глубоком проникновении научной мысли в сущность изучаемых ею явлений, выделении в них новых граней, свойств и механизмов функционирования, что требует и соответствующих словесных обозначений, но и о включении в предмет исследования все новых областей действительности, выдвигаемых не только практикой жизни, но и достижениями в смежных областях знания с присущими им системами понятий (см., например: [7]). Поэтому правомерно говорить о двух основных способах расширения и обогащения понятийного аппарата наук. Во-первых, путем включения в научные тексты новых, недостающих терминов и сочетаний слов, способных более полно и адекватно, чем уже существующие, выразить содержание развиваемых идей. Во-вторых, путем заимствования из арсенала других наук таких понятий и терминов, объяснительный потенциал которых со временем начинает выходить за рамки решения их собственных задач и предметного поля исследования. Причем это могут быть как относительно новые для этой науки-донора понятия, так и понятия, давно определившиеся и даже для нее базовые. Ясно, что речь во всех этих случаях идет не о простых заимствованиях и механических переносах тех или иных понятий из одной науки в другую, а об их интеграции с ней, с ее сложившимися системой знаний и категориальным аппаратом, с присущей им спецификой в соответствии с предметом исследования. Второй способ расширения понятийного аппарата является наиболее типичным для психологической науки в силу не только ее философского происхождения, но, прежде всего, особого положения в современной системе наук как центра и связующего звена между всеми областями познания человека (Б.М. Кедров, Б.Г. Ананьев, Ж. Пиаже и др.).

Так термин «здоровье», являющийся исходно базовой категорией медицинской науки с ее более чем тысячелетней историей, уже давно используется и в психологической науке, приобретая все новые аспекты, что еще больше затрудняет его общее определение. Одновременно с научным этот термин глубоко проник сегодня и в массовое сознание, став одним из широко употребляемых слов в нашей обыденной речи.

Чаще всего в литературе, в том числе и психологической, в качестве базового и наиболее авторитетного приводится определение здоровья, содержащееся в Уставе ВОЗ, где здоровье определяется как такое состояние человека, которое характеризуется

отсутствием болезней и полным физическим, умственным и социальным благополучием. Вызывает неудовлетворенность используемый здесь способ определения здоровья через его отрицвние или, выражаясь конкретнее, как отсутствие болезней, а также простое перечисление разных видов благополучия без какого-либо содержательного наполнения этого понятия.

Из личного опыта, из художественной литературы известно о таких душевных состоянях, которые обозначают нечто более тонкое и сложное, чем здоровая или нездоровая психика, с позиции медицины, поскольку затрагивают ценностно-мировоззренческий уровень бытия человека, его полноценное или неполноценное существование как личности со всеми ее моральными принципами, идеалами, смысловыми образованиями, верованиями и гармонией с окружающим миром. С позиций психологии здоровья они могут рассматриваться, на наш взгляд, как проявления уже не столько его психического, сколько психологического здоровья (см. также: [5]).

Если речь идет о психологическом здоровье, правомерным можно считать само включение понятия «благополучие» с его четко выраженным позитивно-оздоровительным значением для жизнедеятельности человека в определение здоровья в качестве его атрибутивного признака.

Благополучие как многомерный психологический конструкт и новая исследовательская тема привлекло внимание западных психологов гуманистической ориентации еще в конце 60-ых — начале 70-ых годов прошлого столетия. С тех пор интерес к нему не ослабевал, достигнув своей высшей точки на рубеже 80-ых — 90-ых годов. Обращение в числе первых известных западных ученых-гуманистов (А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт, Э. Фромм, В. Франкл, Дж. Бюдженталь и др.) к такой генерализованной проблеме как благополучие, способной охватить собой широкую область позитивно выраженных состояний и характеристик личности (счастье, удовлетворенность жизнью, положительная аффективность, здоровье, мужество, моральность в значении стойкости духа и т. д.), было в известной мере «обратной реакцией» на психоаналитическую ориентированность мировой психологической науки, в которой преобладающее внимание на протяжении многих десятилетий уделялось изучению негативных, болезненных проявлений психической жизни. В то же время анализ истоков зарождения и последующего развертывания исследований по этой новой для психологии личности проблеме указывает одновременно и на прямую связь этих исследований с общесоциологической концепцией «качество жизни», разрабатываемой в американской

социологии, начиная с 1960-ых годов. Предполагалось, что в наступающую эпоху постматериализма главной заботой общества станет уже не простое физическое выживание, а благополучие людей с его четко выраженным психологическим содержанием, связанным с позитивными чувствами, удовлетворенностью жизнью и устойчивым состоянием счастья.

Отметим содержащуюся в этой концепции новую стратегию исследования и оценок социально-психологических процессов, связанную с переориентацией внимания ученых с внешних факторов и показателей жизни людей на *субъективные* индикаторы. Психологическая ориентированность этого понятия для многих исследователей первого поколения представлялась настолько важной и принципиальной, что они нередко прямо определяли «качество жизни» как «внутреннюю удовлетворенность» или «чувство субъективного благополучия личности» [19; 21]. *Качество жизни* — это качество индивидуальной жизни с позиций самого индивида, то есть, как она им самим воспринимается, чувствуется и оценивается. Осознаваемый эффект такого личностного и позитивно окрашенного восприятия своей жизни и есть *субъективное благополучие*. В нем фиксируется, прежде всего, мера психологической «вписанности» человека в окружающий мир, в его ближайший социум, степень их гармоничности и взаимной адекватности.

Среди работ по психологическому благополучию, направленных на дальнейшее уточнение содержания, критериев, а также возможную операционализацию этого понятия, наибольшую известность получили исследования К. Рифф [22; 23; 24]. Ею разработан, прошедший успешную проверку на надежность и валидность, подробный опросник «Шкалы психологического благополучия», состоящий из 87 пунктов, направленных на раскрытие мыслей и чувств респондентов относительно себя и своей жизни. Эти пункты в равной пропорциональности распределены между шестью шкалами, которые определяют структуру субъективного благополучия. Такими его структурными единицами, по версии данного автора, являются: наличие цели в жизни, личностный рост, самопринятие, автономия, положительные отношения с другими, управление окружающим. Из обозначенных единиц шестимерной шкалы субъективного благополучия К. Рифф наибольший интерес представляет для нас шкала «личностный рост», как наиболее полно раскрывающая содержание того феномена, который обозначается нами понятием «психологическое здоровье».

«Личностный рост» — относительно новое для психологии личности понятие, в содержании которого просматривается связь

с древнегреческим термином «эвдемония»[1]. Главным здесь является потребность в саморазвитии, переживание своего развития как процесса совершенствования себя и своих личностных качеств. Предполагается также и осознание полноты самореализации в различных сферах жизни, вера в способность к постоянному целенаправленному развитию, доставляющему чувства радости и внутреннего удовлетворения. Это и непрекращающийся процесс самопознания и расширения кругозора, и открытость жизненному опыту, а также интерес к жизни, как непрерывному процессу обучения, возмужания и неизбежных перемен, возможности стать более сильным и способным ко многому.

Несмотря на, казалось бы, содержательную и смысловую равнозначность терминов «психологическое благополучие» и «психологическое здоровье» более предпочтительным для обозначения соответствующего им феномена представляется нам последний термин.

Во-первых, в отличие от однополярного благополучия, термин «здоровье» является парной категорией, выступающей в одной связке с противоположным по знаку термином «болезнь». Болезнь — это нежелательные сбои и пагубные по своим последствиям изменения в различных системах человека, нарушающие их нормальное функционирование и снижающие качество и продолжительность жизни. И такая изначальная парность термина «здоровье», предполагающая его потенциальную соотнесенность с болезнью, делает это понятие содержательно богаче благополучия, так как учитывает возможность возникновения в процессе жизни различных, связанных с болезнью деформаций, аномалий, отклонений от соответствующих нормативных показателей. Это, в свою очередь, предопределяет постановку практической проблемы профилактики и предупреждения болезней и связанную с ними необходимость вести здоровый образ жизни.

Во-вторых, единым термином «здоровье» по вертикальной цепочке связываются между собой все уровни существования и бытийности человека, не отделяя его высший, личностно-смысловой уровень от двух нижележащих. Тем самым реализуется один из важнейших методологических принципов психологической науки — принцип целостности (системности) человеческой психики.

В-третьих, для русского сознания смысл слова «благополучие» прочно связывается с материальным достатком, обеспеченно-

[1] Термин «Eudaimonia» происходит от «eu» — добро и «daimon» — божество. Наиболее полно идея «эвдемонии» была разработана Аристотелем в его оригинальной этической концепции, изложенной в «Никомаховой этике» (см. подробнее: [2, с. 86–89]).

стью, успешностью, на что указывают все известные нам авторитетные словари русского языка. Использование в русскоязычной среде этого слова в других, отличных от обозначенных выше значений, как характеризующих, прежде всего, жизнь в довольстве и спокойствии, противится «чувству языка» в российской ментальности, порождая своеобразный «языковый» диссонанс. И этот языковый фактор было бы также неправомерно игнорировать.

С учетом высказанных выше соображений и в соответствии с одной из принятых в психологии понятийных триад «организм — индивид — личность» представляется вполне логичным рассматривать и здоровье человека на *трех уровнях*: соматическом (организм), психическом (индивид) и психологическом (личность). Психологическое здоровье — это здоровье человека как личности, являющейся продуктом общественных отношений и социального развития. В этом своем общественно-историческом, личностном качестве человек обладает, как известно, не только различными психологическими структурами, динамическими образованиями и чертами характера, но и *нравственностью*, как своей сущностной характеристикой. Поэтому психологическое здоровье/нездоровье личности — это одновременно и ее нравственное здоровье/нездоровье, данное в субъективных актах сознания и переживания. Важнейшим индикатором нравственного компонента психологического здоровья выступает *совесть*, точнее говоря то, что принято называть «голосом совести» — чистая, спокойная совесть, с одной стороны, и «угрызения совести», с другой (см. также: [1]).

В соответствии с предложенным и самым общим пониманием психологического здоровья, как соотнесенного с высшими, нравственно-смысловыми уровнями психической организации человека, оно представляет сферу (область) интересов психологии личности и, прежде всего, таких ее новых научных направлений как позитивная психология и психология нравственности (см. подробнее: [11; 12; 17; и др.]). Его практическая, лечебно-профилактическая часть включает в себя различные варианты, направленные на оказание необходимой коррекции, поддержки и помощи клинически здоровым людям, оказавшимся в критических ситуациях и с медициной непосредственно не связанных. Этим консультированием занимаются не врачи в традиционном смысле слова, как в классической психотерапии, а специально подготовленные к соответствующей практической работе психологи. И обращено оно не к симптомам и болезням как таковым, а к *человеку как личности* с ее нравственно-ценностным вектором развития и бытия в мире и возможными от него отклонениями и деформациями.

Сегодня наглядным и одним из наиболее успешных примеров *неклинической терапии,* о необходимости которой писали и которую пытались использовать в своей практике многие известные отечественные психологи и психиатры, терапии, имеющей под собой серьезное теоретическое обоснование, является метод «позитивного лечения». Именно так назвал свою систему «оздоровления и повышения благополучия людей» известный американский психолог, основатель позитивной психологии М. Селигман [25, с. 184]. Эта система создавалась им в противовес широко практикуемой американскими психологами уже многие десятилетия традиционной психотерапии с ее неоправданно завышенным вниманием к лекарственным препаратам, способным лишь восполнить дефицит того или иного химического компонента в мозгу и оставляющим самих пациентов по существу безучастными в своем лечении. «Занимаясь исцелением больных, — пишет Селигман, — врачи-психотерапевты совсем забыли, что их помощь нужна и здоровым..., чтобы помочь людям развить положительные свойства характера и достичь того, что Аристотель называл «благой жизнью»» (там же, с. 9). Для этого нужна была, по справедливому убеждению ученого, новая позитивная наука, важнейшим терапевтическим фактором в которой должны выступать не внешние условия, не воздействия извне, а *собственные волевые усилия* пациента, его личностный выбор, внутренняя дисциплина, творческая деятельность по развитию и реализации своих индивидуальных достоинств и добродетелей. Этому созвучны современные отечественные исследования психологии человека с позиции субъектного подхода [6; 10; 14; и др.]. Из методов позитивного лечения, разработанных М. Селигманом, наибольшую известность и практическое применение во многих странах мира получила его подробная программа помощи людям, страдающим, как он пишет, пессимизмом, и способная научить их оптимистическому отношению к жизни (Seligman, 1990).

В своих работах М. Селигман предлагает различные способы, упражнения и тесты, в том числе и разработанные не только им, но и другими представителями позитивной психологии, позволяющие каждому желающему, во-первых, выявить и измерить свои индивидуальные достоинства и, во-вторых, развить и использовать их в повседневной жизни. Именно успешная реализация индивидуальных достоинств, как вполне обоснованно считает ученый, способна не только ослабить разрушительное влияние отрицательных эмоций и поднять настроение, но и принести духовное

удовлетворение, сделать свою жизнь более счастливой и осмысленной. В этом и состоит, на наш взгляд, залог психологического здоровья личности (см. также: [3]).

***

В целом, исходя из проведенного нами теоретического анализа, можно сделать вывод о том, что психологическое здоровье — не миф и не метафора, а реальная проблема современной психологии личности, связанная с такими аспектами ее наличного бытия, которые не охватываются и не совпадают с понятием «психическое здоровье».

«Психологическое здоровье» является парной категорией (здоровье/нездоровье), с его помощью реализуется принцип целостности (системности) человеческой психики. Психологическое здоровье/нездоровье личности — это одновременно и ее нравственное здоровье/нездоровье, важнейшим индикатором которого является совесть.

Речь идет не об удвоении понятий, а о расширении проблемного поля общенаучного понятия «здоровье», наполнении его личностным, нравственно-смысловым содержанием.

Литература

1. *Воловикова М.И.*, Мустафина Л.Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
2. *Джидарьян И.А.* Представление о счастье в российском менталитете. СПб: Изд-во «Алетейя», 2001.
3. *Джидарьян И.А.* Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
4. *Дубровина И.В. (ред.).* Практическая психология образования: Учебное пособие. 4-е изд. CGб: Питер, 2004.
5. *Журавлев А.Л.* Психологические факторы физического и психического здоровья человека (по материалам исследований ИП РАН) // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 107–117.
6. Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
7. Новое в науках о человеке / Отв. ред. Б.Л. Белкина; рус. — сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
8. *Осин Е.Н.* Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 22–40.

9. *Портнова А.И., Иванова М.Г.* Психологическое здоровье и зрелость личности как цели возрастно-психологического консультирования // Психология человека в современном мире. Том 3, Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН, 2009. С. 98–105.
10. Проблемы субъктов в постнеклассической науке / Отв. ред. В.И. Аршиков, В.А. Лепский. М.: Когнито-центр, 2007.
11. Психологические исследования духовно-нравственных проблем /Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
12. Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
13. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
14. Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Л.Г. Дикая, Ю.И. Александров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
15. *Селигман М.* Новая позитивная психология. М.: София, 2006.
16. *Шувалов А.В.* Здоровье личности: методологический и мировоззренческий аспекты // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 76–99.
17. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
18. *Яссман Л.В., Яссман О.Ю.* Психологическое здоровье как критерий духовной эволюции человека // Психология человека в современном мире. Том 6. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 337–346.
19. *Campbell A., Converse P., Rodgers W.* The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfactions. N.Y., 1976.
20. *Maslow A.N.* Self-Actualizing People: A Study of Psychological Health // Personality Symposia: Symposium 1. New York: Grune & Stratton, 1950. Pp. 11–34.
21. *Rodgers W.L., Converse P.E.* Measures of the Perceived Overall Quality of Life // Social Indicators Research. 1975. V. 2. № 2.
22. *Ryff C.D.* Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // J. of Personality and Social Psychology. 1989. V. 57. P. 1069–1084.
23. *Ryff C.D., Keyes C.L.* The structure of psychological well-being revisited // J. of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. № 4. P. 719–727.
24. *Ryff C.D., Singer B.* The contours of positive human health // Psychological Inquiry. 1998. № 9. P. 1–28.
25. *Seligman M.E.P.* Learned Optimism. N.Y.: Simon&Schuster. 1990.

Китова Д.А.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О КОРРУПЦИИ И ПРИЧИНАХ ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

YOUTH'S VIEW OF CORRUPTION AND REASONS OF ITS SPREAD

Китова Джульетта Альбертовна — первый проректор Университета российского инновационного образования, профессор, доктор психологических наук, j-kitova@yandex.ru
Kitova Djulietta Albertovna — First prorector University of Russian Innovative Education, Professor, Psy. D., j-kitova@yandex.ru

Аннотация: Интеграция коррупции во все сферы жизнедеятельности общества пагубно отражается на формирующемся сознании молодежи. Ведущим фактором толерантного отношения молодежи к экономическим преступлениям выступают представления о том, что в современной России значительного богатства можно добиться только посредством нарушения законодательства. Эти позиции актуализируют проблему исследования, а результаты исследования послужат целям формирования антикоррупционного сознания молодежи.
Abstract: Integration of corruption in all spheres of society has a pernicious effect on the minds of youth. The leading factor of tolerance of young people to economic crimes is the idea that wealth in modern Russia can only be achieved by violating the laws. These positions actualize the problem of the study, and the results of the study will serve to form anti-corruption awareness of youth.

Ключевые слова: Экономическое сознание, представления о коррупции, психологические факторы коррупционного поведения, структура представлений о коррупции, антикоррупционное сознание.
Key words: Economic awareness, understanding of corruption, psychological factors of corruption, structure of understanding of corruption, anti-corruption awareness.

Актуальность проблемы исследования. В 2015 году более 600 чиновников были привлечены к уголовной ответственности за коррупцию, а средний размер выявляемых в России взяток вырос до 212 тыс. рублей [9]. В связи с ростом коррупционных правонарушений, современные исследователи все чаще обращаются к анализу феномена коррупции. Коррупция изучается с различных точек зрения: экономических, правовых, социальных, этнических, моральных, нравственных. Специалистов интересуют причины коррупции, особенности ее проявления и последствия, возможности противодействия.

Коррупция в разных сферах жизнедеятельности общества особенно пагубно отражается на формирующемся правосознании молодежи. Результаты современных исследований в России продемонстрировали, что наиболее терпимое отношение к коррупции проявляется у молодежи в целом, предпринимателей и студентов [7, с. 52].

Ведущим фактором толерантного отношения молодежи к экономическим преступлениям выступают представления о том, что в современной России значительного богатства можно добиться только посредством нарушения законодательства (так полагают 41,2% юношей и 30,2% девушек). При этом, как не сложно заметить, юноши проявляют большую убежденность в необходимости преступить закон для достижения материального благополучия [8, с. 84].

Разработанность проблемы исследования в научной литературе. В современной научной литературе коррупция рассматривается отечественными и зарубежными авторами под различным углом зрения. В частности, коррупция рассматривается как общенациональная проблема (Фисман Р., Мигел Э.), социально-правовой феномен (Аминов Д.И.), угроза экономической безопасности государства (Цвырко А.А.), исторически обусловленный феномен (Соловьев В.Р.), общемировая проблема (Ламмерс Й., Роуз-Аккерман).

В научной литературе также рассматриваются частные особенности и сферы проявления коррупции: коррупция и бюрократизм (Иванов Г.И.), коммерческий подкуп (Красноусов С.Д.), институциональная коррупция (Тимофеев Л.М.), коррупция на дорогах (Краснов М.А.), индикаторы вузовской коррупции (Конышев В.Н., Сергунин А.А.), коррупция в системе органов внутренних дел (Макаров А.А.). Пристальное внимание исследователей привлекают проблемы борьбы с коррупцией (Гармаев Ю.П., Максимова С.В., Козонов Э.Ю., Жукаев А.М., Гриб В.Г., Окс Л.Е.).

Коррупция, как психологическая проблема, также начинает активно изучаться (Антонян Ю.А., Вановская О.В., Журавлев А.Л., Закирова Л. М, Соснин В.А., Юревич А.В.).

Отечественные специалисты выделяют различные теоретические и практические аспекты проблемы, исследуют разнообразные структурные, содержательные и процессуальные элементы коррупции, коррупционных правонарушений, коррупционного поведения [1, 4, 14, 115; 20]. Исследуются многочисленные проблемы:

— психология субъектов коррупционных отношений — психология коррупционеров, психология коррумпирующих, игровые

мотивы коррупции, феномен круговой поруки коррупционеров, общественное отношение к коррупции и коррупционерам (Журавлев А.Л., Лиферов А.П., Соснин В.А., Юревич А.В.);

— психологические особенности формирования коррупционного поведения у госслужащих (Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е.);

— психологические методы противодействия коррупции с учетом индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей субъектов правоотношений (Антонян Ю.А., Гаврина Е.Е., Молоткова А.В., Симакова Т.А.);

— взаимосвязь коррупции и агрессии — высказываются предположения, что основным фактором склонности к коррупции выступает скрытая агрессия (Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П.);

— психологические причины коррупционного поведения, такие как низкий уровень правосознания населения, многовековая историческая готовность населения к коррупционному поведению (Антонян Ю.М.);

— психологические особенности вымогательства и взяточничества (Болотова К.А., Статный В.М., Иванова О.М., Цикайло О.В.);

— нравственные аспекты коррупционного поведения (Сульдина А.В.);

— коррупционная устойчивость личности (Бахчеева Э.П.);

— социально-психологические факторы коррупции — организованный характер коррупции (коррупционные сети) и ее размах (Алексеев С.В.);

— исторический анализ коррупционных преступлений (Антонян Ю.А.);

— представления молодежи о коррупции и противодействие коррупции через систему образовательных учреждений (Китова Д.А.).

На сегодняшний день психологами выявлены и описаны специфические феномены. Так, Журавлев А.Л. и Юревич А.В. отмечают, что, согласно зарубежным исследованиям, наибольшую опасность для общества при совершении коррупционных преступлений представляют люди с высокими интеллектуальными и творческими способностями. Авторы выделяют типично российские феномены: «толерантность к коррупции», т. е. осуждение населением не самих коррупционных актов, а излишне высоких ее размеров; приоритет неформальных отношений над формальными отношениями; размытость границ между взяткой и благодарностью [3, с. 59; 5, с. 12; 21, с. 59].

Теоретический анализ современной научной литературы показал, что проблема выявления представлений молодежи о коррупции и коррупционных правонарушениях до сих пор не стала предметом пристального исследовательского внимания психологов.

Методологические подходы и методы эмпирического исследования. Базовыми способами выявления психологических особенностей коррупционных представлений молодежи избраны проективные методики. Их использование проективных методик, как известно, позволяет респондентам извлекать ответы из своего индивидуального опыта без необходимости опираться на закодированную в вопросах информацию. Например, вопрос «Какие личностные характеристики коррупционеров вы могли бы назвать?» уводит респондентов от профессиональных характеристик. Или же вопрос «Как широко распространена коррупция в России?», наводит на ответ, что «коррупция — широко распространенное явление в современном российском обществе». Избранный нами метод «незаконченных предложений» позволяет респондентам максимально полно спроецировать в излагаемой информации свои индивидуальные представления, а исследователю — максимально полно увидеть особенности коррупции глазами респондентов [16; 18].

Предлагаемая методика состояла из нескольких позиций. В данной статье мы остановимся на двух из них. Респондентам предлагалось продолжить следующие фразы:

1. Коррупция — это…;
2. Причинами коррупции являются…;

Исследование проводилось в письменной форме. Опрос проводился анонимно. Обработка полученных результатов производилась с помощью контент-анализа. В качестве базовых аналитических операций был использован простой подсчет ключевых слов и позиций по тематическим направлениям (подробнее см.: [10; 12]).

В исследовании приняли участие 247 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Среди них 134 юношей и 113 девушек. В целях нашего исследования данная выборка привлекательна тем, что в этом возрасте у человека сформирована система социальных ценностей, происходит интенсивное усвоение социального опыта, вырабатывается устойчивая концепция жизнедеятельности. Молодые люди уже готовы не только перенимать социальный опыт, но и начинают активно воспроизводить этот опыт в своей повседневной жизни.

Результаты эмпирического исследования. В процессе обобщения и анализа первого незаконченного предложения «Коррупция это…» получены следующие результаты.

Большинство респондентов (83,7%) указало на коррупцию, как на разновидность экономических преступлений. Коррупция актуализируется в сознании респондентов как преступления, совершенные с использованием служебного положения в личных (корыстных) целях. По мнению респондентов, коррупционные преступления совершаются в различных формах. Среди форм проявления коррупции респонденты выделяют такие, как: взяточничество (19,4%), воровство (15,0%), вымогательство (11,3%), налоговые преступления (8,1%), отмывание денег (7,7%), мошенничество (7,3%), фальшивомонетничество (3,6%), убийства (2,8%), преступления с использованием компьютерных технологий (2,8%), ограбления (2,8%). Результаты представлены на диаграмме (рис. 1).

Вторая подгруппа респондентов отметила коррупцию как актуальную проблему современного общества. Респонденты полагают, что коррупция проявляется в правовой (18,2%), социальной (10,9%) и экономической (7,7%) сферах жизнедеятельности современного человека. Общая численность респондентов в этой подгруппе составляет 36,8%.

В третью подгруппу объединены ответы респондентов, которые определили коррупцию как экономическое явление, проявляющееся на всех уровнях деятельности государства и его институтов. Коррупция отмечается респондентами как опасное (11,3%), мно-

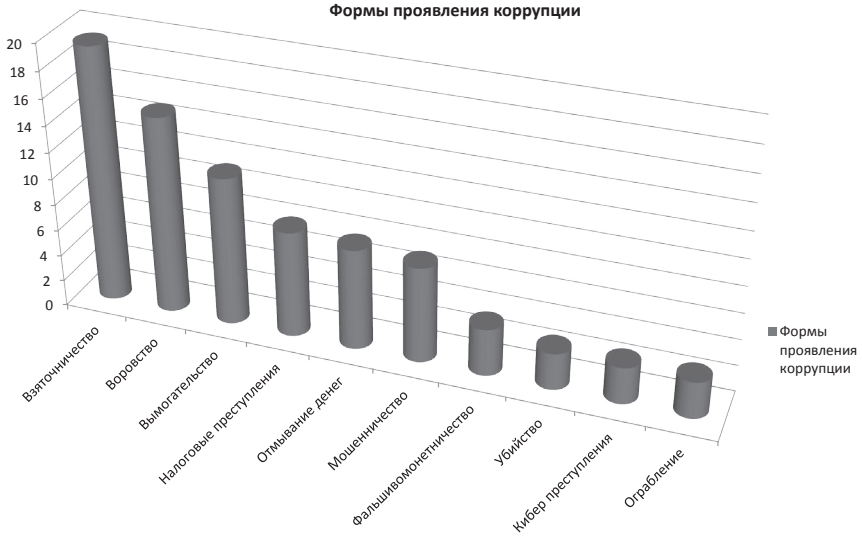


Рис. 1. Представления молодежи о формах проявления коррупции

гоуровневое (7,3%) и системное (2,8%) экономическое явление. Этих позиций придерживаются 21,4% респондентов.

Четвертая подгруппа респондентов рассматривает коррупцию с психологической точки зрения. Среди психологических характеристик респонденты отмечают низкий уровень правового сознания населения, которое проявляется как пренебрежение законом (12,6%), игнорирование (3,6%) или нарушение (2,8%) законодательства. Эта подгруппа самая малочисленная и составляет 19,0%.

Обобщение результатов, полученных при завершении второго незаконченного предложения («Причинами коррупции является…»), показало, что среди *основных факторов* распространения коррупции молодые люди выделяют специфические детерминанты коррупции.

Социальные причины — низкий уровень правосознания населения; низкий уровень самоорганизации гражданского общества; отсутствие целостной системы антикоррупционного просвещения и воспитания подрастающего поколения; сращивание государственных структур с преступными сообществами; низкий уровень оплаты труда и социальной защищенности работников государственных предприятий; круговая порука в среде чиновников и топменеджеров; нежелание населения включаться в антикоррупционную борьбу; низкая профессиональная удовлетворенность чиновников (см. также: [2; и др.]).

Типичные высказывания носят следующий характер: «никому не интересно, кто у кого и чего берет, каждый думает о себе и своих проблемах»; «…в ЖКХ накручивают баснословные тарифы, а в прокуратуре ничего не хотят предпринимать (дед ходил)»; «сдавал отчет в налоговую, обычно это занимало 15 минут, последний раз девушка вбивала нулевой отчет 45 (!!!) минут, …больше не хожу к ним, сдаю через Сеть. Зачем таких брать на работу, да еще и с людьми?».

Экономические причины — низкий уровень жизни основной части населения; отсутствие эффективного государственного контроля над хозяйственной деятельностью экономических субъектов; мизерные размеры заработной платы чиновников; согласительный и взаимовыгодный характер коррупционных взаимоотношений чиновников, населения и бизнеса; высокая экономическая привлекательность коррупции для коррупционеров.

Приведем типичные высказывания респондентов: «уплата налогов проверяется избирательно, можно заплатить, чтобы не попасть в «избранные», — это дешевле»; «дешевле запла-

тить за устройство ребенка в садик, чем оплачивать услуги няни на дому»; «людям не на что жить, вот они и готовы тянуть из «ближнего своего», выживать-то надо, семью кормить тоже надо…»; «сделали бы чиновникам хорошие зарплаты, так они бы за место тряслись, а не за взятками гонялись»; «не думаю, что полицейскому или врачу охота ходить и «выбивать» из людей взятки, платили бы им нормально — были бы нормальными людьми»; «…он заплатил за место (о госавтоинспекторе), ему эти деньги надо «отбить» — все логично».

Культурно-исторические причины — культурная обусловленность, распространенность и традиционность коррупционных отношений в российском обществе; распространенный принцип подчиняться не закону, а начальству; слабо укрепившиеся рыночные взаимоотношения; всеобщее обыкновение благодарить за оказанную помощь, поддержку, услугу.

Характерные высказывания: «Оперировали маму, ну как врачу не «дать»? Не в кассу же больничную нести эти деньги, врач ничего с таких денег не получит. Врач хороший, спасибо ему! А ведь это тоже коррупция, рост теневой экономики! Но, с традициями нужно считаться»; «Если в России не дают взяток, то давать взятку некому, так было всегда»; «В России традиционно государство слишком вмешивается в экономические отношения людей, глупо сажать за 1 500 рублей»; «…магарыч — не взятка, а пойди, докажи! Уже и спасибо нельзя сказать человеку!».

Психологические причины — источник возможностей для усиления личной власти; привлекательность высокого социального статуса и общественного положения; нежелание вникать в чужие проблемы; равнодушие к негативным последствиям коррупции; привычка жить в обществе с двойной моралью; смешение социалистических и рыночных стереотипов поведения; трансформация ценностных ориентаций; деформация нравственных принципов; правовой нигилизм населения.

Типичные высказывания — «мир изменился, все имеет цену и нам надо это понимать»; «они такие убогие (чиновники), все делают лишь бы показать, какие они важные, хотя и жадность присутствует, наверное»; «ни один человек, берущий взятку, не думает о будущем страны, они не умеют так думать»; «…они просто изначально бессовестные».

Правовые причины — несовершенство законодательства; ненадлежащая регламентация служебных полномочий должностных лиц; низкая эффективность работы судебной системы; низкая правовая компетентность населения; коррупциогенные нормы

в законодательстве; деградация судебной системы; коррумпированность правоохранительных органов.

Типичные высказывания: «милиция чаще всего собирает взятки с населения — угрозой «посадки» там, где на самом деле посадить невозможно, …но люди впадают в панику и сразу начинают платить»; «умный в суд не ходит, а дурак оттуда не выходит: суды ничего не решают по закону — кто заплатил, тот и прав»; «чем крупнее воруешь, тем больше шансов остаться безнаказанным»; «воровать можно, если не забываешь делиться с начальством»; «пусть все услуги сделают платными, — и народу хорошо, и казне доход: навыдумывают запретов, а потом гоняются за «призраками» коррупции».

Политические причины — избыточная монополия государства на определенные виды услуг; политическое покровительство коррупционеров; оторванность бюрократической элиты от народа; независимость избираемых лиц от своих избирателей; непродуманность и непоследовательность антикоррупционной политики (см. также: [11; 13]).

Приведем некоторые типичные высказывания: «ни один судья не примет решения против вышестоящих руководителей, тем более против представителей власти, его уволят уже к вечеру»; «депутаты творят, что им вздумается, нужно лишить их неприкосновенности, а лучше вообще сажать за лоббирование интересов преступных группировок»; «от мнения людей ничего не зависит»; «а вы знаете хотя бы одного чиновника, которого сняли с должности потому, что народ им недоволен?».

Группирование полученных ответов и подсчет результатов позволил определить иерархическую структуру представлений молодых людей о причинах коррупции. Получена следующая последовательность факторов, способствующих, по мнению респондентов, распространению коррупции: социальные (31,1%), экономические (24,3%), культурно-исторические (14,9%), психологические (11,5%), правовые (10,1%), политические (8,1%). Итоговые результаты представлены на рис 2.

Анализ ответов показал, что молодые люди по-разному объясняют причины *коррупции (как социального феномена) и коррупционного поведения* личности, что для нас оказалось неожиданным. Так, контент-анализ ответов показал, что респонденты называют шесть основных причин распространения коррупции: социальные, экономические, культурно-исторические, психологические, правовые и политические (рис. 2). Причин же коррупционного поведения личности, по мнению респондентов, всего четыре:

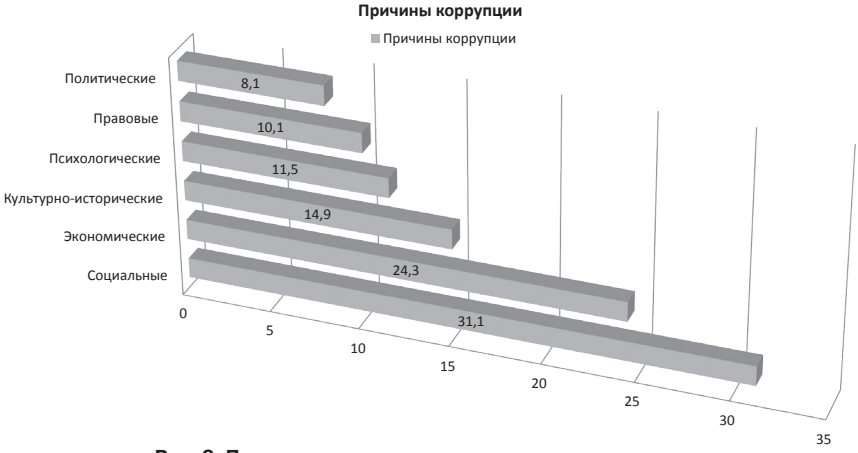


Рис. 2. Причины коррупции в представлениях молодежи

социальные, экономические, культурно-исторические и психологические (рис. 3). Из причин коррупционного поведения личности «выпадают» правовые и политические основания. Рассмотрим соотношение причин коррупционного поведения личности, которые представлены в ответах респондентов, и попробуем выявить основания для такого ограничения. Далее представлены результаты соответствующего анализа.

Социальные причины респонденты объясняют тем, что люди, устраиваясь на работу, попадают в уже функционирующие коррупционные системы связей и отношений, которым трудно противостоять. Да и сомнительно, что такое возможно. Есть данные, подтверждающие, что коррупционная система «выдавливает»

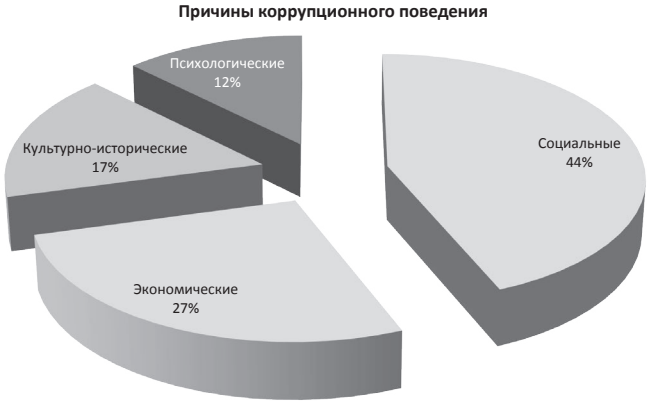


Рис. 3. Представления молодежи о причинах коррупционного поведения

из своих рядов людей, несклонных поддерживать устоявшиеся коррупционные нормы поведения [3; 5; 21 и др.].

Респонденты склонны считать, что на коррупционные риски человека провоцируют низкий уровень жизни и привычка благодарить за оказанные услуги. При этом «привычка благодарить» вообще не воспринимается как коррупционное правонарушение.

Если первые две причины (социальные и экономические) рассматриваются респондентами как внешние условия, детерминирующие коррупционное поведение, и даже вызывают сочувствие, то с психологическими причинами все обстоит иначе. Как оказалось, люди, совершающие коррупционные правонарушения, осуждаются всеми без исключения респондентами.

Приведем несколько типичных высказывания молодых людей, которые в целом характеризуют представления молодежи о коррупции:

— «если в России не дают взяток, то дать взятку некому»;

— «платить нужно за все: начиная за место в детском саду и заканчивая креслом депутата»;

— «чем крупнее воруешь, тем больше шансов остаться безнаказанным».

Выводы.

1. Молодые люди считают коррупцию системным, многоуровневым и опасным феноменом в жизнедеятельности общества, который проявляется в форме экономических преступлений и представляет серьезную угрозу социально-экономическому развитию общества.

2. Большая часть респондентов осознает коррупцию как разновидность экономических преступлений. Структура представлений молодежи о коррупционных преступлениях имеет иерархический характер. Ядерными элементами представлений молодежи о коррупции выступают такие преступления как взяточничество, воровство и вымогательство. Относительно устойчивым внешним радиусом представлений о коррупции выступают налоговые преступления, отмывание денег и мошенничество. Периферийными элементами представлений молодежи о коррупционных преступлениях являются фальшивомонетничество, убийство, компьютерные преступления и ограбления.

3. Молодые люди по-разному объясняют причины коррупции в современном обществе. Использование в ходе исследований контент- анализа позволило объединить представленные респондентами причины коррупции в шесть рядоположных подгрупп: социальные, экономические, культурно-исторические, психологиче-

ские, правовые и политические. Эти шесть подгрупп причин выделены, описаны и обоснованы респондентами как детерминанты распространения коррупции.

4. В ходе анализа представлений молодежи о коррупции выявлено, что респонденты разграничивают причины коррупции (как социального явления) и коррупционного поведения личности. В частности, респонденты называют шесть групп причин коррупции (социальные, экономические, культурно-исторические, психологические, правовые и социальные) и четыре группы причин коррупционного поведения (социальные, экономические, культурно-исторические, психологические).

5. Респонденты склоны считать, что коррупционное поведение конкретной личности не может быть детерминировано только лишь политическими и правовыми факторами, к которым относятся общеполитическая обстановка в стране и особенности законодательной базы, поскольку любое поведение опосредуется системой личных ценностей и норм, на которых ориентируется человек.

6. К ведущим социальным факторам коррупционного поведения личности респонденты относят наличие традиционно устоявшейся коррумпированной среды в государственных организациях, что вынуждает человека принимать устоявшиеся в организации стереотипы коррупционного поведения или оказывать им сопротивление, зачастую с заранее предсказуемым неблагополучным исходом для него самого.

7. К экономическим детерминантам коррупционного поведения респонденты относят низкий уровень жизни работников государственных предприятий, представителей бюджетных организаций и населения в целом. Все эти группы населения имеют еще и низкий уровень социальных гарантий со стороны государства.

8. Экономические и социальные детерминанты коррупционного поведения вызывают у респондентов сочувствие к коррупционеру, создают вокруг них ситуацию, если не одобрения, то понимания.

9. Культурно-исторические факторы коррупционного поведения уходят корнями в традицию благодарить за оказанную услугу, помощь и воспринимаются респондентами как наиболее мощные факторы, провоцирующие коррупционное поведение личности. Респонденты склонны считать, что пренебрежение этими нормами может расцениваться окружающими как вызов принятым правилам поведения, провоцировать непонимание окружающих и даже вызывать социальное осуждение.

Заключение. Правовые представления молодежи, оказывая прямое воздействие на формирование мотивов и установок поведения человека, выступают регуляторами его общественного поведения, являются основой социального благополучия государства. Через регулирование правового поведения личности проявляется активная роль психологии в формировании правового государства, что актуализирует необходимость изучения данного феномена, выработки технологий противодействия его распространению, а также формирования атикоррупционного сознания молодежи.

В современных условиях развития информационных технологий и повального вовлечения молодых людей во всемирную информационную сеть формирование антикоррупционного сознания молодежи не может быть реализовано без использования функциональных возможностей информационных систем и наличия единого федерального информационного пространства. Создание такого психолого-правового пространства, направленного на формирование антикоррупционного сознания молодежи, представляется нам наиболее перспективным вектором развития психологических исследований.

Литература

1. Гармаев Ю.П., Китова Д.А. Экономико-правовая компетентность личности: проблемы формирования в условиях рыночных преобразований // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Новосибирск: НГИ, 2015. № 9. С. 56–58.
2. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
3. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.
4. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 43–52.
5. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21.
6. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции //Социологические исследования. 2014. № 7. С. 63–71.
7. Китова Д.А., Егизов У.С. Психологические особенности коррупционных представлений молодежи // Вестник Университета российской академии образования. 2015. № 4. С. 50–54.
8. Китова Д.А., Найманова Б.А. Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета российской академии образования. 2016. № 1. С. 83–87.
9. Коммерсант. ru В 2015 году к ответственности за коррупцию были привлечены более 600 чиновников // URL: http://www.kommersant.ru/doc/2973713 (дата обращения: 24.04.2016)

10. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
11. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты /Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
12. Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В.Н. Дружинин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
13. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М., ИСПИ РАН, 2014.
14. Соснин В.А., Журавлев А.Л. Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 4 (67). С. 6–16.
15. Соснин В.А., Журавлев А.Л. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
16. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
17. Состояние преступности — январь-ноябрь 2015 года // МВД РФ. URL: https://mvd.ru/folder/101762/item/6917617 (дата обращения: 24.04.2016)
18. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
19. Статистика экономической преступности за 2014 год (по данным МВД РФ) // Экономическая преступность сегодня. URL: http://econcrime.ru/stat/9/ (дата обращения: 24.04.2016)
20. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические аспекты коррупции // Наука. Культура. Общество. 2013. № 2, 3. С. 81–92.
21. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические факторы коррупции // Психология в экономике и управлении. 2012. № 1. С. 57–66.

Грачев А.А.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КОНЦА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ПО «КУРГАНПРИБОР»)

PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY IN THE ACTIVITIES OF THE PSYCHOLOGICAL DEPARTMENT OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE END OF THE SOVIET PERIOD (ON THE EXAMPLE OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL DEPARTMENT OF THE PRODUCTION ENTERPRISES KURGANPRIBOR)

Грачев Александр Алексеевич — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института психологии Российской академии наук. Эл. адрес: agrat50@mail.ru
Grachev Alexandr Alexeevich — Doctor of Science (psychology), professor at Moscow University for the Humanities, chief scientist at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: agrat50@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные детерминанты возникновения и развития психологических служб промышленных предприятий во второй половине XX века. Показана эффективность комплексного и междисциплинарного подхода к социальному управлению предприятием на примере деятельности социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор». Определяются перспективы развития такого подхода в связи с моделью управления человеческими ресурсами.

Abstract: The main determinants of the emergence and development of psychological services of the industrial enterprises in the second half of the XX century — a social order, a request to psychological knowledge from sociology, the internal logic of the development of psychology discusses in the article. The complex implementation of knowledge about human and social organization in the form of social development of the industrial enterprise discussed. The effectiveness of a comprehensive and interdisciplinary approach to social enterprise management on the example of the socio-psychological service of manufacturing enterprises Kurganpribor showed. The perspectives for this approach in connection with human resources management model outlined.

Ключевые слова: психологическая служба, социологическая служба, социальное управление, психолог в организации, социально-психологическая служба объединения «Курганприбор»
Key words: psychological department, social department, social management, the psychological content of social management, the psychologist in the organization, the socio-psychological department production company «Kurganpribor»

Исследование выполнено по Государственному заданию ФАНО РФ № 0159-2016-0001

Психологические службы в 70-х — 80-х годах XX века появились в разных сферах социальной жизни (прежде всего, — в образовании и промышленности) в результате влияния трех *основных детерминант*. Первая представляла собой социальный заказ, обусловленный возрастанием роли человеческого фактора в развитии общества, что предполагало управление обществом не только по критериям выживаемости человека, но и по всему спектру его жизненных интересов. Вторая была связана с внутренней логикой развития психологии — с поиском ее практических приложений и, соответственно, с появлением, наряду с традиционным для академической психологии языком описания и объяснения, языка управления, воздействия, характерного для практико ориентированной психологии [2; 3; 24]. Наконец, третья детерминанта была следствием междисциплинарного взаимодействия в разных научных областях. Проявлением такого взаимодействия стало создание служб, ориентированных на человека: в области образования в создании школьной психологической службы принимали участие, прежде всего, психологи и педагоги, а в сфере промышленности — социологи и психологи.

Социальный заказ, связанный с более интенсивным включением психологии в промышленное производство, проявился в дальнейшей гуманизации управления, связанной с повышением *роли человеческого фактора* в промышленности и возрастанием ценности человека в обществе [9; 15]. Это нашло свое выражение в том, что руководители обратили внимание на удовлетворение интересов персонала не только в материальной сфере, но и в других сферах человеческой жизни, что было связано с комплексным мотивированием персонала, и, соответственно, они стали чувствовать дефицит психологических знаний.

Влияние второй детерминанты проявилось в том, что а) потенциал практической психологии, накопленный при решении отдельных задач (определение профпригодности, развитие профессионально важных качеств, определение и учет совместимости,

социально-психологического климата, оценка состояния и др.), требовал своей комплексной реализации по отношению к человеку-работнику, что, прежде всего, предполагало развитие таких прикладных отраслей психологии, как психология труда, психология управления, инженерная психология; б) развитие академических исследований побуждало к использованию их результатов в практических сферах (прежде всего, это касалось социальной психологии и психологии личности). Все это обусловило становление такой новой отрасли для психологии того времени, как *организационная психология.*

Наконец, в 70-х — 80-х годах XX века требования к прикладному психологическому знанию определились в таком организационном образовании, как социологическая служба промышленного предприятия. К примеру, в одной из ведущих социологических служб — службе Пермского телефонного завода — социологическая лаборатория, являющаяся ядром службы, по мере своего развития трансформировалась в отраслевой научно-исследовательский отдел социологии и психофизиологии труда.

Таким образом, во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов сформировались предпосылки для создания первых в стране психологических служб промышленных предприятий.

Все эти тенденции проявились в создании и развитии социально-психологической службы ПО «Курганприбор», которая в начале 1980-х годов стала одной из ведущих не только психологических, но и социологических служб страны. (Интересно, что социологической эту службу называли сами социологи).

Начало этой работы было обусловлено тесным взаимодействием генерального директора ПО «Курганприбор» Е.В. Таранова с Институтом психологии АН СССР, результатом которого стала защита им в 1976 году кандидатской диссертации, посвященной социально-психологическим проблемам адаптации молодого рабочего. Следующим шагом этого взаимодействия стало осмысление опыта использования социально-психологического знания в руководстве коллективом производственного объединения [8].

Наконец, в 1980-м году в объединении была создана социально-психологическая служба, которая а) во взаимодействии с Институтом психологии АН СССР (Б.Ф. Ломов, Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова) разрабатывала концепцию психологической службы производственной организации, б) работала как подразделение, обеспечивающее жизненные интересы работников объединения.

Служба ПО «Курганприбор» решала задачи в форме *проектирования* целостной системы социального управления.

Эту систему регламентировал *стандарт социального управления* объединением, в котором было определено, что содержанием социального управления является *организация среды жизнедеятельности работников* объединения на основе социального планирования. При этом существенно, что организация такой среды была направлена на удовлетворение потребностей и интересов работников, развитие их личности. В соответствии с таким подходом социально-психологическая служба объединения выступала основным *инструментом* социального управления.

Говоря о *структуре службы*, следует заметить, что общее руководство ее работой осуществлял генеральный директор объединения (Е.В. Таранов), непосредственное руководство — В.Н. Гюппенен, выполнявший функцию заместителя генерального директора по инновациям, а руководителем лаборатории, выступавшей ядром службы, был А.А. Грачев, закончивший аспирантуру Института психологии АН СССР и защитивший там кандидатскую диссертацию по психологии (научный руководитель Б.Ф. Ломов).

Состав лаборатории обеспечивал комплексную работу по интересам персонала**:** начальник лаборатории — психолог; психологи — 5 чел.; физиолог (физиологические методы оценки состояния, рациональное питание, двигательный режим) — 1 чел.; социолог (анализ социальной структуры организации, социальное проектирование) — 1 чел.; врач (интегральные методы диагностики состояния организма, разработка и апробация скрининг-системы) — 1 чел.; группа НОТ — 3 чел.

Содержание работы лаборатории определялось тем, что она была ядром социально-психологической службы, в свою очередь, выступавшей инструментом социального управления. В этой работе были определены три уровня, имевшие свою специфику.

Работа на уровне производственных подразделений и организации в целом — формирование оптимальной организационной среды.

Работа с персоналом — повышение удовлетворенности человека различными сторонами своей жизнедеятельности (как на производстве, так и в быту), оптимизация его психофизиологического состояния, повышение уровня развития личности.

Работа с группой (бригадные формы организации труда) — оптимизация социально-психологического климата и повышение уровня развития групп [5].

Формы работы:

— анализ организационной среды по показателям жизненных интересов персонала, определение проблемных зон, разработка

предложений по решению проблем (совместно с подразделениями объединения);

— обучение руководителей социальному управлению;

— разработка перспективных планов социального развития (для подразделений и объединения в целом); оперативный контроль социального управления;

— предоставление руководителям необходимой социальной информации о подразделении, о работниках (с учетом интересов работников), о социально-психологическом климате и уровне развития рабочих групп;

— диагностика и оптимизация психофизиологического состояния;

— индивидуальные психологические консультации;

— адаптация молодых рабочих;

— групповые тренинги с целью оптимизации делового и межличностного взаимодействия, подготовки к совместной деятельности.

Таким образом, содержание работы специализированной лаборатории, выступавшей ядром социально-психологической службы, а) имело *комплексный характер*, на что обращали внимание не только работники службы [4; 22], но и академические ученые [1; 7], б) соответствовало современному уровню организационной психологии, в которой наиболее эффективными считались методы структурных изменений.

В значительной степени организационные основы социального управления задавались *ежегодными планами социального развития* подразделений, имевшими обязательную структуру и требовавшими для своей разработки выделения проблем по каждому разделу плана, определения предложений по решению проблем, сроков и ответственных. Эти планы утверждались решением общего собрания работников подразделения. Общий контроль за качеством и реализацией плана осуществлялся так называемой балансовой комиссией, состоявшей из топ-менеджеров предприятия, оценивавшей итоги работы подразделения в истекшем году, в первой половине января текущего дня.

Годичный план социального развития подразделения включал в себя одиннадцать обязательных разделов: обогащение содержания труда; совершенствование системы оплаты труда; улучшение условий труда, охрана здоровья и техника безопасности; разработка рациональных режимов труда и отдыха, средств восстановления состояния работников; повышение социальной значимости результатов труда; совершенствование системы профессиональ-

ного роста; адаптация молодых рабочих; совершенствование системы социальной информации; улучшение жилищно-бытовых условий; организация свободного времени; обеспечение возможностей для реализации социальной активности (самоуправление, техническое творчество, общественно-политическая активность).

Оперативное управление и контроль осуществлялись на основе разработки и реализации *ежемесячных планов социального управления* подразделений, согласованных с ежегодными планами социального развития. Ежемесячная балльная оценка выполнения этих планов была включена в комплексную систему эффективности и качества управления (КСЭКУ) и влияла на размер премии подразделения. (Оценка определялась социально-психологической службой).

Ответственность за разработку и реализацию планов возлагалась на руководителей подразделений, которые прошли обучение социальному управлению по программам, разработанным лабораторией.

В качестве примера можно привести некоторые *мероприятия, которые планировались и были реализованы цехами объединения* (ниже обсуждаются лишь несколько разделов из ежегодных планов социального развития).

I. Обогащение содержания труда

Проблемы, часто определяемые цехами:

— выраженная и слабовыраженная (по отзывам рабочих) монотония на отдельных производственных участках (указываются конкретные участки);

— слабовыраженное деловое взаимодействие между работниками.

Решения:

— беседы руководителей и психологов с мастерами и бригадирами о необходимости обогащения труда;

— обучение рабочих всем операциям, имеющимся на участке; совмещение операций; смена операций, типов элементов; освоение смежных профессий; работа на нескольких станках (последовательная смена);

— самостоятельное планирование рабочими производственных заданий (последовательность операций, ритм и т. п.);

— создание комплексных бригад с возможностью взаимной замены;

— перепланировка рабочих мест для организации возможностей для общения; проектирование рабочих мест с учетом взаимного предпочтения (социометрия);

— трансляция функциональной музыки; управление процессом трансляции функциональной музыки самими рабочими (участие в составлении программ, регуляция громкости, определение продолжительности трансляции); организация информационных выпусков; организация творческой группы из работников цеха при радиоузле для создания музыкальных, познавательных программ, литературных передач;

— внедрение физкультпауз.

II. Организация свободного времени

Проблемы:

— отсутствие массовости в физкультурно-оздоровительной работе;

— низкий уровень массовых форм организации свободного времени.

Решения:

— организация спортивных секций на базе цехов; организация спортивных мероприятий (в том числе — семейных);

— выезды за город; коллективные походы в кино, театр; дискотеки;

— организация цеховой художественной самодеятельности;

— организация цеховых кружков и клубов по интересам (семейный, автолюбителей, книголюбов, песни, музыки, литературы, любителей бега, пешей ходьбы, подледного лова, встреч с интересными людьми и т. д.);

— организация творческих выставок (фотографических, художественных, детских работ, кулинарных и др.);

— встречи с авторами стихов — работниками цеха.

III. Разработка рациональных режимов труда и отдыха, средств восстановления состояния работников

Проблемы:

— неблагоприятное состояние работников определенных категорий (утомление, монотония);

— высокий уровень заболеваемости работников;

— нерациональные представления работников об оптимальном режиме труда и отдыха.

Решения:

— организация условий для отдыха (комнаты, уголки, зоны отдыха, в т. ч. — летние площадки);

— организация регламентированных перерывов, чаепитий в регламентированные перерывы;

— организация производственной гимнастики с учетом характера труда (с подготовкой общественных инструкторов);

— организация функциональной музыки;

— организация стендов с информацией о рациональных режимах труда и отдыха, о здоровом образе жизни;

— организация игр в обеденный перерыв (шашки, шахматы, теннис);

— внедрение программ психологической разгрузки; обучение саморегуляции;

— мониторинг психофизиологического состояния работников.

IV. Совершенствование системы социальной информации

Проблемы:

недостаточный объем и уровень полезной для работника информации.

Решения:

— проведение опросов работников подразделений для определения актуальных для них проблем;

— организация доступных для работника каналов информации по значимым вопросам (оплата и условия труда, жилье и т. п.);

— регулярное проведение опросов работников с целью определения запросов на консультирование; организация консультаций: психолога, повара, юриста, специалиста по вопросам эстетики и др.;

— радиопередачи с полезной для работников информацией; регулярное проведение лекций и бесед в соответствии с запросами работников;

— оформление стендов с актуальной для работников информацией (хозяйственные вопросы, здоровье, воспитание детей и т. д.);

— организация в подразделении службы «Ваше настроение».

V. Адаптация молодых рабочих

Проблемы:

— низкий уровень работы с адаптантами (указываются участки);

— высокая текучесть среди адаптантов;

— низкий уровень вовлеченности адаптантов в общественную работу.

Решения:

— проведение профдиагностики и профконсультирования поступающих на работу;

— разработка регламента по работе с адаптантом (знакомство с коллективом, включение в коллектив и т. д.), учитывающего специфику цеха;

— внедрение системы обрядов (торжественное вручение адаптантам рабочих путевок, посвящение в рабочие, получение первой зарплаты, проводы в армию);

— организация системы информации для адаптантов (по значимым для них позициям);

— издание информационного листка адаптанта;

— разработка памятки для наставника, подбор наставников по профессиональным качествам (ориентация на обучение, высокий моральный уровень), организация обучения наставников, организация работы совета наставников;

— информирование коллектива об успехах адаптантов;

— включение адаптантов в работу школ передовых методов труда, вовлечение адаптантов в общественную работу;

— привлечение к индивидуальной работе с адаптантами, кроме наставника, начальника цеха, его заместителя и представителей общественных организаций;

— организация трудового соревнования и конкурсов профмастерства среди адаптантов.

В работе по организации социального управления начальники подразделений (руководители среднего звена) находились в непосредственном подчинении у заместителя генерального директора по инновациям (топ-менеджер). При этом они могли непосредственно взаимодействовать с лабораторией, которая оказывала им необходимую методическую помощь.

Реализации системы социального управления на ее низовых уровнях способствовало то, что в крупных цехах объединения работали цеховые психологи, включенные в штат цеха, находящиеся в непосредственном административном подчинении начальнику цеха, а в функциональном — начальнику лаборатории. В трудовой книжке их должность обозначалась, как «цеховой психолог — помощник начальника цеха по социальным вопросам». (Следует заметить, что должность цехового психолога была лишь в службе ПО «Курганприбор»).

Формы работы цехового психолога.

— Участие в разработке плана социального развития цеха.

— Оперативный контроль социального управления.

— Включение рядовых работников в управление (прежде всего — в решение социальных вопросов).

— Организация и контроль процесса адаптации.

— Диагностика и обучение руководителей младшего звена — мастеров и бригадиров.

— Профдиагностика и профконсультирование работников.

— Оценка и оптимизация социально-психологического климата.

— Оценка и оптимизация психофизиологического состояния работников.

— Обучение общению, формирование коммуникативных способностей (тренинги).

— Индивидуальное консультирование работников.

В 1980-е годы в СССР появились и другие психологические службы (как психологические они обозначались по преобладанию в их работе психологической составляющей), причем это были не только службы крупных предприятий [16], но и отраслевые службы, наиболее известной из которых была служба Миннефтехимпрома [11].

В результате, когда в 1984 году в Москве, в Институте психологии АН СССР состоялась I Всесоюзная конференция по вопросам психологической службы в СССР, службы промышленных предприятий были представлены довольно широко. При этом явно проявилась тенденция *междисциплинарного подхода* в определении содержания работы служб. Правда, среди служб, занимавшихся социальным управлением, большинство составляли социологические службы. Кроме социально-психологической службы ПО «Курганприбор», к наиболее известным службам страны относилась психологическая служба Красногорского механического завода (зав. лабораторией — В.Н. Безносиков).

Комплексный подход и междисциплинарный характер работы были выявлены в результате анализа состава специалистов и задач, решаемых социологическими и психологическими службами (139 служб), проведенного в 1986 году нами совместно с Н.В. Крыловой [6].

Состав типичной службы

По этим данным в 51% случаев основу службы составляла небольшая лаборатория социологических исследований, которую возглавлял психолог или социолог (реже — философ). Лаборатория находилась в подчинении либо начальнику отдела НОТ, либо заместителю руководителя предприятия (организации) по кадрам. Численность типичной службы — один-пять человек (60%). В этом отношении социально-психологическая служба ПО «Курганприбор» отличалась от типичных служб того времени выходом на более высокий уровень управления предприятием, комплексностью работы и многочисленностью состава специалистов, что позволяло решать не только оперативные, но и стратегические и даже исследовательские задачи.

Решаемые задачи

Основной формой работы служб выступала разработка *планов социального развития.* Конкретные направления проводимых ими работ были связаны со стабилизацией трудового коллектива

на основе организации процесса адаптации молодых рабочих, совершенствования социально-психологического климата и других мероприятий по снижению текучести кадров.

Значительное место занимала работа с руководителями, резервом и ИТР (аттестация, оценка профессиональных, деловых качеств, обучение), пропаганда психологических и социологических знаний. Большое внимание уделялось также профориентации школьников. Определенную часть своих задач службы связывали с внедрением коллективных (бригадных) форм организации труда, развитием социальной активности, изучением общественного мнения и организацией службы «Ваше настроение». Наконец, службы занимались оптимизацией психофизиологического состояния работников, участвовали в совершенствовании системы управления производством.

Примечательно то, что служба ПО «Курганприбор» решала перечисленные и многие другие задачи, как уже отмечалось выше, в форме *проектирования* целостной системы социального управления.

Перспективные задачи

В качестве наиболее *перспективных* открывавшиеся службы выделяли задачи, связанные с оптимизацией психофизиологического состояния, улучшением условий труда, организацией комнат психологической разгрузки. Большое внимание уделялось подбору и обучению руководителей и их резерва, совершенствованию систем управления производством. Значительное место занимали задачи организации профотбора, системы профориентации и профконсультирования. Многие службы намерены были организовать систему «Ваше настроение», совершенствовать бригадные формы организации труда. Этот блок задач повторял уже решавшиеся задачи.

Новыми для большинства служб было следующее: организация психологической диагностики и консультирования, служб семьи и досуга. Характерным было то, что основная часть служб намеревалась вести дальнейшую работу в форме организации системы социального управления, хотя при этом и выражались большие сомнения в реализации этой задачи.

Всё это показывает, что опыт работы социально-психологической службы ПО «Курганприбор» отвечал прогрессивным ожиданиям и требованиям того времени. Актуальным и полезным он оставался и остается в настоящее время [12; 18; и др.].

Показателем научно-практической актуальности опыта работы службы является то, что на базе объединения «Курганприбор», совместно с Институтом психологии АН СССР, было проведено не-

сколько всесоюзных конференций, которые были посвящены обсуждению теоретических, методических и организационных основ работы социально-психологических служб промышленных предприятий [13; 14; 20; 21].

Развитие служб привело к тому, что эта работа была одобрена и регламентирована на государственном уровне, основой чего послужило Постановление Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам, Президиума АН СССР и ВЦСПС от 1 апреля 1986 г. «Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства и утверждении типового положения о службе социального развития предприятия, организации, министерства».

Для этого Постановления характерно то, что, с одной стороны, признается приоритет социологии в этой области (говорится о социологической работе в народном хозяйстве), но с другой стороны, комплексность и практическая ориентированность в этой работе нашла свое выражение в обозначении этой службы как службы социального развития (а не социологической).

В этом Постановлении были названы передовые службы социального развития страны — службы «АвтоЗИЛа», Ленинградского объединения «Светлана», объединения «Курганприбор», Норильского горно-металлургического комбината, Тираспольского швейного объединения, Днепровского машиностроительного завода, Московского станкостроительного завода «Красный пролетарий», Пермского телефонного завода.

В этом списке лишь одна служба — объединения «Курганприбор» — по содержанию своей работы была психологической, остальные традиционно относились к социологическим.

Комплексность и междисциплинарность служб нашла свое отражение в знаменательной в этом отношении работе — практическом пособии «Служба социального развития предприятия», которая вышла в издательстве «Наука» в 1989 году [17]. Руководителями авторского коллектива, состоящего примерно в равных пропорциях из социологов и психологов (с некоторым преобладанием социологов), выступили Б.Ф. Ломов (психолог) и В.Н. Иванов (социолог).

Наметившееся взаимодействие психологов и социологов с целью разработки научно-методических основ служб социального развития промышленных предприятий прекратилось в конце 1980-х годов в связи с кризисом в промышленности, который привел к распаду служб предприятий. В настоящее время лишь складываются предпосылки возрождения таких служб в связи с обще-

мировой тенденцией гуманизации *управления* и стремлением России приблизиться в этом отношении к экономически развитым странам.

Примечательно то, что в психологии обращение к опыту работы таких служб практически не представлено, и это объясняется тем, что психологи-практики работают преимущественно не в промышленности, а в других организациях (коммерческие, силовые структуры, образование). В современной истории социологии эти службы обозначаются уже не как службы социального развития, а как социологические. Так, в социологических работах [19; 25; и др.] в качестве передовых называются службы таких предприятий, как КАМАЗ, ВАЗ, АЗЛК, НПО «Светлана», ПО «Курганприбор», Тираспольское швейное объединение, и они определяются как социологические, что справедливо для всех названных служб, кроме службы ПО «Курганприбор».

Таким образом, во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов XX века в СССР сложились предпосылки для *практической реализации психологического знания* в форме психологической службы промышленного предприятия. Эти предпосылки были связаны с гуманизацией управления промышленными предприятиями, стремлением психологии к развитию своих практических приложений, с запросом к психологическому знанию со стороны социологии и науки управления. Становление психологической службы, с одной стороны, и опыт работы социологических служб промышленных предприятий, с другой, показали, что такая служба должна иметь *комплексный характер* (см.: [10; и др.]), что требует *междисциплинарных знаний* о человеке, ядром которых выступает психологическое знание ([12; и др.]). Это и было реализовано в передовых службах социального развития промышленных предприятий СССР и нашло свое выражение в деятельности социально-психологической службы объединения «Курганприбор», выступавшей инструментом социального управления предприятием. В этом отношении опыт работы данной службы соответствует современной *модели управления человеческими ресурсами* и может использоваться передовыми предприятиями, способными реализовать эту модель управления.

Литература

1. Боровик В.С., Журавлев А.Л., Крылова Н.В. Проблемы «службы человека» на производстве // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 1. С. 154–160.

2. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева и А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
3. Грачев А.А. Теоретические и методологические основания прикладной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 15–24.
4. Грачев А.А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Институт практической психологии, 2008.
5. Грачев А.А., Журавлев А.Л., Литвиненко Д.А., Основные направления деятельности практического психолога в условиях бригад нового типа // Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда. М.: Наука, 1987. С. 203–211.
6. Грачев А.А., Крылова Н.В. Основные задачи социально-психологических служб // Первый Всесоюзный симпозиум по социальной психологии. Кострома: КГПИ, 1986. С. 64–66
7. Журавлев А.Л., Зотова О.И. Психологическая служба промышленного предприятия: поиски, решения // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 155–158.
8. Журавлев А.Л., Таранов Е.В. Социально-психологические основы опосредованных методов руководства // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979. С. 287–304.
9. *Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л.* Психология и управление. М.: Знание, 1978.
10. Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
11. *Новиков В.В*. Принципы построения и опыт работы отраслевой психологической службы Миннефтехимпрома СССР // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика. Курган: Изд-во «Советское Зауралье», 1983. С. 27–35.
12. Новое в науках о человеке / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред. — сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
13. Проблемы социально-психологической службы промышленного предприятия. Материалы Всесоюзной конференции / Под ред. В.С. Боровика, Ю.М. Забродина, Н.В. Крыловой, Б.Ф. Ломова, Е.В. Таранова, Ж.Т. Тощенко, Э.Н. Фетисова, Е.В. Шороховой. Курган: Изд-во «Советское Зауралье», 1985.
14. Психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов. Материалы научно-практической конференции / Под ред. О.И. Зотовой, Е.В. Таранова, Е.В. Шороховой. Курган: Изд-во «Советское Зауралье», 1981.
15. Рубакин В.Ф., Журавлев А.Л. Проблема «человеческого фактора» в управлении // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 41–63.
16. Самсонов В.Ю., Журавлев А.Л. Организационные формы и направления работы психологической службы ПО «Электростальтяжмаш» // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика. Курган: Изд-во «Советское Зауралье», 1983. С. 51–59.
17. Служба социального развития предприятия: Практическое пособие. М.: Наука, 1989.
18. Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

19. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
20. Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика. Материалы к V Всесоюзному съезду Общества психологов СССР / Под ред. Е.В. Таранова и Ю.М. Забродина. Курган: Изд-во «Советское Зауралье», 1983.
21. Социально-психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов. Материалы научно-практической конференции / Под ред. О.И. Зотовой, Е.В. Таранова, С.К. Рощина. — Курган: Изд-во «Советское Зауралье», 1977.
22. Таранов Е.В. Методологические и организационные основы социально-психологической службы производственной организации // Социально-психологическая служба промышленного предприятия: теория, опыт, практика. Курган: Изд-во «Советское Зауралье», 1983. С. 12–27.
23. Таранов Е.В., Грачев А.А., Гюппенен В.Н. Человек в производственной организации. Курган: Изд-во «Советское Зауралье», 1981.
24. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
25. Щербина В.В. Заводская социология и управленческое консультирование в советский и постсоветский периоды // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 115–124.

Дробышева Т.В.

ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РАБОТАЮЩИХ ВЗРОСЛЫХ О БЛАГОПОЛУЧИИ ЛЮДЕЙ ПРЕСТАРЕЛОГО ВОЗРАСТА

GENERATIONAL IDENTITY AND REPRESENTATIONS ON SENIOURS' WELLBEING SHARED BY WORKING ADULTS

Дробышева Татьяна Валерьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Института психологии РАН, tdrobysheva@mail.ru
Drobysheva Tatiana Valer'evna — PhD in Psychology, senior research fellow, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tdrobysheva@mail.ru

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи идентичности работающих взрослых с двумя предшествующими поколениями и их социальных представлений о благополучии престарелых людей. Ядерные элементы представлений включают суждения, указывающие, в большей степени, на ответственность семьи, чем общества, государства, власти. Выделено два критерия поколенческой идентичности — значимость и общность предшествующих поколений. Подтвердилось предположение: чем выше значимость и общность с предшествующим поколением, тем выше убежденность респондентов в ответственности семьи за благополучие престарелых.
Abstract: The results of empirical research on interrelation of working adults' identity with two previous generations and their social representations about seniours' wellbeing have been presented. The core elements of these representations include assertions indicating more family than society, state or authorities responsibility. There have been extracted two criteria of generational identity — significance and commonality of previous generations. The following assumption has been confirmed: the higher significance and commonality with the previous generation, the more assured are respondents in family responsibility for seniours' wellbeing.

Ключевые слова: поколенческая идентичность, социальные представления, благополучие престарелых людей, обыденное сознание, поколение работающих взрослых
Key words: generational identity, social representations, seniours' wellbeing, mundane consciousness, working adults generation.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-06-00434

Проблема исследования

Проблема исследования «поколенческой идентичности» связана с другой, не менее важной проблемой — выделения критериев отнесения людей к тому или иному поколению. Кроме хронологического возраста, специалисты (в первую очередь, — социологи, социальные философы и др) выделяют временные рамки формирования определенных возрастных групп, на которые приходятся особо значимые, переломные периоды (см. также: [10; 17]). Так, по мнению Ю.А. Левады, одни и те же события конкретного исторического периода 20-летние, 40-летние и 60-летние переживают по-разному, т. к. находятся на разных стадиях социализации [7; и др.]. Коллективное переживание значимых событий, приверженность людей ключевым ценностям конкретного периода, идеологически окрашенным символам эпохи — все это является объединяющим основанием поколенческой общности [7; 14; 16; и др.]. Причем, как отмечает Е.Б. Шестопал, физический возраст может не совпадать с поколенческим статусом, т. е. люди разного возраста, но объединенные общностью политического (экономического, социального и др.) опыта могут быть включены в одно поколение [9]. Определяя поколение, И. Калита, весьма точно подметила, что это не столько хронологическая категория, сколько способ восприятия действительности; это общее самовыражение жизненного стиля, ценностей, символов и способов репрезентации, вызывающее взаимную эмпатию у людей при встрече, благодаря которому они подсознательно идентифицируют человека как своего [18].

В отличие от социологов и социальных философов, широко изучающих экономическую и политическую социализацию поколений, их социокультурную и социальную идентичность, специфику адаптации поколений к изменяющимся условиям, их ценности и идеалы, взаимодействие и преемственность между ними и многое другое (Н.А. Головин, М.А. Дуарова, Б.В. Дубин, В.Н. Иванов, Ю.А. Левада, В.Т. Лисовский, Е.С. Румянцева, А.А. Смолькин, Е.Б. Шестопал, Н.В. Шахматова и др.), психологи акцентируют внимание на психологических, историко-психологических и социально-психологических аспектах исследования данных феноменов. При этом изучаются: особенности межпоколенческих отношений в семье; психологические факторы отчуждения; механизмы трансмиссии элементов культуры, менталитета в контексте преемственности поколений; предпочитаемые способы совладания в процессе межпоколенческих конфликтов; социально-психоло-

гические особенности представителей разных поколений; феномен «разрыва поколений»; изменение отношения к другим поколениям в процессе взаимодействия с ними и т. п. (О.И. Маховская, М.В. Сапоровская, Н.В. Сиврикова, В.И. Пищик, Т.А. Петрова, М.И. Постникова, Т.И. Шнуренко и др.). Последнее направление исследований связано не столько с изучением самоидентификации представителей того или иного поколения, сколько с выявлением условий, факторов, механизмов изменения их отношения к другим поколениям. К примеру, в одном из наших исследований было обнаружено, что модальность чувств 30–40-летних по отношению к престарелым зависит от их опыта совместного проживания с родственниками такого же возраста [1]. Петрова Т.А. экспериментально подтвердила, что включенность молодых людей в жизнедеятельность старшего поколения (волонтерская деятельность) изменяет отношение респондентов не только к поколению пожилых, но и к будущему своего поколения (периоду старости) [8]. Т. е. изменение отношения к пожилым и престарелым людям зависит от характера межпоколенного взаимодействия.

В рамках данной работы особый интерес представляют данные о связи между идентичностью респондентов и их отношением к пожилым и престарелым. Так, А.А. Смолькин обнаружил, что наиболее стеоретипизированы представления о старости как периоде беспомощности, зависимости от окружающих в группе респондентов предпенсионного возраста. Автор отметил, что негативный образ пожилого человека в данной группе ассоциируется с концом жизни, беспомощностью, безумием, изолированностью (забытые люди) [15]. Можно только предположить, что механизмом стигматизации пожилых в группе респондентов предпенсионного возраста явилось их нежелание идентифицировать себя с престарелыми. В работе Т.П. Емельяновой и А.А. Зининой была выявлена связь между типом социальных представлений молодежи и работающих взрослых о благополучии стариков в обществе и их социальной идентичностью. В частности, показано, что наиболее гармоничный (с позиции оценки собственного психологического благополучия) тип респондентов — носителей представлений о благополучии престарелых в обществе — идентифицирует себя не только с такими социальными группами как семья, единомышленники, но и с людьми своего возраста [4]. В нашем исследовании также обнаружено, что в сознании поколения «прагматиков» (30–40-летние) их общность с престарелыми людьми (поколением их бабушек и дедушек) связана с религиозной и гражданской идентичностью респондентов [1].

Итак, несмотря на доминирование социальных стереотипов старости в российском обществе, отношение к другому поколению в разных возрастных группах отличается. Во многом, это связано с тем, насколько представители того или иного поколения осознают свою общность с поколением престарелых людей, в чем именно она заключается, а также с тем, насколько значимо предшествующее поколение для них. Таким образом, *проблема* нашего исследования связана с изучением роли поколенческой идентичности в процессе формирования представлений о благополучии престарелых людей.

Методологической основой исследования явилась концепция социальных представлений С. Московичи, развиваемая в работах Ж-К. Абрик, Д. Жодле, И.Б. Бовиной, Т.П. Емельяновой, Е. Пащенко-де Превиль и др., подробно изложенная в публикациях отечественных авторов [3; и др.], а также подход Ю.А. Левады к выделению поколений [7; и др.]

Программа исследования

Целью исследования стало выявление связи поколенческой идентичности и социальных представлений о благополучии престарелых людей в обществе в группе работающих взрослых. Предположили, что ядро социальных представлений работающих взрослых о благополучии престарелых по-разному связано с показателями идентичности с двумя предшествующими поколениями (родителей и бабушек/дедушек). Чем выше значимость и общность с предшествующими поколениями, тем выше убежденность респондентов в ответственности семьи за благополучие престарелых.

В исследовании принимали участие работающие взрослые — жители г. Москвы в возрасте от 30 до 50 лет (100 чел.). Из выборки были исключены респонденты предпенсионного возраста (от 50 до 55 лет), поскольку по данным исследователей [15; и др.] данная группа людей имеет существенные отличия в представлениях о престарелых людях в сравнении с теми, кому от 30 до 50 лет. Асимметрия распределения выборки по полу: 65% женщин и 35% мужчин. Две трети из них состояли в официальном или в гражданском браке, остальные в браке не состояли. Опыт взаимодействия с престарелыми людьми определяли по следующим критериям: наличие/отсутствие престарелых родственников; совместное/раздельное проживание с ними. Выявлено, что 80% всех респондентов имеют престарелых родственников, но более половины из них проживают отдельно. Все респонденты по возрасту отно-

сятся к двум поколениям людей (по классификации Ю.А. Левады). Это те, чье личностное становление (этап первичной социализации) пришлось на конец периода т. н. «застоя» (1964–1985 гг.) и период «перестройки» и «реформ» (асимметрия распределения сдвинута вправо). Эквивалентность двух групп проверялась (кр. Манна-Уитни, при $p<0.05$) по показателям: ценностных ориентаций, социальной идентичности и представлениям о престарелых. Различия обнаружены в представлении «Престарелые люди сами должны объединяться по интересам» на уровне тенденции ($p=0.045$). По остальным показателям различий не выявлено. В связи с этим данные респондентов будут рассматриваться как результаты, характерные для одной группы.

Методы исследования. Набор шкал для оценки структуры социальных представлений (СП) о положении престарелых в обществе выделяли на этапе пилотажного исследования. Данный набор включал 24 утверждения, по отношению к которым нужно было по пятибалльной шкале Лайкерта выразить степень согласия. После этого структура СП определялась путем математического подсчета коэффициента позитивных ответов, предложенного Ж.-К. Абриком (Емельянова, 2016 и др.). Суждения, получившие высокую степень согласия (более 50%), были отнесены к ядру исследованных представлений, менее 50% — к их периферии. Дополнительно применяли анкетирование, методику диагностики ценностных ориентаций Е.Б. Фанталовой; методическую разработку «Поколенческая идентичность» (авт. Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева). Респонденты оценивали по 7-балльной шкале степень значимости трех поколений — своего, родителей и поколения бабушек и дедушек по 12 утверждениям. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS.22. В работе применяли дескриптивную статистику, медианный, частотный анализ, критерий Спирмена (при $p<0.05$).

Результаты исследования и их обсуждение

Взаимосвязь значимости и общности двух предшествующих поколений в группе работающих взрослых. Идентифицируя себя с другим поколением, респонденты оценивали те аспекты психологической связи с предшествующим поколением, которые демонстрируют значимость этого поколения как объекта идентификации. Анализируя распределение показателей значимости представителей первого (поколение родителей) и второго (бабушек и дедушек) предшествующих поколений выявлено, что значимость

поколения родителей для респондентов в целом выше, чем поколения бабушек и дедушек. Заметим, поколение родителей респондентов (большая часть из них относится к поколению «застоя» [7], т. е. годы рождения — с середины 40-х и до конца 60-х гг.) формировалось в «советский период», воспоминания о котором, по данным исследователей коллективной памяти, в настоящее время имеют больше позитивную, чем негативную модальность [2; и др.]. Обнаружили[1], что для участников исследования поколение родителей является «образцом, примером для подражания» (51%); оно выполняет защитную функцию, поддерживает их (55%). Респонденты указали, что постоянно помнят о представителях поколения родителей (50%), доверяют им (47%), чувствуют близость и испытывают к ним позитивные чувства (любовь) (47%).

Корреляционный анализ (по кр. Спирмена, при $p<0.05$) показателей общности респондентов с поколением родителей и значимости для них этого поколения показал следующее. По мнению участников исследования, *общность их интересов и мировоззрения с* поколением родителей базируется на том, что родители «обеспечивали (обеспечивают) их благополучие» ($r=0.24$; $p=0.016$), а также на доверии респондентов поколению родителей ($r=0.229$; $p=0.022$). В их сознании о*бщность ответственности за будущее своей страны, своего народа* с поколением родителей связана с тем, что это поколение влияет (влияло) на те решения, которые они принимали в своей жизни ($r=0.198$; $p=0.049$), а также с тем, что поколение родителей обеспечивало (обеспечивает) их благополучие ($r=0.199$; $p=0.049$). То есть, идентичность работающих взрослых с поколением их родителей включает общность интересов, мировоззрения и чувства ответственности за будущее своей страны. В основе этой идентичности лежит понимание респондентами той роли, которую сыграли представители поколения родителей — обеспечили им благополучие на разных этапах жизненного пути, помогали принимать решения, следствием чего стало доверие 30–50-летних людей к поколению родителей.

Распределение показателей значимости для респондентов поколения бабушек и дедушек показало следующее. Память о нем поддерживает более половины (55%) участников исследования, чувство близости с ним выразили 43% респондентов, третья часть выборки согласилась с тем, что поколение бабушек и дедушек является для них образцом, примером для подражания, и они доверяют (доверяли) им (35% выборки). Принимая во внимание тот факт,

[1] Ниже приведены значения только высокой степени согласия с данными суждениями.

что более 80% выборки имеют (имели) престарелых родственников, а примерно половина респондентов проживает с ними вместе (общность места проживания), можно сделать вывод, что значимость второго предшествующего поколения в сознании участников исследования во многом детерминирована личным опытом непосредственного взаимодействия работающих взрослых, принимавших участие в исследовании, с родственниками престарелого возраста. Корреляционный анализ (по Спирмену, при $p<0.05$) показателей общности респондентов с поколением бабушек и дедушек, а также значимости этого поколения в сознании участников исследования выявил следующее. По их мнению, *общность интересов и мировоззрения* со вторым предшествующим поколением основанию на том влиянии бабушек и дедушек, которое они оказывали на поведение внуков («под их влиянием я часто делал то, что не собирался делать») ($r=0.217$; $p=0.03$). Данный факт косвенно указывает на значимость второго предшествующего поколения как агентов первичной социализации в процессе формирования волевой сферы, регуляции поведения личности. Осознание же респондентами *общности* с представителями второго предшествующего поколения по *национальному* признаку базируется на оценках значимости поколения бабушек и дедушек как людей, которые являются «образцом, примером для подражания» ($r=0.21$; $p=0.037$), «временами сильно давили» на них ($r=0.224$; $p=0.025$), но при этом заботились о благополучии респондентов ($r=0.24$; $p=0.016$). Данная связь во-многом демонстрирует характеристики российского менталитета участников исследования, которые проявляются в специфике воспитания в российских семьях (завышенные ожидания, повышенный контроль за ребенком, гиперопека и т. п.) [6; и лр.]. А вот *общность ответственности за будущее страны, своего народа,* респонденты связывают с памятью о поколении бабушек и дедушек («постоянно помню о нем, он занимает мои мысли») ($r=0.195$; $p=0.05$).

Взаимосвязь социальных представлений (СП) о благополучии престарелых в обществе и поколенческой идентичности в группе работающих взрослых. В результате подсчета коэффициента позитивных ответов, выявлено содержание двух компонентов СП — ядра и периферии. Как отмечают исследователи, развивающие структурный подход к изучению СП, ядерные элементы, включенные в центральную систему представлений, наиболее устойчивы к воздействиям изменяющегося социума, в то время как периферийные элементы более динамичны (Т.П. Емельянова, Е. Пащенко-де Превиль и др.).

В рамках данной публикации остановимся на содержании ядра СП, в которое вошло семь суждений.: именно: «Ответственность за стариков должна воспитываться с детства» (87^2), «Власти должны обеспечить достойное качество жизни старикам» (78), «Цивилизованное общество должно поддерживать старых и слабых» (73), «Долг младших поколений позаботиться о своих стариках» (70), «Престарелые люди часто не получают поддержку от государства» (69), «Долг семьи — обеспечить достойную старость своим близким» (67), «Моральные обязательства семьи перед стариками — основа основ» (66). Как можно заметить, ядерные элементы СП работающих взрослых указывают на внешнюю атрибуцию ответственности за благополучие престарелых людей в обществе. Речь идет об ответственности семьи, включая ее младшее поколение. В сознании респондентов перенос ответственности на семью с общества в целом связан с тем, что старики, по их мнению, часто не получают этой поддержки от государства. В связи с чем контекст отношений общества с поколением престарелых в представлении работающих взрослых выражен в осознании ими долга государства перед людьми, которые внесли свой вклад в развитие страны, а не реальной поддержки стариков властью. Суждения, указывающие на внутреннюю атрибуцию, т. е. перенос ответственности за благополучие на самих стариков, были вытеснены на периферию изучавшихся представлений.

Взаимосвязь ядерных элементов СП о благополучии престарелых и показателей поколенческой идентичности (значимость, общность поколения респондентов с двумя предшествующими поколениями) выявлялась по критерию Спирмена (при $p<0.05$).

Из данных таблицы 1 можно увидеть, что в сознании работающих взрослых суждения *об ответственности и долге семьи* (в том числе, о воспитании этих чувств с детства) перед старшим поколением основаны на оценках значимости представителей поколения родителей как «образца, примера для подражания». Они осознают свою близость, любовь, взаимозависимость с этим поколением, степень их влияния на принятие решений и поведение респондентами. Поколение родителей дало им и чувство защищенности. Все вышеперечисленное обуславливает представления респондентов о долге, моральной ответственности семьи перед стариками. Можно сказать, что взаимопонимание и доверие к представителям поколения родителей являются психологическим фактором конструирования представлений об ответственности семьи и общества относительно благополучия стариков. Причем, если представления о моральных обязательствах семьи (включая ее младшее по-

Таблица 1. Взаимосвязь суждений ядра СП о благополучии престарелых в обществе и показателей значимости поколения родителей (по критерию Спирмена, при $p \leq 0.05$*; $p \leq 0.001$)**

Суждения ядра СП / представления о значимости поколения родителей	Долг семьи — обеспечить достойную старость своим близким	Моральные обязательства семьи перед стариками — основа основ	Ответственность за стариков должна воспитываться с детства	Цивилизованное общество должно поддерживать старых и слабых
является для меня образцом, примером для подражания	0,49**	0,37**	0,316**	0,24*
его советам всегда следую	0,24*	–	–	–
люблю, чувствую близость с ним	0,40**	0,21*	0,22*	0,24*
защищает меня, поддерживает	0,33**	0,23*	0,27*	–
занимает мои мысли, часто думаю о нем	0,34**	0,22*	0,24*	0,23*
влияет на мои решения, поведение	0,24*	–	–	0,27*
обеспечивает (обеспечивал) мое благополучие	0,33**	–	–	–
полностью доверяю ему	0,35**	0,35**	0,34**	0,28*
чувствую зависимость от него	0,32**	0,32**	0,22*	
понимает (понимал) меня	0,33**	0,24*	0,25*	0,26*

коление) за благополучие престарелых связаны с осознанием респондентами своей взаимозависимости с поколением родителей, с проявлением к ним чувства доверия и любви, взаимопонимания, то представления о долге семьи по отношению к старшему поколению основываются еще и на понимании респондентами того факта, что поколение родителей обеспечивало (обеспечивает) их собственное благополучие. Данный факт косвенно указывает на временную перспективу, которую выстраивают в своем сознании респонденты относительно будущего своего поколения и поколения своих родителей.

Последующий корреляционный анализ (кр. Спирмена, при $p<0.05$) показателей общности поколения респондентов с поколением родителей и ядерных элементов изучаемых СП выявил

следующее. В обыденном сознании работающих взрослых представления о том, что *«моральные обязательства семьи перед стариками — основа основ»* (r=0.221; p=0.27) и *«долг младших поколений — позаботиться о своих стариках»* связаны с общностью места проживания двух поколений (квартира, город, район проживания) (r=0.213; p=0.33), а последнее из двух суждений коррелирует еще и с общностью вероисповедания двух поколений (r=0.23; p=0.022).

Обнаружена связь между суждением *«долг семьи обеспечить достойную старость своим близким»* и выраженностью общего показателя идентификации респондентов с поколением родителей (r=0.212; p=0.034). То есть, чем выше показатели идентичности с поколением родителей, основанные на общности вероисповедания и совместного проживания, тем более выражено согласие респондентов с тем, что забота о стариках — долг семьи в целом, особенно, младшего поколения. Также выявлена корреляционная связь между суждениями *«престарелые люди часто не получают должную поддержку от государства»* (r=0.212; p=0.034), *«цивилизованное общество должно поддерживать старых и слабых»* (r=0.28; p=0.004) и общностью интересов, мировоззрения респондентов с представителями поколения их родителей. То есть, можно предположить, что данные СП конструируются поколением родителей, они отражают их точку зрения, но разделются и поколением участников исследования. Принимая во внимание выявленные ранее корреляционные связи вышеперечисленных представлений с показателями значимости поколения родителей, можно сделать *промежуточный вывод* о том, что осознание респондентами чувства защищенности, доверия, взаимопонимания, взаимозависимости с поколением родителей выступает в качестве психологического фактора идентичности поколений «детей» и «отцов» в рамках семьи (не общества). В совокупности же все эти характеристики обуславливают конструирование работающими взрослыми представлений о долге и ответственности семьи за благополучие стариков. Причем акцент делается на перенос ответственности за благополучие стариков с общества на семью. Таким образом, в группе работающих взрослых выявлена двухступенчатая связь идентичности с поколением родителей и конструируемых СП о благополучии престарелых в обществе.

Корреляционный анализ СП о благополучии престарелых людей в обществе и показателей значимости второго предшествующего поколения выявил, что представления о долге и обязательствах семьи перед стариками связаны с восприятием представителей

поколения дедушек и бабушек как «образца, примера для подражания», которым доверяют, о которых помнят, думают. По всей видимости, память о них выполняет функцию защиты (таб. 2). Психологическая связь строится на доверии, уважении, значимости. Как можно заметить, в обыденном сознании респондентов ответственность властных структур за благополучие старых людей связана с тем, помнят об этом поколении респонденты или нет. По всей видимости, суждения о долге государства и отсутствии с его стороны должной поддержки престарелым, порождаются дискурсом, но в эту проблему респонденты личностно не включены.

Последующий корреляционный анализ ядерных суждений СП и критериев общности респондентов со вторым предшествующим поколением показал следующее. Суждение о том, что *«долг младших поколений позаботиться о своих стариках»* (r=0.21; p=0.033), в сознании респондентов связано с общностью их места проживания с представителями старшего поколения и общностью их вероисповедания (r=0.23; p=0.022), в то время как понимание ими того, что *«ответственность за стариков должна воспитываться с детства»* обусловлено только общностью места проживания (r=0.21; p=0.027). Утверждения *«престарелые люди часто не получают должную поддержку от государства»* (r=0.21; p=0.034) и *«циви-*

Табл. 2. Взаимосвязь суждений ядра СП о благополучии престарелых в обществе и показателей значимости второго предшествующего поколения (по критерию Спирмена, при p<0.05*; p<0.001)**

Суждения ядра СП / представления о значимости поколения бабушек и дедушек	Власти должны обеспечить достойное качество жизни старикам	Престарелые люди часто не получают должную поддержку от государства	Долг семьи — обеспечить достойную старость своим близким	Моральные обязательства семьи перед стариками — основа основ
является для меня образцом, примером для подражания	–			0,26*
его советам всегда следую	–			0,24*
защищает меня, поддерживает	–		0,24*	0,29*
занимает мои мысли, часто думаю о нем	0,23*	0,20*	0,22*	0,22*
полностью доверяю ему	–	–	–	0,33**

лизованное общество должно поддерживать старых и слабых» (r=0.28; p=0.004) связаны с общностью интересов, мировоззрения респондентов с поколением их бабушек и дедушек. Напомним, что аналогичные результаты были получены относительно идентичности респондентов с поколением родителей. Т. е. в процессе конструирования СП о роли общества в благополучии стариков и неудовлетворительном выполнении государством своих функций по поддержанию старых людей, работающие взрослые основываются на общности своих интересов и мировоззрения с двумя предшествующими поколениями.

Заключение

Результаты исследования показали, что ядерные элементы изучавшихся представлений о благополучии стариков включают суждения, в большей степени, указывающие на ответственность семьи, чем общества в целом. В обыденном сознании респондентов усиление функции семьи и снижение значимости государственной поддержки стариков вомногом определяются их неверием в то, что государство может защитить старшее поколение, обеспечив ему достойную старость.

Выявлено, что в процессе конструирования представлений о благополучии престарелых, респонденты опираются на критерии значимости и общности двух предшествующих поколений, которые раскрывают содержание поколенческой идентичности. Подтвердилось следующее предположение: чем выше значимость и общность с предшествующим поколением, тем выше убежденность респондентов в ответственности семьи за благополучие престарелых.

В последнее время в общественном дискурсе и научных исследованиях, в том числе и психологов активно обсуждаются вопросы трансформации института семьи, конфликта поколений в российском обществе, нарастающего разрыва в поколениях и взаимном непонимании «отцов» и «детей» [11; 12; 13; и др.]. Предлагаются разные способы преодоления этих проблем — разработка и внедрение технологий ценностного отношения к престарелым людям, воспитание преемственности в межпоколенческих отношениях в семье, развитие института волонтерства и т. п. Заметим, что поиск механизмов и способов преодоления межпоколенных конфликтов может быть направлен и на выявление факторов межпоколенной общности, включающей традиционную для россиян ценность — ответственность младших поколений за благополучие стариков.

Литература

1. Дробышева Т.В., Шерстнев С.М. Престарелые люди в обыденном сознании «поколения прагматиков»: эмоционально ценностный аспект ответственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. №4. С. 339–343.
2. Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2006. 9 (47). 4. http//pay study.ru.
3. Емельянова Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 476 с.
4. Емельянова Т.П. Зинина А.А. Атрибуция ответственности за психологическое благополучие престарелых людей в представлениях студенческой молодежи и работающих взрослых // Знание. Понимание. Умение. 2015. №2. Эл.: http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/127 (дата обращения: 10.08.2016) DOI: http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.2.28
5. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической науки и практики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань, 2011. С. 158–163.
6. Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 479 с.
7. Левада Ю.А. Ищем человека: социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. 381 с.
8. Петрова Т.А. Динамика отношения к старости у молодежи в процессе практики межпоколенного взаимодействия. Автореф. ... канд. психол. наук. СПб., 2008. 26 с.
9. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Новый хронограф, 2008. 551 с.
10. Принципы развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
11. Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 502 с.
12. Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.И. Ляшенко, В.Е. Иноземцева, Д.В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
13. Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 575 с.
14. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
15. Смолькин А.А. Социокультурная динамика отношения к старости. Автореф. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. 20 с.
16. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году: в 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
17. Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
18. Kalita I. Generational Identity (New Literature at the Crossroads of Modernity) // North American, European and Russian literature: modern problems of study. CIBUNET Publishing Monograph Series No. 2, Ed. by M. Asper. — New York, CIBUNET Publishing — NGO Premier — ORT Publishing, 2013. p. 3–22.

Обознов А.А.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД (К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.А. БОДРОВА)

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY: A COMPREHENSIVE APPROACH (THE 85TH ANNIVERSARY OF V.A. BODROV)

Обознов Александр Александрович — Главный научный сотрудник Института психологии РАН
Oboznov Aleksandr Aleksandrovich — Chief researcher, Institute of Psychology Russian Academy of Sciences

Аннотация: В статье рассмотрены разрабатывавшиеся В.А. Бодровым методологические, теоретические и эмпирические основы психологии профессиональной деятельности — комплексной дисциплины, объединяющей знания из смежных областей наук о труде человека.
Abstract: The article discusses develops VA Bodrov methodological, theoretical and empirical foundations of psychology of professional activity – complex discipline that combines knowledge from related fields of the sciences of human labor.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, комплексный подход субъект, профессиональная пригодность, экстремальные условия
Key words: professional activity, a comprehensive approach, subject, professional fitness, extreme conditions

В современной отечественной психологии достойное место принадлежит заслуженному деятелю науки и техники Российской Федерации, лауреату Премии имени С.Л. Рубинштейна РАН, доктору медицинских наук, профессору Вячеславу Алексеевичу Бодрову (01.10.1931–06.02.2012) — известному специалисту в области психологии труда, инженерной психологии и эргономики, авиационно-космической и экстремальной психологии, психофизиологии и медицины.

Свыше полувека своей научной работы Вячеслав Алексеевич посвятил главной теме — *изучению человека как субъекта профессиональной деятельности*. В стенах Военно-морской медицинской академии (позже Военно-медицинская академия, г. Ленинград), Государственного научно-исследовательского испытательного Ин-

ститута авиационной и космической медицины (г. Москва), Института психологии РАН под научным руководством и при непосредственном участии Бодрова разрабатывались методологические, теоретические и методические проблемы изучения, диагностики, коррекции и развития профессиональной пригодности человека к специальностям экстремального профиля (военные летчики, космонавты, водолазы, подводники, спасатели МЧС), развития личности профессионала, его работоспособности и функциональных состояний (стресс, утомление), профессиональной и функциональной надёжности, профессиональной адаптации и медико-психологической реабилитации, профессиональной мотивации, инженерно-психологического проектирования новой техники, эргономического обеспечения операторской деятельности, а также целый ряд таких актуальных вопросов, как психологическая совместимость лётных экипажей, проявления функциональной асимметрии лётчиков и др. Результаты этих многолетних и многоплановых исследований отражены в более четырёхстах научных трудах.

Отметим три взаимосвязанных момента, характерных для исследований Бодрова.

Во-первых, его исследования исходно были направлены на *решение социально важных вопросов*, что требовало новых научных знаний. С наибольшей очевидностью такая направленность проявлялась в 30-летний период (1959–1988 гг.) службы Бодрова в научно-исследовательских организациях Министерства Обороны СССР. Однако и в последующий, почти 25-летний период (1988–2012 гг.) работы в Институте психологии АН СССР (позже Институт психологии РАН) он, разрабатывая фундаментальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики, всегда соотносил создаваемые теории и концепции с возможностями их практического применения.

Во-вторых, для исследований Бодрова была характерна направленность на создание *целостных научных представлений о человеке* как субъекте профессиональной деятельности. Имеется логическая связь между стремлением к целостному представлению научных знаний и их использованием для решения социально значимых вопросов: практическое применение разрозненных знаний, как известно, существенно затрудняется.

В-третьих, в исследованиях Бодрова субъект профессиональной деятельности рассматривался в контексте выполнения определённых трудовых задач, содержания, средств, условий, организации и других конкретных обстоятельств деятельности. Для обеспечения её эффективности и надёжности недостаточно иметь

целостные представления только о субъекте деятельности. Необходимы знания о влиянии *факторов деятельности и рабочей среды* на трудовую активность субъекта, рассмотрение системы «субъект — рабочая среда».

Указанные моменты во многом объясняют стремление Бодрова разработать теоретико-методологические, методические и эмпирические основы авторского видения психологии профессиональной деятельности.

Психология профессиональной деятельности

Как отмечал Бодров (2006), предложенная им психология профессиональной деятельности, будучи разделом психологической науки, опирается на теоретические положения и результаты исследований не только психологии труда и инженерной психологии (Актуальные проблемы ..., 2009, 2011, 2012а, 2-12б и др.), но и психологии управления, организационной, дифференциальной, социальной, когнитивной психологии и других её областей (Проблемы фундаментальной и прикладной психологии ..., 2008; Психология: современные направления ..., 2003). Кроме того, психология профессиональной деятельности опирается на исследования ряда смежных научных дисциплин — эргономики, гигиены, физиологии и медицины труда, системотехники, кибернетики и т. д. То есть, психические качества (включая личностные), состояния, процессы и психологические отношения человека, включенного в труд, необходимо рассматривать в двух планах:

— во взаимосвязи с другими качествами человека — социальными, психофизиологическими, физиологическими, биомеханическими и т. п;

— во взаимосвязи с характеристиками деятельности и рабочей среды — содержанием, средствами, условиями и результатами труда, социальным окружением и т. п.

В первом случае, речь идёт о совокупности разноуровневых и разнопорядковых качеств, которые обеспечивают процесс труда и носителем которых является человек как субъект профессиональной деятельности. Вообще говоря, состав и количество указанных совокупностей может быть практически неограниченным, поэтому Бодров выделил те из них, которые определяли наиболее значимые показатели любого вида труда и которые он обозначил как *категории*. К их числу были отнесены категории профессиональной пригодности, работоспособности, функционального состояния, надёжности и безопасности человека. Можно полагать, что вы-

бор Бодровым термина *категория* для обозначения выделенных им совокупностей качеств не случаен. Термин категория указывает на особый модус этих совокупностей, которые следует рассматривать как *интегральные* социально-биологические свойства, объединяющие социальные, психологические, психофизиологические, физиологические, физические и другие качества человека.

Во втором случае, речь идёт о совокупностях качеств и характеристик, носителем которых является метасистема «человек-профессия» (Бодров, 1985, 2001б, 2004, 2006).

Основное внимание в своих исследованиях Бодров уделил интегральным свойствам, носителем которых является человек как субъект профессиональной деятельности. Категория *субъекта деятельности* стала центральной в психологии профессиональной деятельности. При рассмотрении этой категории Бодров опирался на положения субъектно-деятельностного подхода, сформулированные в работах С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского и К.А. Абульхановой-Славской. Согласно данному подходу, человек в результате включения в процесс трудовой деятельности, а также другие виды целенаправленной и осознаваемой активности (учёба, игра, общение), приобретает специфические (субъектные) возможности — самоорганизации, саморегуляции и самоконтроля, согласования внешних и внутренних условий и средств активности, координации психических процессов, состояний и свойств с объективными и субъективными условиями своей активности, в частности, профессиональной деятельности.

Главным в субъектно-деятельностном подходе Бодров считал положение о том, что человек становится субъектом в процессе деятельности, проявляя, формируя и отражая свои деятельностно ориентированные возможности. Он подчеркивал, что становление субъекта профессиональной деятельности является следствием прохождения человеком сложного пути своего развития, подготовки к вхождению в мир профессий, освоения профессиональной деятельности, адаптации к ней и совершенствования профессионального мастерства (Бодров, 2001-а; Бодров и др., 2012; Бодров, Журавлев, 2003; и др.).

Исследовательский и практический интерес Бодрова к процессу становления субъекта профессиональной деятельности во многом связан со спецификой объекта изучения — деятельности военных специалистов, управляющих сложными техническими системами в экстремальных условиях. В ходе выполнения профессиональных задач эти специалисты сталкиваются с непредвиденными, неопределёнными и опасными для здоровья

и жизни ситуациями. Успешный выход из таких ситуаций требует от специалистов проявления упоминавшихся выше *субъектных качеств* — самоорганизации, саморегуляции, самоконтроля и др. Эти качества занимают высший уровень в иерархии свойств человека и преломляют (опосредствуют) влияние других его качеств и свойств на показатели профессиональной деятельности.

Профессиональная пригодность субъекта деятельности

Концепция профессиональной пригодности субъекта является основополагающим и наиболее разработанным разделом психологии профессиональной деятельности (Бодров,1969, 1985, 2001-б, 2004; Бодров и др., 1984). Его пристальное внимание к данной категории не случайно. Оно сформировалось ещё в период обучения в Военно-морской медицинской академии, когда на выпускном курсе он был включен в учебную группу для освоения комплекса научных дисциплин и практических навыков выполнения врачебных функций с целью оказания медицинской помощи в условиях длительных подводных плаваний и обеспечения водолазных погружений. В последующих после завершения обучения исследованиях, проводившихся в реальных условиях рабочей среды, у Вячеслава Алексеевича сформировался устойчивый интерес к проблемам психологического анализа профессиональной деятельности, изучению индивидуально-психологических характеристик личности специалистов, развития у них неблагоприятных функциональных состояний, нарушений работоспособности и другим аспектам «человеческого» и «личностного» фактора.

Подчеркивая перманентную значимость проблемы профессиональной пригодности, Бодров приводил следующую цитату: «Каждый человек, в принципе, может овладеть любой профессией (или почти любой), но всё дело в том, сколько на это понадобится сил и времени. Период трудовой активности в жизни человека ограничен, а непродуктивная, безрадостная деятельность не только личное несчастье — оно отражается, в конечном счёте, на всём обществе. Поэтому прогнозирование профессиональной пригодности и путей её формирования никогда не утратит своего актуального значения» (Гуревич,1970, с. 5).

По своей сущности, проблема профессиональной пригодности, как считал Бодров, является проблемой *взаимной адаптации* человека и деятельности, её средств, содержания, условий и организации. С одной стороны, речь идёт об антропоцентрическом подходе, то есть адаптации самой деятельности к возможностям

человека, а с другой, — профессиоцентрическом подходе, то есть адаптации человека к требованиям профессиональной деятельности. Первый подход предусматривает эргономические решения по оптимизации деятельности, второй — психологическое, физиологическое, медицинское и другое обеспечение процесса формирования профессионала (Бодров, 2001а).

В работах Бодрова профессиональная пригодность рассматривалась, прежде всего, с позиции профессиоцентрического подхода, то есть адаптации человека к требованиям деятельности (Бодров и др., 2012; Психология адаптации ..., 2007). Такое рассмотрение вполне оправдано, если принять во внимание, что в своих работах он изучал пригодность к профессиям экстремального профиля, которые предъявляют повышенные требования к человеку. Эти требования таковы, что далеко не все кандидаты могут успешно завершить процесс своего профессионального становления в отведённые сроки.

В своих исследованиях Бодров затронул сложный вопрос о роли *взаимовлияния личности и профессии* для формирования профессиональной пригодности человека как субъекта труда. Данный вопрос рассматривался с точки зрения профессиогенетического подхода. Как считал Бодров, главные черты данного подхода заключались в следующем:

— подход основан на изучении закономерностей становления социального и психологического компонентов субъекта труда в процессе профессионального пути;

— в подходе предусматриваются возможности активного управления процессом формирования профессиональной пригодности и становления профессионала;

— подход ориентирован на согласование ресурсных возможностей и требований профессии, прогнозирование психологических особенностей перспективных видов профессий и специальностей (Бодров,1999, 2001а).

Как отмечал Бодров, термин «формирование» отражает результат активных форм воздействия внешних и внутренних факторов на процесс развития личности. При этом внешние детерминанты развития являются важными, но сопутствующими факторами. В итоге, Бодров предложил следующую формулу формирования личности профессионала: человек, формируясь в процессе профессионализации как субъект деятельности, раскрывается как личность (Бодров, 1991).

Теоретической основой данной формулы является положение С.Л. Рубинштейна о взаимосвязи личности и деятельности: лич-

ность формируется и проявляется в деятельности. В этой связи, Бодров приводит следующий тезис Б.Ф. Ломова о роли психологии в изучении связей психики и деятельности: «С одной стороны, она рассматривает деятельность как детерминанту системы психических процессов, состояний и свойств субъекта. С другой стороны, она изучает влияние этой системы на эффективность и качество деятельности, то есть рассматривает психическое как фактор деятельности» (Ломов, 1984, с. 205).

Необходимо подчеркнуть, что развитие личности профессионала предполагает активную роль самого профессионала в процессе своего развития посредством оценки значимости, закреплении в своём психическом складе определённых форм поведения. При этом способ включения в деятельность, изменение своей внутренней позиции по ходу её осуществления являются особыми качествами субъекта профессиональной деятельности (см. также: Личность профессионала ..., 2013; Методы психологического обеспечения ..., 2014; Современное состояние и перспективы ..., 2015; Современные тенденции развития ..., 2015, и др.).

При диагностике, прогнозировании и формировании профессиональной пригодности как интегрального качества необходимо учитывать несколько видов свойств человека. Данные свойства рассматривались Бодровым как факторы профессиональной пригодности. Это собственно *профессиональный фактор*, который определяется уровнем профессиональной подготовленности субъекта, а именно: объемом, глубиной, устойчивостью необходимых знаний, навыков. умений. а также опытом работы в конкретной трудовой сфере. Далее, это *медицинский фактор*, отражающий взаимное влияние особенностей трудовой деятельности и профессионального здоровья, их причинно-следственные отношения. *Физиологический фактор* пригодности характеризует её с точки зрения адаптационных возможностей организма и психики в конкретных условиях деятельности, величины энергетических ресурсов организма и функциональных резервов органов и систем при напряженной деятельности. Психологический фактор отражает влияние индивидуально-психологических качеств на следующие показатели профессиональной пригодности:

— выбор профессии (вида деятельности), наиболее полно соответствующей склонностям и способностям человека;

— сохранение интереса к выбранной профессии и удовлетворенность процессом и результатами конкретной деятельности;

— эффективность, надёжность и безопасность выполнения профессиональных задач, требуемая результативность деятельности;

— реализация социального, личностного и профессионального самоопределения, самоутверждения, самосовершенствования субъекта в выбранной профессии и выполняемой деятельности;

— формирование у субъекта образа «Я — профессионал», его стремление к достижению эталонной модели профессионала.

Перечисленные факторы, определяющие профессиональную пригодность человека, обусловливают необходимость использования *комплексного подхода* (Методология комплексного человекознания..., 2008; Психология человека в современном мире ..., 2009; и др.) к определению и формированию этого интегрального свойства. При этом следует различать профессиональную пригодность как совокупность исходных индивидуальных качеств человека, предопределяющих успешность её *формирования* к конкретной деятельности (или классу деятельностей) в процессе обучения; и как совокупность наличных, сформированных и взаимосвязанных качеств (профессиональных, психологических и др.), обеспечивающих эффективное *выполнение* конкретных профессиональных задач. При данном подходе к оценке профессиональной пригодности человека требуется учитывать особенности компенсации отдельных профессионально важных качеств и функций, их взаимосвязь, изменчивость и динамичность — это их свойство определяет возможности индивидуального приспособления к конкретной трудовой деятельности, в ходе которого вырабатывается её индивидуальный стиль (Бодров, 2001б, 2004).

Как показали результаты исследований, указанные совокупности индивидуальных качеств могут полностью не совпадать, что позволило объяснить, почему успешное освоение деятельности человеком ещё не означает её эффективного выполнения в последующем (Бодров, 1985, 2001б; Бодров и др., 1984).

Единство теории, эксперимента и практики

В исследованиях профессиональной пригодности, проводившихся под руководством и при участии Бодрова, получил дальнейшее развитие и реализацию сформулированный Б.Ф. Ломовым принцип единства теории, эксперимента и практики в психологической науке (Ломов, 1984, 2006) — теоретические положения и концепции автора, основанные на эмпирических данных, подвергаются экспериментальной проверке и обязательно оцениваются на практическую эффективность предлагаемых решений.

Наиболее очевидным примером реализации положения о единстве теории, эксперимента и практики следует считать раз-

работанную Бодровым систему определения профессиональной пригодности военных специалистов (Бодров, 1969), а также созданные на её теоретико-методической основе системы психологического отбора подводников, летчиков и космонавтов (Бодров и др., 1984). Данные системы создавались в единстве с положениями рассмотренной выше концепции профессиональной пригодности человека. Системы включают следующие этапы.

Задачи определения профессиональной пригодности. При решении задачи первичного отбора на обучение профессии основные критерии пригодности определяются успешностью приобретения специальных знаний и формирования профессиональных навыков, а достижение их высокого уровня зависит, прежде всего, от уровня развития общих способностей. Поэтому выявлению подлежат специальные, профессиональные способности. При решении задачи распределения выпускников учебного заведения требуется определить ту специальность, которая по своим психологическим требованиям к личности наиболее соответствует особенностям конкретного выпускника. Процедура прогнозирования профессиональной пригодности в этом случае основана на соотнесении индивидуально-психологических особенностей личности с набором профессиональных требований специальностей. В задачах комплектования учебных и производственных групп (например, подбор недостающего штурмана в экипаж пассажирского самолёта) определение и прогнозирование профессиональной пригодности производится на основе оценки профессионально важных качеств личности, соответствующих не только конкретной индивидуальной деятельности, но и определяемых характером взаимодействия членов групп, их социальным статусом в группе и т. п. Задача экспертизы профессиональной пригодности лиц с психосоматическими расстройствами, участников профессиональных происшествий, а также лиц с жалобами на хронические затруднения в работе предполагает использование в каждом конкретном случае специфического диагностического комплекса.

Определение профессиональных требований к личности, предъявляемые особенностями конкретной деятельности. Для выявления этих особенностей используются различные методические подходы. Теоретико-экспериментальный подход основан на массовом психологическом обследовании специалистов различного уровня профессиональной пригодности с последующим выявлением с помощью корреляционного анализа наиболее информативных психологических показателей. Метод экспертных оценок, с помощью которого от наиболее квалифицированных

специалистов можно получить перечень указанных требований. Методы профессиографического анализа деятельности с составлением психограмм, содержащих требования к психической сфере кандидатов.

Подбор и разработка психологических методик определения профессиональной пригодности. При решении данного вопроса следует исходить из того, что любое психологическое качество не может быть определено каким-либо одним измерением. Определяемые в одной ситуации проявления психологического качества могут быть отличными в другой ситуации. Поэтому при подборе психологических методик следует предусматривать оценку как достаточно устойчивых качеств личности, так и возможные преобразования этих качеств в динамике профессионального обучения, а также в связи с возможными изменениями требований деятельности.

Разработка критериев определения профессиональной пригодности. Для обоснования дифференциальных критериев прогнозирования профессиональной пригодности чаще всего применяется метод установления ранговой и балльной стандартной оценки, а также метод, основанный на модификации последовательного статистического анализа отношения вероятностей значений психологических показателей.

Проверка эффективности разработанных рекомендаций и подготовка организационно-методического пособия по реализации разработанной системы — заключительный этап определения профессиональной пригодности. Указанная проверка осуществляется с помощью пролонгированного мониторинга успешности обучения и/или эффективности и надёжности профессиональной деятельности. В случае достижения относительно высокого уровня совпадения психологического прогноза с данными фактической пригодности (не менее 70% совпадения) методические рекомендации могут быть использованы в практической работе.

Есть все основания считать, что разработанная система имеет универсальный характер и является значительным вкладом в практическое решение проблемы профессиональной пригодности специалистов

Заключение

Характерная особенность научных исследований В.А. Бодрова состояла в том, что каждая из поставленных им проблем рассматривалась в контексте комплексного подхода к изучению человека, с привлечением теоретических и методических положений

не только из различных областей психологии (общей, социальной, когнитивной и дифференциальной психологии, психофизиологии), но и других наук о человеке, поэтому теоретические обобщения автора приобретали междисциплинарный характер.

Вклад Бодрова в психологическую науку состоит в разработке методологических, теоретических и эмпирических основ психологии профессиональной деятельности, которая, будучи разделом психологической науки, опирается на результаты исследований как психологических дисциплин, так и дисциплин из смежных областей научного знания о профессиональной деятельности — эргономики, физиологии, гигиены и медицины труда, системотехники, кибернетики и т. д.

Литература

1. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 1 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
2. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 2 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
3. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 3 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
4. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 4 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
5. *Бодров В.А.* Психофизиологические основы профессионального отбора военных специалистов. — Дисс. ... докт. мед. наук. — Л.: ВМедА им. С.М. Кирова, 1969.
6. *Бодров В.А.* Проблемы профессионального психологического отбора // Психологический журнал. — 1985. — Т. 6. — № 2. — С. 85–94.
7. *Бодров В.А.* Психологические исследования проблемы профессионализации личности // Психологические исследования проблемы профессионализации личности профессионала/Под ред. В.А. Бодрова. — М.: Ин-т психологии АН СССР, 1991. — С. 3–26.
8. *Бодров В.А.* Психологические проблемы профессиогенеза в операторской деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 1999. — № 2. — С. 38–44.
9. *Бодров В.А.* Профессиогенетический подход к проблеме формирования профессионала // Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. А.В. Брушлинского и А.В. Карпова. М. — Ярославль. — 2001а. — С. 54–72.
10. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов. — М.: ПЕР СЭ, 2001б.

11. *Бодров В.А.* Методологические и теоретические вопросы изучения проблемы профессиональной пригодности субъекта труда // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В.А. Бодрова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. — С. 10–27
12. *Бодров В.А.* Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
13. *Бодров В.А., Дикая Л.Г., Журавлев А.Л.* Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 3 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 9–32.
14. *Бодров В.А., Журавлев А.Л.* Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
15. *Бодров В.А., Малкин В.Б., Покровский Б.Л., Шпаченко Д.И.* Психологический отбор лётчиков и космонавтов. Проблемы космической биологии. — Т. 48. — М.: Наука, 1984.
16. *Гуревич К.М.* Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. — М.: Наука. 1970
17. Личность профессионала в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
18. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука. — 1984
19. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
20. Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
21. Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
22. Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
23. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
24. Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
25. Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
26. Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
27. Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Ксенофонтов В.Н.

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: ФИЛОСОФИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО

RUSSIA IN A CHANGING WORLD: THE PHILOSOPHY OF UNDERSTANDING AND FUTURE PROSPECTS

Ксенофонтов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, кафедра философии и социально-экономических наук, Московский государственный юридический университет (МГЮА) имени О.Е. Кутафина, vnksenofontov@mail.ru

Аннотация: В статье обосновываются детерминанты развития современной России, раскрывается ее роль в процессе динамики международных отношений

Annotation: The article substantiates the determinants of the development of modern Russia, revealed her role during the dynamics of international relations.

Ключевые слова: Россия, мир, политика, Беларусь, культура, экономика, терроризм, мораль, Европа, НАТО, философия, власть, современность, армия

Key words: Russia, peace, policy, Witerussion, culture, economy, terrorism, moralis, European, NATO, philosophy, power, the present time, army.

По такой теме 31 мая 2016 г. на базе Московского государственного юридического университета (МГЮА) имени О.Е. Кутафина состоялась межвузовская научная конференция.

В ней приняли участие известные ученые различных ВУЗов Москвы, Смоленска, Рязани, представители институтов РАН и государственных структур.

С приветствием к участникам конференции обратился Синюков В.Н., проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, профессор. В своем выступлении он отметил, что представительный состав участников конференции создает прочные основы для глубокого анализа актуальной как в теоретическом плане, так и в практическом темы конференции. В свою очередь выступающий обратил внимание всех докладчиков на важность не только фиксации состояния различных сфер жизни российского общества, но и вскрытие перспективных путей

его развития. Он также подчеркнул, что решение стратегических задач развития России должно быть сопряжено с высоким уровнем правовой культуры деятельности всех ветвей государственной власти.

В научных докладах были раскрыты две основные группы проблем: во-первых, состояние и перспективы развития основных сфер жизни современного российского общества и, во-вторых, место и роль России, как субъекта международных отношений в условиях противоречивых политических отношений в мире.

Следует отметить, что раскрываемые проблемы, несмотря на специфику предмета анализа, в выступлениях докладчиков были неразрывно связаны.

В выступлении Рашкина В.Ф., депутата Государственной Думы РФ, доктора экономических наук, был дан анализ деятельности законодательной ветви власти России, обращено внимание на необходимость принятия законов, обеспечивающих социальное развитие в стране, укрепление экономической стабильности в условиях различных санкций, предпринимаемых США и странами Европы против России.

Выступающий отметил, что деятельность Государственной Думы направлена на создание эффективных и социально значимых законов, обеспечивающих жизнедеятельность российского общества. Однако процесс созидания законов, подчеркнул депутат Рашкин В.Ф., нередко складывается в острой, порой жесткой полемике. Вот почему важно, опираясь на правовую культуру и моральные императивы российского общества, заметил он, внимательно изучать все ценные положения, выдвигаемые депутатами различных фракций и учитывать их при окончательной формулировке закона. Консолидация позитивных правовых предложений ведет к необходимому закону, — отметил он.

В докладе Иванова В.Н., члена-корреспондента РАН, советника РАН, главного редактора журнала «Наука. Культура. Общество», было обращено внимание на сложность социальной ситуации в современном российском обществе, характере противоречий между основной массой населения и сверхбогатой незначительной ее частью. Ученый подчеркнул, что сложившаяся социально-экономическая обстановка объективно требует перехода властных структур от концепции «неолиберализма» к концепции социального государства, отвечающей интересам большинства граждан.

Докладчик раскрыл важную проблему, какой является социальная безопасность современной России. Он подчеркнул, что самый верный путь обеспечения социальной безопасности — это суже-

ние социально-экономической базы, порождающей острые противоречия в российском обществе, устранение причин социальной опасности. Вместе с тем выступающий отметил положения (критерии) устойчивой системы социальной безопасности, на которую должны ориентироваться и учитывать институты власти. К ним, по взглядам докладчика, относятся: приоритет защиты прав и свобод, жизни и ценности россиянина; чувствительность государства к нуждам граждан; контроль общества над системой безопасности государства; приоритет ненасильственных средств в разрешении социальных коллизий.

В научном сообщении Аринина А.Н., директора Института федерализма и гражданского общества, доктора политических наук, была проанализирована проблема «Взаимодействия политической элиты России и народа». При этом особое внимание он обратил, что в современной ситуации в стране политическая элита должна отойти от бюрократизма, разобщенности между словом и делом, внимательно прислушиваться и реализовывать потребности социально-экономического характера, выдвигаемых народом. Аринин А.Н. подчеркнул, что элита должна обладать рядом атрибутивных качеств. Это таких, как: прозрачность доходов, политическая культура, высокая нравственность, следование закону.

Докладчик Делия В.П., ректор Института социально-экономического моделирования и прогнозирования, доктор экономических наук, профессор, основное внимание уделил анализу реалиям экономической ситуации в современной России. При этом центральным положением в его выступлении находилась выдвинутая авторская концепция «Монетарно-сырьевой экономики» страны, которая нуждается, согласно его точки зрения, в серьезной переориентации. Ее сущность — в создании прочных основ разносторонней машиностроительной отрасли на основе отечественного опыта, российской науки и новых технологий.

В выступлении Ксенофонтова В.Н., доктора философских наук, профессора МГЮА, дан анализ духовной жизни российского общества, сложным и противоречивым процессам, происходящим в ней. Он обратил внимание на внутренние и внешние детерминанты, воздействующие на нее, и выделил ряд особенностей. Докладчик развернуто охарактеризовал такие наиболее актуальные из них, как: переориентация общественного сознания; специфическая роль СМИ и искусства на современном переломном этапе развития России; роль религии в духовной жизни общества; осмысление процессов, происходящих на международной арене и деятельности России в ней.

В современных условиях развития российского общества, процессов его духовной жизни актуальное значение приобретает формирование историзма мышления.

Этот феномен, по мнению докладчика, характеризуется способностью мыслить противоречиями, не бояться временных поражений и трудностей, уметь преодолевать их. Именно взвешенный, аналитический подход к пройденному нашим обществом пути позволяет субъектам видеть общественные процессы без схематизма и упрощенчества, постигать настоящее, прошлое и будущее во всем их многообразии и сложности.

В своем докладе Климов С.Н., заместитель директора Российской академии транспорта, доктор философских наук, профессор, дал анализ состоянию современному высшему образованию в стране. В этой связи он особое внимание уделил гуманитарной подготовке студентов, необходимости повышения качества и количества часов на философскую дисциплину. Наряду с этим вопросом докладчик обратил внимание на то, что министерство образования и науки должно внимательно относиться к политике объединения различного профиля ВУЗов в единый комплекс.

Выступление Ремизова В.А., доктора культурологии, профессора МГУКИ, было посвящено раскрытию социальной роли культуры в современном российском обществе. Докладчик вскрыл несостоятельность ряда книг и кинофильмов, искажающих подвиг советского народа и Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Наряду с этим он обосновал необходимость усиления связи мировоззренческой функции философии и теории культуры в процессе обучения и воспитания студентов.

Кизюн Н.Ф., генерал-полковник, доктор философских наук, профессор, Председатель Совета ветеранов Военного университета, в научном сообщении рассмотрел весьма актуальную проблему — формирование патриотизма у современной российской молодежи. Он подчеркнул, что позитивные изменения, связанные с повышением роли и престижа Вооруженных Сил России в обществе требуют улучшения качества и форм патриотического воспитания. Докладчик дал развернутый анализ таким из них как: выступление ветеранов перед молодежью; проведение тематических конференций, посвященных знаменательным битвам Великой Отечественной войны, литературно-художественных конференций; походы по местам боевой славы и др.

Шлыкова О.В., доктор культурологии, профессор РАНХиГС, в научном сообщении обратила внимание на место и роль культурологии в формировании духовного мира личности студента. Она

подчеркнула необходимость особого внимания в процессе изучения этой дисциплины на нравственную и эстетическую роль культуры советского периода, таких ее выдающихся представителей как М. Шолохов, Л. Леонов, А. Чаковский, Ю. Бондарев, К. Симонов, А. Твардовский и др.

Кандыбович С.Л., Председатель Федеральной культурно-национальной автономии «Белорусы России», доктор психологических наук, профессор, в выступлении дал развернутую характеристику социально-культурным отношениям Беларуси и России. Он, подчеркивая генетическое единство культур двух славянских народов, высказал ряд положений, которые дают основания для взаимного обогащения двух стран в области культурного сотрудничества. Докладчик охарактеризовал, во-первых, накопленный опыт организации, которую он возглавляет, и, во-вторых, раскрыл пути усиления такого сотрудничества. Среди которых, по его мнению, приоритетными являются: проведение совместных дней культуры, обмен и перевод художественных произведений; совместные постановки кинофильмов; месячники театральных фестивалей; научные стажировки и др.

Доклад Ксенофонтова В.В., преподавателя Первого независимого университета, кандидата философских наук, был посвящен философскому анализу феномена русского мира. Выступающий отметил, что в условиях притязания США на диктат в мировой политике и стремлении оттеснить роль России в решении глобальных проблем, весьма остро стоит вопрос о сплочении союзников нашей страны. В этой связи Ксенофонтов В.В. обосновал концептуальную позицию в понимании русского мира. Среди его доминирующих критериев он охарактеризовал: генетический, сущностной, коммуникативный, пространственно-временной.

Докладчик, раскрывая содержание и специфику выделенных критериев, особое внимание среди них уделил рассмотрению сущностного. Он характеризует русский мир как взаимосвязанную систему социокультурного развития, опирающуюся на социальную значимость в духовной жизни художественно-эстетических и нравственных ценностей, общность традиций и обычаев народа. Именно духовная культура, отметил выступающий, прежде всего литература и искусство, отражают сущность русского мира, бытие его народа.

В научном сообщении Смирнова Г.Н., кандидата исторических наук, профессора Дипломатической академии МИД РФ, были рассмотрены основные векторы международной политики России и США. При этом он подчеркнул, что в условиях реалий современ-

ного мира и тенденций его развития нельзя не видеть, с одной стороны, стремление российского государства в политике на международной арене исключить эскалацию военной напряженности, активно бороться с международным терроризмом, а, с другой стороны, — устремление США нагнетать военную напряженность на планете, помогать различным странам, поддерживающим прямо или косвенно террористов.

Гунибский М.Ш., заместитель заведующего кафедрой философских и социально-экономических дисциплин МГЮА, кандидат философских наук, доцент, в своем выступлении сосредоточил внимание на необходимости активизации нравственного воспитания российской молодежи, студенчества в особенности. Он подчеркнул, что в условиях информационной войны, развернутой рядом стран Запада против России, особое значение приобретает ориентация нашей молодежи на такие нравственные ценности как справедливость, долг, добро, нравственный идеал. В его выступлении были раскрыты опыт и формы такой деятельности со студентами-юристами.

Доклад Брычкова А.С., доктора философских наук, профессора Военной академии ВПВО (г. Смоленск), был посвящен характеру «цветных революций» в современном мире. При раскрытии этой актуальной проблемы он обратил внимание на социально-экономические предпосылки таких революций, охарактеризовал место и роль внешнего фактора воздействия, проанализировал общее и особенное в их протекании, показал влияние информационно-идеологического фактора на различных этапах процесса «цветной революции» на примере современной Украины. Ученый обратил внимание на необходимость комплексного изучения причин и характера протекания «цветных революций», а также своевременного их обнаружения и недопустимости «расползания».

В научном сообщении Петрия П.В., начальника кафедры философии и религиоведения Военного университета, указывалось на важность духовных ценностей российской армии в процессе формирования надежных защитников Отечества. Характер доклада был посвящен классификации духовных ценностей современной армии России, вскрытию диалектики общего и особенного в их функционировании, критике несостоятельности негативных подходов к роли армии как элементу внешней политики государства; обосновании значимости патриотического сознания в духовной жизни российских воинов. Им достаточно аргументированно была обоснована сущность духовной безопасности современной России и показана ее аксиологическая значимость.

Доклад Волохова В.И., декана факультета международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, кандидата военных наук, профессора, раскрывал несостоятельность политической практики США и стран Европы по вопросу продвижения НАТО на Восток. Выступающий аргументированно доказал, что Россия в военно-политическом плане никому из стран Европы не угрожает, а напротив, строит внешнюю политику, ориентируясь на миролюбивые отношения и международное право. В свою очередь, докладчик подчеркнул, что размещение системы ПРО в странах Балтии создает новые угрозы для России, нагнетает международную напряженность.

Не будет лишним заметить, отметил Волохов В.И., что в странах Балтии на постоянной основе создаются американские военные базы, где хранятся вооружения и боевая техника для последующего развертывания крупных соединений сухопутных войск США от дивизии до нескольких отдельных бригад.

В выступлении Далецкого Ч.Б., профессора МГЮА, доктора философских наук, дан анализ коммуникативной роли США в условиях эволюции российского общества и перспектив его развития. Ученый раскрыл характер как негативных, так и позитивных процессов, связанных с деятельностью СМИ, уделив особое внимание необходимости «расширения поля» формирования эстетической культуры у россиян. Далецкий Ч.Б. дал обстоятельную критику ряда СМИ, информационная направленность которых тиражирует аморальные художественные образы, возводя в разряд героических типов насильников, предателей, воров. Наряду с этим он, опираясь на позитивные эстетические ценности в деятельности СМИ, охарактеризовал важность пропаганды привлекательных художественных образов через аксиологическую, мировоззренческую, онтологическую и воспитательную функции искусства.

Доклад Пустохайлова В.Н., полковника, преподавателя Рязанского ВВДКУ имени генерала армии В.Ф. Маргелова, раскрывал важную политическую проблему в условиях современных международных отношений. Она сводилась к оказанию гуманитарной помощи Россией Сирии в процессе борьбы с международным терроризмом на территории этого государства. В своем докладе Пустохайлов В.Н. взвешенно обосновал необходимость гуманитарной помощи со стороны РФ сирийскому народу, вскрыл несостоятельность и непоследовательность позиции США в борьбе с международным терроризмом. Особе внимание выступающий уделил раскрытию гуманитарной миссии военных инженеров и специалистов из России по разминированию взрывоопасных предметов и мин

в районе исторического памятника — Пальмиры, оставленных террористами.

Крылова И.А., ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, в своем выступлении сосредоточила внимание на подготовке научных кадров в условиях современного состояния российского общества. Она подчеркнула, что без развития фундаментальной науки, подготовки научных кадров различного профиля нельзя не только успешно пройти кризисный этап в экономике, но и эффективно решать стратегические задачи развития страны. В этой связи Крылова И.А. отметила, что в решении актуальных задач в научной сфере, во-первых, нельзя копировать западные модели, и, во-вторых, следуя принципу преемственности, бережно опираться на свой российский опыт, включая советский период.

В научном сообщении Белова М.В., доцента МГЮА, кандидата философских наук, была обоснована точка зрения на укрепление военной безопасности России. Он подчеркнул, что в условиях возрастания угроз нашей стране со стороны США и НАТО, необходимо в государстве сконцентрировать внимание на решение следующих задач в сфере обороны: 1) активнее внедрять в войска, особенно в воздушно-космические, новую боевую технику; 2) создавать соединения и части, оснащенные современным вооружением, в Западном военном округе; 3) обновить положения военной доктрины с учетом новых вызовов и угроз России; 4) качественно реформировать подготовку кадров воспитателей личного состава в армии и на флоте.

В докладе Хохлова Л.М., генерал-лейтенанта, дана развернутая характеристика сложной современной военно-политической обстановки в мире. В выступлении значительное внимание было сконцентрировано на анализе следующих положений: критика военно-гегемонистских устремлений и действий США, связанных с военной стратегией, опирающейся на силу как фактор решения международных проблем; раскрытие опасности распространения ядерного оружия на планете; обоснование несостоятельности поддержки США политических режимов, с согласия которых действуют террористы ы Сирии; доказательство опасности для дела мира продвижения НАТО к границам России. Докладчик также раскрыл содержание, структуру и состояние современной военной мощи РФ и обосновал пути ее укрепление.

Выступление Паршина В.В., декана Национального института имени Екатерины Великой, кандидата исторических наук, профессора, было посвящено всестороннему анализу новых вызо-

вов и угроз в условиях изменяющихся международных отношений. При этом он сконцентрировал содержание своего доклада на важности понимания нового явления в международной политике государств Запада, каким является так называемая «гибридная война». Вместе с тем Паршин В.В. раскрыл важность концепции ядерного сдерживания, необходимости России асимметрично отвечать на военные угрозы со стороны НАТО.

Научное сообщение Стрельца Р.В., полковника, заместителя начальника кафедры исторических наук ВА ВПО ВС РФ (г. Смоленск) было посвящено подготовке военных кадров. Он отметил, что в условиях создания НАТО системы ПРО вблизи границ с Россией возрастает потребность в подготовке квалифицированных кадров в области ПВО в нашей стране. Стрелец Р.В. в этой связи раскрыл опыт работы в такой области в Военной академии войсковой ПВО на основе системы двухступенчатого образования. Кроме того, он охарактеризовал опыт работы в академии по подготовке научных кадров по эффективным направлениям противовоздушной обороны, остановился на ряде примеров деятельности российских специалистов в борьбе с террористами в Сирии.

Таким образом, в процессе выступлений на конференции были обстоятельно рассмотрены актуальные проблемы состояния и перспективы развития России, обоснована ее роль в решении ключевых международных вопросов современности, вскрыты возможные их тенденции.

Магарил С.А.

ФАНТОМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (О КНИГЕ Ж.Т. ТОЩЕНКО «ФАНТОМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА». М.: ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И МАРКЕТИНГА. 2015. 668 С.)

Сергей Александрович Магарил, кандидат экономических наук, доцент РГГУ, magaril@yandex.ru

Фантомы российского общества — суть фантомы сумеречного сознания России

Начну свои размышления с мысли Ж.Т. Тощенко, которая на фоне реалий постсоветской России поразила меня своей печальной очевидностью: «Образ мысли — определяет образ действий; массовый образ мысли — определяет массовый образ действий. Народ живет так, как научился мыслить». И потому столь значимо исследование фантомов сумеречного сознания России. Общество, не освоившее рационально-критическое мышление в сегменте социально-властных отношений, никогда не будет благополучно. Катастрофа СССР, с его подлинными научно-техническими достижениями, сотнями тысяч ученых и многими миллионами квалифицированных инженеров неопровержимо о том свидетельствует.

Обсуждаемая книга обобщает многолетние исследования автора российского общества. Фактически, это высокопрофессиональный диагноз глубоко неблагополучного социума, диагноз нелицеприятный, многоаспектный и остро актуальный. Затронуты кричащие проблемы нынешней России, среди них:

— сомнительные итоги постсоветских реформ и их причины;

— колоссальная и продолжающая расти имущественная поляризация;

— острый дефицит доверия, в т.ч. доверия россиян к общественным и властным институтам;

— патологическая коррупция государственного аппарата, несовместимая с должным качеством государственного управления;

— широчайший разлив имитации, как замена реальной деятельности во всех сферах жизни общества;

— травматическое давление на СМИ, превратившее их «в услугу для причастным к власти и капиталу»;

— беспомощность государства, неспособного остановить «наглый грабеж» плутократией национального достояния России;

— кто такие эффективные менеджеры и в чем их эффективность; что из себя представляет т. н. российская элита, ее административно-политический и бизнес сегменты; охлократические проявления в нынешнем российском обществе, интеллигенция и последствия ее нравственной деформации;

— раскол общества по важнейшим ценностным основаниям.

Процессы последних десятилетий, оказавшие столь разрушительное влияние на сознание и жизнь российского общества, автор монографии назвал ***фантомами*** (с. 9). Размышляя о причинах происшедшего, он приходит к выводу: в основе масштабная деформация общественных процессов вследствие ***экстраэгоистических притязаний***. И реализовать их удалось, ***паразитируя на древнейшей отечественной традиции — собственность и, прежде всего крупнейшую собственность порождает «обладание властью или нахождение при власти»*** (с. 10). Подобный вывод со всей остротой ставит еще одну проблему — проблему дифференциации отечественных традиций на позитивные, способствующие поступательному восходящему развитию общества и негативные, препятствующие такому развитию. Так еще дореволюционный профессор древне-русского права В.И. Сергеевич указывал на типологически-подобные механизмы порождения собственности в эпоху удельных княжеств. Этот феномен тесно связан с таким процессом как возникновение и порождение мифов (см. подробнее: Осипов Г.В. Социальное мифотворчество, М., 2000).

Сохранение этих механизмов и дальнейший рост имущественной поляризации крайне опасны. «Социальное неравенство всегда было в России внутренним детонатором всех бунтов и революций» (*Горшков М.К.* Проблемы национальной безопасности в информационном обществе // Власть. 2014. № 11. С. 11). Отсюда с неизбежностью возникает проблема острейших рисков общества при сохранении анализируемых Ж.Т. Тощенко тенденций и отказе групп господства от модернизации социально-властных отношений.

В кратком выступлении невозможно осветить все интеллектуальное богатство обсуждаемой книги. И потому остановлюсь лишь на двух исследовательских сюжетах монографии: ***социальное качество больших групп российского общества и его социо-культурный раскол.*** Речь пойдет о направлении дальнейших исследований, которые открывают идеи данной монографии.

Проблема социального качества

Под социальным качеством больших социальных групп сложно структурированного общества понимается способность этих групп вносить вклад в выживание общества, его развитие, а потому и благополучие. Можно выделить интегральные показатели, позволяющие охарактеризовать макросоциальные стратегии основных групп российского общества.

Отечественную административно-политическую элиту чрезвычайно выразительно характеризует масштаб коррупции, оцененный экспертами Генпрокуратуры, а затем и Совета Федерации в 240 млрд. долл. в год, что сопоставимо с доходами федерального бюджета. Мздоимство чиновников ведет к распаду государственной власти, что наглядно продемонстрировали погромы и массовые беспорядки в Кондопоге летом 2006 г. Если соотнести происшедшее в этом городке с данными прокуратуры, станет очевидно: причины событий в Кондопоге тиражируются на общенациональный уровень. И нет никаких оснований ожидать, что последствия будут иными. Продажность государственного аппарата — одна из наиболее значимых угроз национальной безопасности России.

Для бизнес-элит показателем социального качества может служить массированный вывоз капитала из России в условиях предельной изношенности ее инфраструктуры и основных фондов. Согласно оценкам академика РАН С.Ю. Глазьева совокупный вывоз капитала уже на рубеже 2000 г. оценивался без малого в 1 трлн. долл. Есть основания полагать, что за следующие годы этот показатель как минимум возрастет.

Массовые слои общества характеризует критически низкий уровень взаимного межличностного доверия. Это порождает политическую беспомощность и влечет отказ от ответственности за судьбу России. Насколько жизнеспособно такое общество в ситуации масштабного кризиса?

Многомиллионная интеллигенция России — носитель национального интеллекта — также не продемонстрировала необходимой политической культуры и способности действовать солидарно. Она не сумела блокировать разрушительные антисоциальные реформы и навязать правящей бюрократии политику национального развития. Более того, стремясь сохранить элементарно приемлемый уровень жизни и не в силах противостоять аморализму, транслируемому с верхних этажей социальной пирамиды, интеллигенция встала на путь негативной адаптации. Об этом свидетельствуют поборы в средней школе, при медицинском обслуживании,

коррупция в судах и даже в высшей школе. И их носителями являются как раз носители псевдо-интеллигенции, о которых так образно пишет Тощенко: такие типы как «бесы» (Березовскй), мутанты (бывший секретарь ЦК КПСС Яковлев), политические клоуны (Жириновский), «нарциссы» (Немцов, Собчак), коллаборационисты (Бывний министр иностранных дел Козырев, бывший советник Президента Илларионов, главный редактор журнала «Америка» Боровой). Дается глубокая и обстоятельная характеристика такого явления (по аналогии с семибоярщиной в Смутное время российской истории) как семибанкирщина (Ходорковский, Гусинский, Березовский и др.). Осмысливается такой феномен как «эффективные менеджеры» (Чубайс, Кох, Якунин), которые считали, что раз у них есть»идеи» и «хорошие намерения осчастливить людей», то этого достаточно, чтобы руководить стрной и народом (С. 385)

Вышеизложенное свидетельствует: макросоциальные стратегии фантомных групп российского общества, какими бы посулами они не прикрывались, направлены на его дезорганизацию, а потому и дезинтеграцию и общества и государства.

Проблема социо-культурного раскола

Социо-культурный раскол (СКР) — это острейшие, несовместимые различия в ценностях, идеалах, коллективных предпочтениях; непримиримые образы общенационального будущего и остро конфликтные представления о способах его достижения. В качестве грозного феномена общественного сознания России, раскол инициирует разнонаправленные, в т. ч. взаимоисключающие программы деятельности, в том числе и тех, кто стремится обладать капиталом, властью в купе со славой. Есть основания полагать, что именно СКР породил в отечественном XX в. такие формы национального самоистребления, как революция, гражданская война, раскулачивание, голодомор, государственный террор (ГУЛАГ).

Революция и гражданская война начала XX века наглядно продемонстрировали: социальные слои и группы, имеющие стадиально различный социокультурный потенциал адаптации, в принципе не способны развиваться в едином историческом темпе, и возникшие мощные социальные напряжения разорвали социум.

Экономически и культурно отсталой, аграрной России, с десятками миллионов азбучно неграмотных людей была необходима культурная революция. Вложив немалые средства в ликвидацию неграмотности и создание системы образования, Советская Рос-

сия за жизнь одного поколения (конец 1920–1960 гг.) ликвидировала неграмотность, подготовила миллионы квалифицированных инженеров и сотни тысяч ученых. Это их талант и труд преобразовал аграрную Россию в индустриальный СССР.

Однако, несмотря на реальные, нередко выдающиеся научные и технико-технологические достижения, советский социализм рухнул, оказавшись тупиковым общественно-историческим проектом. Его социально-властные отношения оказались неадекватны потребностям дальнейшего развития общества. В этом также проявил себя глубочайший социокультурный раскол и парадоксы российского национального сознания:

— породившего выдающиеся научно-технические достижения и тупиковые социально-властные отношения;

— совмещающего рационализм технико-технологического мышления и иррационализм социально-властных, общественно-политических представлений.

Социокультурный раскол российского общества продолжает воспроизводиться и в начале XXI в. в виде глубоких социально-экономических различий регионов, а потому и различий жизненных шансов их жителей; кричащей имущественной поляризации; решений суда, всегда за редким исключением выносимых в пользу власть- капитал предержащих; аномально высокого уровня взаимного недоверия россиян; межэтнической напряженности; тлеющих межконфессиональных противоречий; острого отчуждения населения от власти за исключением президента В.В. Путина; глубоких различий в уровне политической культуры урбанизированной части общества и его провинциальной, аграрной периферии; очевидных различий в неформальных, культурных нормах коренного населения и миллионных потоков мигрантов; поощряемой властями православной клерикализации многоконфессионального общества…

Известно: «совместные действия требуют единодушия либо авторитарного насилия». (И.Г. Яковенко). Из этого следует: неизбывное воспроизводство социокультурного раскола сохраняет, поддерживает в российском обществе предпосылки, как для новых версий авторитаризма, так и национального самоистребления. Стартовым механизмом подобного конфликта может стать очередной распад основных систем жизнеобеспечения в результате резкого падения цен мирового рынка на углеводороды, что и произошло с Советским Союзом во второй половине 1980-х годов. Преодоление социо-культурного раскола, формирование **общенациональных** ценностей, идеалов, образа общепри-

емлемого национального будущего требует масштабного общественного диалога. А на этом пути стоят такие уникальные препятствия как массовая имитация деятельности многих фантомных и околофантомных личностей во всех ее проявлениях — демагогия, провокация, профанация, фальсификация, манипулирование (См. Главу 3.1).

В ходе прочтения монографии и ее обсуждения на многих дискуссиях прозвучало традиционное «Что делать?» Позволю высказать собственный взгляд и обратить внимание на два сценария, реализованных в отечественной истории. Первый — подготовка выдающихся реформаторов, осуществивших Великие реформы 1860–1870 годов. Их воспитали университеты России. Разве российские университеты начала XXI века не способны воспитать интеллектуалов такого же уровня?

Сценарий второй, — с конца 1920-х по 1970-е годы в СССР были подготовлены миллионы квалифицированных инженеров, освоивших рационально-критическое мышление в сегменте технико-технологического знания. Это их труд и талант преобразовали аграрную Россию в индустриальный СССР. Что мешает нам воспитать у выпускников сегодняшних университетов рационально-критическое мышление в сегменте социально-властных отношений?

Первый русский нобелевский лауреат И.П. Павлов утверждал недаром: «Судьбу наций определяет ум интеллигентский». Для обоснования тезиса о ведущей роли интеллигенции укажу также на А. Изгоева — одного из авторов «Вех». Он и его единомышленники будущее России связывали с образованным сословием. В 1910 г. А. Изгоев писал: «Интеллигенция должна стать… государственно-созидательной силой, не оскверняясь холопством, в котором морально и умственно погрязло нынешнее служебное сословие. Интеллигенция… из замкнутой узкой группы теоретиков-фантазеров должна превратиться в широкое *(влиятельное — С.М.)* национальное сообщество». Не заблуждаясь относительно масштаба задачи, А. Изгоев предвидел: «Скажут, поставленная задача не разрешима, что она утопична. На это могу дать лишь один ответ. Если не удастся создать в России государственную *(национально-ответственную — С.М.)* интеллигенцию сознательными усилиями, она народится как результат целого ряда катастроф, если только за это время не погибнет и не расчленится само государство. ***Наша задача — предупреждать эти катастрофы и готовить людей, способных к этой творческой работе***»[1].

[1] *Изгоев А.С.* Интеллигенция и «вехи» // Русское общество и революция. М., 1910. С. 10–11.

Каково предвидение! Полагаю, что сформулированная А. Изгоевым задача актуальна и сегодня. Происходящее на Украине отчетливо об этом свидетельствует.

Отсюда вытекает еще одно важное положение, а кто должен венчать эти интеллектуальные усилия?. История знает немало примеров, когда именно выдающиеся личности сформулировали, организовали и добились впечатляющих результатов в развитии своих стран — Ден Сяо Пин (Китай), Ли Куан Ю (Сингапур), Аденауер (Германия), руководители государств юго-восточной Азии («молодые тигры»). А кто оказался во главе желающей и стремящейся обновиться России? Тощенко с позиций беспощадной логики показал нищету и убожество руководителей страны на пороге этих требований времени, назвав Горбачева современным эпигоном (напомню, эпигоны, наследники империи А. Македонского, которые не смогли сберечь доставшееся им наследство) (с. 511–599), Ельцина — российским Геростратом, который подобно своему предшественнику, сжегшему храм Артемиды Эфесской, сжег всю страну во имя личностных амбиций (с. 508–560). Что касается Гайдара с его команды, автор сравнил их с чертополохами, неизвестно и непонятно как появившихся на политическом поле, или гапоновцами, сознательно спровоцировавших все возможные бедствия на голову россиян (с. 600–654).

И последнее. Есть вопрос, на который желательно иметь хотя бы приблизительный ответ отечественных социальных наук. Базовые черты национального характера народа России за минувший век сохранились или претерпели необратимую трансформацию? Если сохранились, то следует ли ожидать разворачивания массового низового террора по прецеденту начала нашего XX века? Нынешний сервильный российский суд, которому не доверяет большинство населения, значимая тому предпосылка. Первые вспышки уже состоялись. Если же базовые черты народного характера необратимо деградировали, то способен ли наш народ продолжить дальнейшее самостоятельное историческое существование?

Фундаментальное исследование Ж.Т. Тощенко — мощная научная основа для дальнейшей интеллектуальной работы отечественных социогуманитариев по предотвращению национальных катастроф.

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»
зарегистрирован
в СМИ ПИ
Свидетельство о регистрации №ФС77-37675
от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук
Российская Академия социальных наук
Российский государственный университет нефти и газа
им. И.М. Губкина

Главный редактор:
В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:
119991, Москва, Ленинский проспект, 32а
Тел./факс: (495) 938 58 43
e-mail: sigarevae@mail.ru
Материалы журнала размещены на сайтах:
WWW.C-SOCIETY.RU; WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 31.10.2016
Формат 62 × 94 $^{1}/_{16}$
Гарнитура «Pragmatica»
Тираж 1000 экз.
14 усл. п.л.